

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.



Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ LX.

[N 9-10]

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

—
1848.

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ КИРГИЗСКОЙ-СТЕПИ (*).

=

On voyage pour raconter.

I.

Въ концѣ мая 184* прибылъ я въ Петропавловскъ, который находится на самой границѣ Тобольской-Губерніи и Киргизъ-Кайсацкой Степи. Упраздненная крѣпость стоитъ на крутой возвышенности, а городъ на равнинѣ, неимѣющей никакой замѣтной для глаза покато-сти. Изъ крѣпости, городъ съ его прямыми улицами, пересѣкающимися подъ прямыми углами, имѣетъ совершенно видъ шашечницы. Вся дома деревянные, кромѣ двухъ, трехъ каменныхъ частныхъ и нѣсколь-кихъ казенныхъ строеній. Не смотря на то, Петропавловскъ, послѣ Тю-мени, есть самый красивый изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Тобольской-Губерніи, и мнѣ особенно понравилось въ немъ то, что улицы доволь-но узки и соразмѣрны съ высотой строеній. Ничего не можетъ быть непріятнѣе для глаза, какъ улицы шириною съ Невскій-Проспектъ и обставленныя хижинами, вышиною въ полторы сажени. Это почти об-щій недостатокъ такъ-называемыхъ правильно-выстроенныхъ город-ковъ нашихъ.

Петропавловскъ и Семиполатинскъ служатъ главными пунктами для торговыхъ сношеній Западной-Сибири съ Среднею-Азіею. Эта тор-говля до-сихъ-поръ еще въ весьма-жалкомъ состояніи и выйдетъ изъ него не ранѣе, какъ по совершенномъ успокоеніи Киргизской-Степи; но эта вождедѣльная эпоха, какъ кажется, еще не слишкомъ близка, не смотря на то, что въ последнее время сдѣлано уже нашимъ правитель-ствомъ очень-много для водворенія порядка въ обѣихъ подвластныхъ

(*) Предлагаемая публикѣ статья составлена частію изъ личныхъ воспоминаній автора, участвовавшего въ экспедиціи противъ киргизскихъ мятежниковъ, частію же изъ слышаннаго имъ на мѣстѣ и отъ очевидцевъ. Для простоты и единства раз-сказа, приключенія, случившіяся въ разное время и съ разными людьми, при-писаны здѣсь одному и тому же вымышленному лицу.

Россіи ордахъ. Изъ Петропавловска караваны ходятъ во всѣ ханства, составляющія такъ-называемый Туранъ, или Мавераннегръ, то-есть, въ Хиву, Бухарію и Коканъ съ Ташкентомъ. Изъ Семипалатинска, сверхъ-того, караваны, съ нѣкотораго времени, отправляются и въ китайскій городъ Чугучакъ, находящійся вблизи западной границы поднебесной имперіи и также въ города китайскаго Туркестана, Большую и Малую Кульджи. Впрочемъ, какъ я сказалъ уже выше, всѣ эти обороты такъ еще ничтожны, что скорѣе могутъ почитаться періодически-повторяющимися опытами, чѣмъ правильными торговыми сношеніями. До-сихъ-поръ, нѣтъ въ Сибири другихъ признаковъ сосѣдства Турана и Китая, кромѣ нѣсколькихъ халатовъ и дамскихъ манто, сшитыхъ изъ матерій, которыя надлежащимъ образомъ назвать можетъ одинъ только отецъ Іакинѣ, и еще нѣсколько картинъ, подающихъ самое невыгодное понятіе о нравственности жителей поднебесной имперіи.

Не смотря на ничтожность этихъ сношеній, Петропавловскъ имѣетъ фizioномію совершенно-пограничнаго города. Всѣ возможныя турецкія нарѣчія слышны по улицамъ и заглушаютъ собою не только исковерканный персидскій языкъ Бухарцевъ, но даже и нашъ русскій. Пестрота костюмовъ также кидается въ глаза. Не знаю хорошенько, за-чѣмъ жалуютъ къ намъ эти дорогіе гости, важно прогуливающіеся по улицамъ въ халатахъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ и въ пестрыхъ чалмахъ. Дѣла у нихъ до насъ, кажется, никакого нѣтъ; въ противномъ случаѣ, цифры средне-азіатской торговли не были бы такъ убійственно ничтожны. Впрочемъ, я замѣтилъ, что вообще небогатые Азіатцы чрезвычайно какъ расположены къ отдаленнымъ странствованіямъ; въ этомъ отношеніи, они похожи даже на Англичанъ, съ тою только разницею, что Англичане, куда бы ни ѣздили, всегда ѣдутъ *за дѣломъ*, между-тѣмъ, какъ Азіатцы предпочитаютъ ѣздить *безъ всякаго дѣла*. Надобно же чѣмъ-нибудь да жить, а доставать пропитаніе какой бы то ни было работой кажется для большей части правовѣрныхъ пыткой, едва-ли сноснѣйшею голода. Каждый предпочитаетъ наняться къ караван-баши или пристать, подѣ какимъ бы то ни было предлогомъ, къ военному отряду, чтобы, ничего не дѣлая, избѣгнуть голодной смерти. По-этому, для азіатскаго завоевателя или разбойника весьма-легко въ самое короткое время собрать вокругъ себя огромную шайку. Чтò можетъ быть, въ-самомъ-дѣлѣ, пріятнѣе, какъ прокататься нѣсколько мѣсяцевъ сряду на спинѣ верблюда, или, сидя на лошади, помахать нагайкою, безъ малѣйшихъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, который, по всей вѣроятности, пройдетъ точно такъ же, какъ и вчерашній. Конечно, эти странствія сопряжены съ опасностями—они могутъ заставить призадуматься людей и похрабрѣе Азіатцевъ, но въра въ предопредѣленіе, отъ котораго нельзя уйти, даже и сидя дома, совершенно успокоиваетъ послѣднихъ. Притомъ, жизнь въ русскомъ городѣ должна имѣть свои пріятности даже и для самыхъ почтенныхъ пріѣзжихъ изъ Хивы, Ташкента или Бухары. Эти именитые мужи залечиваютъ на покоѣ палочные удары, которыми щедро награждаются подѣ управленіемъ своихъ хановъ, и сверхъ-того могутъ на время

безопасно сбросить тяжелыя узы, которыя налагаетъ на нихъ дома исламизмъ. Въ Петропавловскъ большое требованіе на ромъ, и правоярныя пьютъ его такъ, что самъ Бурцовъ позавидовалъ бы ихъ удали.

Обстоятельства заставили меня прожить нѣсколько дней въ этомъ городкѣ, и я нашелъ въ немъ такъ много пищи для любознѣтельности, что время прошло для меня совершенно-незамѣтно. Мнѣ удалось сблизиться съ нѣкоторыми изъ прїѣзжихъ купцовъ и, по вечерамъ, у меня иногда собиралось довольно-многочисленное общество. Послѣ нѣсколькихъ витіеватыхъ комплиментовъ, послѣ взаимныхъ извиненій въ незнаніи обычаевъ и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ стакановъ пуншу, ледяная кора, отдѣлявшая меня отъ моихъ гостей, обыкновенно исчезала и бесѣда ихъ дѣлалась въ высшей степени занимательною. Въ Петропавловскѣ, политика составляетъ любимый предметъ разговоровъ, но никто не знаетъ, да и знать не хочетъ о европейскихъ дѣлахъ. Имя Гизо еще тамъ неизвѣстно, такъ же какъ имя перваго министра какого-нибудь допотопнаго государя, и даже гулъ июльскихъ громовъ до сихъ-поръ не достигъ до слуха петропавловскихъ политиковъ. Такимъ-образомъ, вы не обязаны переслушивать то, о чемъ у насъ такъ много говорятъ, и о чемъ, однако, такъ рѣдко удается слышать что-нибудь новое или дѣльное. Здѣшній политическій міръ совсѣмъ другой. Въ немъ заключаются страны, которыя едва извѣстны намъ по имени и которыя сама природа отдѣлила отъ всего остальнаго свѣта, оцѣпивъ ихъ необъятными, безводными пустынями; страны, предоставленныя судьбою собственной своей жизни и неподчиненныя всемірной опеке Европейцевъ. И какъ фантастически-чуждѣнъ политическій бытъ этихъ средиземныхъ государствъ! Искендеръ-Руми и Чингис-Ханъ, Саманиды и Тимуриды—вотъ имена, которыя съ гордостію повторяются учеными Туранцами. И потомъ, какую нескончаемую, кровавую драму представляетъ исторія этого края, отъ самаго покоренія его Узбеками до нашего времени! Теперь, эти кровопролитія свирѣпствуютъ съ большею еще силою, чѣмъ когда-нибудь. Нерѣдко могущественное государство почти мгновенно создается, почти такъ же мгновенно падаетъ и буря еще сильнѣе неистовствуетъ послѣ каждаго такого паденія! Слушая толки очевидцевъ всѣхъ этихъ катастрофъ, начинаешь понимать настоящій характеръ Азіатцевъ, между которыми то честный Яго, то доблестный Фальстафъ встрѣчаются на каждомъ шагу. Геній Шекспира, создавъ Макбета, разъяснилъ намъ характеръ и большей части эфемерныхъ азіатскихъ государей-завоевателей, которыхъ самое положеніе вовлекаетъ изъ одного преступленія въ другое. Въ быстрыхъ успѣхахъ ихъ обыкновенно тѣится и зародышъ гибели.

Такъ-какъ я находился въ Петропавловскѣ только проездомъ, имѣя намѣреніе отправиться по дѣламъ службы въ Киргизъ-Кайсацкую-Степь, то, само-собою разумѣется, вопросы мои преимущественно обращены были на этотъ край, который до того времени былъ мнѣ совершенно-неизвѣстенъ. Подѣлюсь тѣмъ, что я узналъ, съ моими читателями, хотя заранѣе долженъ предупредить тѣхъ, которые имѣютъ уже нѣкоторое понятіе о порядкѣ степныхъ дѣлъ, что они не найдутъ ни-

чего новаго въ этихъ замѣткахъ, заключающихъ въ себѣ только самыя общія свѣдѣнія. Но, безъ-сомнѣнія, въ большинствѣ моихъ читателей слово «Киргизъ-Кайсацкая-Степь» возбуждаетъ только воспоминаніе объ огромномъ быломъ пространствѣ на ихъ учебныхъ географическихъ картахъ, которое довольно-трудно бывало имъ отличить отъ моря, и ихъ-то прошу я имѣть терпѣніе прочесть слѣдующія страницы.

II.

Вся киргизская исторія состоитъ изъ однихъ только безсвязныхъ преданій: нѣтъ ни лѣтописей, ни даже какихъ-нибудь историческихъ рапсодовъ. Правда, въ степи каждый курганъ, каждая могила и почти каждое урочище, удостоенное какого-нибудь названія, имѣютъ свою легенду, но онѣ передаются изустно и, благодаря пылкости азіатскаго воображенія, въ самое короткое время превращаются въ совершенную безсмыслицу. Эти легенды ждутъ еще своего Ходаковского, но, по всей вѣроятности, никогда его не дождутся. Любя однѣ только сказки, Киргизы до того равнодушны къ подвигамъ предковъ своихъ, что немногіе изъ нихъ умѣютъ назвать по имени своего прадѣда, и это замѣчаніе относится даже къ пынѣшнимъ представителямъ тѣхъ фамилій, которыя имѣли самое сильное вліяніе на судьбу своего отечества. Конечно, и мы, за множествомъ другихъ, важнѣйшихъ дѣлъ, не станемъ доискиваться до того, что Киргизы дѣлали за нѣсколько вѣковъ тому назадъ; тѣмъ болѣе, что эти утомительныя изслѣдованія привели бы насъ только къ познанію нѣсколькихъ собственныхъ именъ, въ которыхъ мы нисколько не нуждаемся. Можно, однако, принять за достовѣрное, что не болѣе, какъ лѣтъ за 250 тому назадъ, Киргизы обитали еще въ предѣлахъ Сибири, въ Кузнецкомъ и Минусинскомъ Округахъ, на верховьяхъ рѣки Енисея. Оттуда они постепенно распространялись къ западу, перешли чрезъ Иртышъ и, наконецъ, заняли все пространство до самаго Урала. Не далѣе, какъ въ серединѣ прошлаго вѣка, прекратилась отчаянная борьба ихъ съ Калмыками и Каракалпаками, которые съ доброй воли не хотѣли уступить пришельцамъ привольныхъ своихъ степей. Замѣтимъ еще, что Киргизы сами себя не иначе называютъ, какъ казаками, и что названіе Киргизовъ дано имъ Русскими, которые смѣшали ихъ съ такъ-называемыми Дико-Каменными Кыргыздами или Бурутами. Но довольно говорить о томъ, что дѣйствительно было—лучше расскажемъ, какое существуетъ у Киргизовъ повѣрье на счетъ ихъ происхожденія.

Они думаютъ, что страна ихъ шесть разъ уже мѣняла своихъ обитателей, которые, въ-слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, каждый разъ погибали всѣ до послѣдняго человѣка. Степь на нѣсколько вѣковъ превращалась въ безлюдную пустыню, въ которой только тлѣющія кости исчезнувшаго съ лица земли народа свидѣтельствовали о его быломъ существованіи. Киргизы почитаютъ себя седьмыми пришельцами въ своемъ краю и ожидаютъ, что и надъ ними нѣкогда разразится ро-

ковая судьба ихъ предшественниковъ. Эта идея имѣетъ свою прекрасную, грустно-поэтическую сторону, но очевидно, что она не болѣе, какъ передѣлка на киргизскіе нравы другаго, болѣе общаго мнѣнія, распространеннаго на мухаммеданскомъ востокѣ. Правовѣрные полагаютъ, что земля наша очень-стара, но родъ человѣческій на ней еще не такъ давно и замѣнилъ собою шесть другихъ породъ разумныхъ существъ, владѣвшихъ послѣдовательно землею до созданія Адама. Это мнѣніе основано на неподлежащемъ никакому сомнѣнію авторитетѣ птицы Симург-Авки (*), которая была очевидно свидѣтельницею, какъ всѣ эти жилищцы сѣзжали одни послѣ другихъ съ земли. Но обратимся къ нашему разсказу.

Въ послѣдній разъ, какъ степь была пуста, шли чрезъ нее изъ-за рѣки Сыръ многочисленныя орды Нагайцевъ за тѣмъ, чтобъ отыскать для себя новое отечество въ отдаленномъ Крыму и на Кубани. Достигнувъ верховьевъ рѣки Ишима, на одномъ ночлегѣ, народныя старшины замѣтили, что изъ табуновъ пропало нѣсколько лучшихъ коней, и потому рѣшились, для отысканія ихъ, отправить въ лѣса, которыми въ то время покрыты были берега Ишима, трехъ братьевъ, славившихся въ народѣ своею удалью. Въ лѣсу, братья блуждали нѣсколько дней сряду, коней не отыскивали и когда, наконецъ, вышли на то мѣсто, гдѣ разстались съ своими соотечественниками, то уже не нашли никого: степной вѣтеръ замелъ даже и слѣды странствующаго народа. Братья, оставшись одни въ пустой степи, погоревали нѣсколько времени и потомъ приняли благое намѣреніе обзавестись хозяйками. Для этого, отправились они чрезъ Ишимъ на сѣверъ, похитили тамъ у какого-то невѣдомаго народа трехъ дѣвицъ-красавицъ и возвратились съ ними опять на Ишимъ. Худай (**) благословилъ эти супружества столь-многочисленнымъ потомствомъ, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ двоюроднымъ братцамъ показалось жить вмѣстѣ уже тѣсно, и они разошлись: дѣти старшаго брата на востокъ, къ семи рѣкамъ и Верхнему-Иртышу, дѣти меньшаго на западъ къ Уралу, а дѣти средняго остались на Ишимѣ. Такъ образовались три отдѣльныя сотни—*юзъ*: *Улу-юзъ*—старшая сотня, *Орта-юзъ*—средняя и *Кичи-юзъ*—меньшая. Мы называемъ ихъ: Большая, Средняя и Малая-Орды совершенно-неправильно, потому-что слово орда имѣетъ на киргизскомъ языкѣ значеніе не народа, а мѣста пребыванія или резиденціи ханской. Замѣтимъ еще, что Средняя-Орда есть самая многочисленная изъ всѣхъ трехъ; за нею слѣдуетъ Меньшая и потомъ уже Большая. Впрочемъ, за последнее нельзя ручаться, потому-что точнаго числа Киргизовъ Большой-Орды определить нѣтъ никакой возможности, по неподчиненности ихъ нашему правительству и по отдаленности ихъ кочевокъ.

Теперь разскажу вамъ еще нѣсколько фактовъ изъ новѣйшей исторіи Средней-Орды, которая находится въ настоящее время подъ управленіемъ генерал-губернатора Западной Сибири и въ кочевья которой я

(*) Фердузи въ *Шахъ-Наме*.

(**) Богъ, по-киргизски.

готовился отправиться изъ Петропавловска. Весь мой рассказъ основанъ будетъ исключительно на слышанномъ мною отъ самихъ Киргизовъ, которые заслуживаютъ довѣрія, по-крайней-мѣрѣ, когда говорятъ о событіяхъ столь недавнихъ.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, Туркестанъ, то-есть, небольшія ханства, расположенныя по теченію рѣки Сыр-Дарьи, служили точно такъ же, какъ и теперь, театромъ кровопролитныхъ войнъ, или, лучше сказать, страшной рѣзни между мелкими тамошними владѣльцами. Въ слѣдствіе какихъ-то домашнихъ туркестанскихъ расчетовъ, одинъ изъ числа этихъ мелкихъ владѣльцевъ, по имени Бурю-Ханъ, питалъ самую ожесточенную ненависть къ юному Сабалаку, происшедшему отъ Аблай-Хана, удвоеннаго громкаго названія Кзичара, что въ буквальномъ переводѣ значить *Кровопійца* и принимается Азіатцами за самое высое выраженіе человѣческаго величія. Кажется, что Бурю-Ханъ добивался того же лестнаго титула, и потому, стараясь увеличить число правъ своихъ, алкалъ, какъ степной волкъ, крови человѣческой. По счастью, у юнаго Сабалака былъ мудрый дядька Оразъ, который, для спасенія своего питомца, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Туркестана въ Киргизскую-Степь. Рассказываютъ много занимательныхъ подробностей объ этомъ бѣгствѣ. Туркестанъ отдѣленъ отъ кочевьевъ Средней-Орды огромною, бесплодною и безводною полосою, которую Киргизы называютъ Бед-Пак-Дала, а мы Голодною-Степью. Каково же положеніе тѣхъ, которымъ приходится переѣзжать чрезъ это пространство! На немъ явно тяготѣетъ проклятіе Создателя; тамъ нѣтъ ничего, что могло бы поддерживать жизнь человѣческую; изрѣдка только попадаются колючія растенія, доставляющія скудную пищу лошадямъ и верблюдамъ. Измученный усталостію путникъ долженъ самъ копать для себя колодезь, чтобы добыть ведро отвратительной, горько-соленой воды. Прибавимъ къ тому, что эта полоса, по-мѣньшей-мѣрѣ, составляетъ около 350 верстъ ширины и что Оразъ съ Сабалакомъ должны были переѣхать ее, какъ тампліеры, вдвоемъ на одной вѣдлѣ, которую какъ-то успѣли увести съ собою изъ Туркестана. Судьба дозволила имъ благополучно совершить опасное путешествіе и этимъ еще не ограничила своихъ благодѣяній. Изгнанники были ласково приняты въ встрѣтившихся имъ киргизскихъ аулахъ, въ которыхъ не угасло еще воспоминаніе о знаменитомъ Кровопійцѣ. Въ это время, война Киргизовъ Средней Орды съ Калмыками, жившими въ восточной части степи, была въ полномъ разгарѣ. Сабалакъ принялъ въ ней участіе и молва о его военныхъ дарованіяхъ быстро разнеслась по всемъ кочевьямъ. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возрастало его вліяніе на ордынцевъ и, наконецъ, онъ избранъ былъ въ ханы всей Средней Орды, не смотря на совмѣстничество многихъ другихъ султановъ, которые считали себя знаменитѣйшаго происхожденія, чѣмъ онъ. Сабалакъ принялъ названіе Аблай-Хана и время его правленія осталось незабвеннымъ въ памяти ордынцевъ. Почти вѣковая отлаженность успѣла облечь его какимъ-то чуднымъ блескомъ славы. И теперь еще, въ своихъ стремительныхъ нападеніяхъ на непріятеля, Киргизы употребляютъ

ють воинскій кликъ: Аблай, какъ-бы надѣясь, что имя героя можетъ наэлектризовать ихъ храбростію.

Аблай-Ханъ, по киргизскому обыкновенію, имѣлъ нѣсколько женъ и отъ нихъ множество сыновей, которые, нося титулъ султанскій, сосредоточили въ своемъ семействѣ управленіе почти цѣлою Среднею-Ордою. Подъ старость, Аблай-Ханъ взялъ снова молодую жену и послѣдствія этого брака были весьма-важны для степныхъ дѣлъ. Это случилось въ 1771 году, во время бѣгства Калмыковъ съ Волги въ Китай, чрезъ все протяженіе Кайсацкой-Степи. Киргизы питаютъ закоренѣлую ненависть ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ, и между прочимъ къ Калмыкамъ. Извѣстіе о бѣгствѣ этихъ послѣднихъ изъ Россіи взволновало степь. Всѣ вооружились чѣмъ попало и отправились на путь слѣдованія Калмыковъ, которые думали только о томъ, какъ бы скорѣе добраться до Китая, а вовсе не о томъ, какъ проложить себѣ дорогу среди непріязненныхъ племенъ. Всѣхъ родовъ бѣдствія обрушились на несчастныхъ Тургутовъ (*); множество ихъ было перебито, женщины и дѣти увлечены въ плѣнъ, а скотъ, составлявшій все имущество переселенцевъ, похищенъ. Даже тѣ, которые избѣгли меча и плѣна, погибли большею частію отъ голода и болѣзней. Теперь еще пустынные берега озера Балхаша, на большомъ протяженіи, усыяны человѣческими костями—останками цѣлыхъ тысячъ Калмыковъ, которые, будучи томимы нестерпимою жаждою, неумѣренно напились нездоровой воды этого озера и заплатили жизнью за свою неосторожность. Калмыцкія красавицы имѣютъ какую-то циническую репутацію въ степи, и Киргизы рады были случаю даромъ добыть себѣ невольницъ. Красивѣйшая изъ плѣнницъ досталась на долю Аблай-Хана, который сдѣлалъ ее своею законною женою. Черезъ годъ, ханша-Калмычка родила сына Касыма, о которомъ память долго сохранится въ степи.

Аблай-Ханъ умеръ въ 1781 году. Ровно за пятьдесятъ лѣтъ еще до того, ханъ Малой-Орды Абуль-Хайръ присягнулъ отъ имени всѣхъ Ордынцевъ на подданство Россіи и склонилъ къ тому же Аблай-Хана и хана Большой-Орды, обѣщая, что Россія дастъ имъ войско и пушки, чтобъ совершенно истребить Калмыковъ. Не видя со стороны Россіи исполненія этого обѣщанія, самовольно данного Абуль-Хайръ-Ханомъ, Аблай не считалъ себя связаннымъ своею присягою, и управлялъ ордою совершенно по своему произволу. Послѣ смерти его, ханомъ Средней-Орды объявленъ былъ старшій сынъ его, Вали-Аблай-Хановъ, который утвержденъ былъ въ этомъ званіи нашимъ правительствомъ и присягнулъ на подданство Россіи. Вали не имѣлъ ни одного изъ достоинствъ своего отца. Ханское званіе, въ продолжительное управленіе его (1781—1821), лишилось всей своей важности въ глазахъ народа. Никто не слушался Вали-Хана, который имѣлъ средства чинить судъ и расправу только въ аулахъ, съ нимъ вмѣстѣ кочевавшихъ. Притомъ, ханъ нисколько и не думалъ о сохраненіи

(*) Такъ называлась бѣжавшая съ Волги калмыцкая орда.

порядка въ степи, а заботился только о сборѣ пошлины съ проходивших каравановъ, которые случалось ему подѣлать и грабить, если онъ бывалъ недоволенъ подарками, подносимыми ему караван-баши. Наконецъ, всякое требованіе русскаго правительства принималъ онъ за стѣсненіе своихъ мнимыхъ правъ независимаго владѣльца. По волѣ покойнаго государя, еще при жизни Вали-Хана, дозволено было нѣкоторымъ киргизскимъ родамъ избрать себѣ другаго хана. Выборъ ихъ палъ на восьмидесятилѣтняго Букея, принадлежавшаго къ одной изъ знаменитѣйшихъ киргизскихъ фамилій. Такимъ образомъ, въ Средней-Ордѣ въ одно и то же время было два хана—оба съ весьма-ограниченнымъ вліяніемъ. Послѣ смерти Букея и Вали, умершихъ одинъ вскорѣ послѣ другаго, ханское достоинство было уничтожено въ Средней-Ордѣ, потому-что лица, облеченныя этимъ званіемъ, дѣйствительно не имѣли возможности выполнять свое назначеніе — быть посредниками между русскимъ правительствомъ и ордынцами.

Въ 1824 году, система управленія Среднею-Ордою получила совершенное преобразованіе, которое заключаетъ въ себѣ самые положительные залоговѣ будущаго успокоенія степи. Опытъ минувшихъ годовъ вполне убѣдилъ въ томъ, что невозможно сосредоточить управленіе ордою въ рукахъ одного лица. Полагая даже, что выбранный ханъ былъ бы одаренъ самыми блестящими дарованіями и вполне оправдывалъ бы довѣренность правительства, — все-таки ему повиновались бы только киргизскіе роды, находящіеся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ родомъ, изъ среди котораго онъ избранъ. Прочіе не только не слушались бы его, но даже продолжали бы противъ него обычныя свои непріязненные дѣйствія. Нѣтъ въ степи ни одного рода, который находился бы со всѣми въ дружбѣ: большею частію, въ-ковая ненависть отдѣляетъ одинъ родъ отъ другаго. Самый маловажный случай, давно уже изгладившійся изъ памяти народной, могъ подать поводъ къ этой враждѣ, но она пережила воспоминаніе о первоначальной обидѣ и непрерывныя взаимныя баранты доставляютъ ей свѣжую пищу. Эта черта правовъ народныхъ дѣлаетъ необходимымъ болѣе раздробленное управленіе краемъ. Въ 1822 году, Высочайше утверждёнъ былъ новый уставъ о сибирскихъ Киргизахъ, по которому предназначено было раздѣлить ихъ на нѣсколько округовъ. Управленіе каждымъ округомъ ввѣрено было отдѣльному приказу, или, какъ Киргизы называютъ его, дивану, подѣ предсѣдательствомъ старшаго султана, выбираемаго чрезъ каждые три года киргизскими велостями, причисленными къ округу. Каждый приказъ имѣетъ своихъ засѣдателей, киргизскихъ и русскихъ, и воинскій отрядъ для охраненія порядка. Въ 1824 году, положено было начало приведенію въ исполненіе этого устава открытіемъ двухъ округовъ: кокчетавскаго и каркаралинскаго. Послѣ того, открыто было постепенно еще четыре (*). Управленіе всѣми округами сосредоточено въ лицѣ начальника сибирскихъ Киргизовъ, живущаго въ Омскѣ.

(*) Всего съ открытіемъ, въ 1844 году, Кокпектинскаго Округа, считается въ Средней-Ордѣ семь округовъ. *Прим. автора.*

Введеніе новаго устава очень не понравилось нѣкоторымъ киргизскимъ султанамъ. Дѣйствительно, этотъ уставъ полагалъ рѣшительный конецъ тѣмъ своевольствамъ, которыя вошли въ общее обыкновеніе въ степи, и которыя влекли за собою самыя пагубныя послѣдствія для цѣлаго народа. Подобно многимъ другимъ дикимъ племенамъ, Киргизы не только не почитали разбоевъ за постыдное преступленіе, но даже смотрѣли на нихъ, какъ на геройство, *батырство*. Чтобы составить себѣ почетное имя, молодой Киргизъ долженъ былъ сначала навести ужасъ на всѣхъ сосѣдей, и чѣмъ въ большемъ числѣ грабежей онъ участвовалъ, тѣмъ болѣе правъ прибрѣталъ на всеобщее уваженіе. Новый уставъ смотрѣлъ на всѣ эти подвиги совершенно съ другой, болѣе прозаической точки зрѣнія, и угрожая *батырямъ* ссылкой въ Восточную-Сибирь или отдачею въ рекруты, навлекъ на себя ихъ неудовольствіе. Въ главѣ всѣхъ недовольныхъ сталъ Касымъ-Аблай-Хановъ, котораго происхожденіе мы выше рассказали.

Съ 1824 года, началось противодѣйствіе его всѣмъ распоряженіямъ правительства. Старшій сынъ его, Сарджанъ-Касымовъ, принялся, съ собранною имъ шайкою батырей, грабить караваны и барантовать скотъ у Киргизовъ, повинующихся приказамъ. Эта шайка настигнута была казачьимъ отрядомъ, находившимся въ степи, и двухъ, трехъ картечныхъ выстрѣловъ достаточно было, чтобы разсѣять ее совершенно. Сарджанъ затихъ на нѣсколько лѣтъ и въ 1830 году присягнулъ добровольно на подданство Россіи, но на слѣдующій же годъ присягнулъ въ вѣрности хану коканскому и ушелъ въ Ташкентъ, гдѣ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ кушбекомъ (сокольникимъ) хана коканскаго, Ляшкаротъ, который управлялъ городомъ Ташкентомъ.

Этотъ сокольникій — лицо весьма-замѣчательное въ Коканѣ. Говорятъ, что онъ родомъ Персіанинъ, въ молодости захваченъ былъ въ плѣнъ Туркменцами, нѣсколько разъ былъ перепроданъ, вытерпѣлъ всю пытку азіатской неволи, провелъ большую половину своей жизни въ тяжкихъ работахъ, среди жестокихъ истязаній — и вдругъ какъ-то попалъ на глаза хану коканскому, понравился ему своею раболѣпною услужливостію, и чрезъ нѣсколько времени ханъ возвысилъ его на степень перваго сановника своего владѣнія. Ляшкару ввѣрено было управленіе важнѣйшимъ городомъ Кокана—Ташкентомъ, и онъ распоряжался въ немъ съ неограниченною властью. Всѣ отношенія его къ хану заключались въ томъ, что дважды въ годъ являлся онъ къ нему съ богатыми подарками и изъявлялъ покорность свою разными унижительными церемоніями. Ханъ ничего болѣе и не требовалъ; онъ, какъ новый Сарданапалъ, среди удовольствій охоты, гарема и пьянства, и не заботился о томъ, какъ управлялся его народъ. Впрочемъ, нельзя отнять отъ кушбека нѣкоторыхъ дарованій. Онъ былъ дѣятеленъ, покровительствовалъ торговлѣ и даже былъ справедливъ по своему. Недовольный чуднымъ своимъ возвышеніемъ, онъ замышлялъ еще гораздо большее — слава завоевателя въ особенности его соблазняла. Каждое утро выѣзжалъ онъ на ташкентскій базаръ, чинилъ тамъ подъ открытымъ небомъ судъ и расправу, и въ промежуткахъ толковалъ съ куп-

цами, ѣздившими на нижегородскую ярмарку, о Россіи. Хитрые купцы замѣтили тотчасъ его слабую сторону и; наконецъ, лестью своею довели его до того, что онъ и въ-самомъ-дѣлѣ возмечталъ о войнѣ съ Россіею, въ намѣреніи исторгнуть у нея Киргизскую-Степь. Къ этому-то человѣку явился Сарджанъ съ отцомъ и братьями и былъ принятъ какъ-нельзя-лучше.

На слѣдующій же 1832 годъ, кушбекъ разослалъ по степи возмутительныя письма, увѣщевая Киргизовъ возстать противъ невѣрныхъ Русскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, кушбекъ и Сарджанъ явились сами въ предѣлы Средней-Орды, въ сопровожденіи огромной толпы вооруженныхъ чѣмъ попало людей. Чтобъ положить конецъ ихъ грабительствамъ, генералъ Вельяминовъ командировалъ въ степь казачій отрядъ, который прогналъ съ одной встрѣчи всю эту ташкентскую сволочь и овладѣлъ двумя укрѣпленіями, построенными кушбекомъ на рѣкѣ Сарысу. Нѣсколько важнѣйшихъ Ташкентцевъ были захвачены въ плѣнъ и отвезены въ Омскъ, гдѣ подверглись тюремному заключенію. Они мысленно прощались уже съ свѣтомъ Божиимъ и только старались отгадать, какую казнь придумаютъ для нихъ грозные побѣдители. Генералъ Вельяминовъ приказалъ объявить имъ, 22 августа, именемъ Государя Императора, прощеніе и отпустить ихъ въ отечество. Долго не хотѣли они вѣрить дарованной имъ пощадѣ: такъ несообразна была она съ ихъ понятіями.

Кротость, оказанная въ этомъ случаѣ нашимъ правительствомъ, послужила для кушбека какъ-бы поощреніемъ къ новымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Въ 1834 году, онъ, въ сопровожденіи сыновей касымовыхъ, произвелъ вторичное вторженіе въ предѣлы Средней-Орды и снова началъ въ ней грабить попадавшіеся ему киргизскія волости. Для очищенія степи отъ Ташкентцевъ, двинутъ былъ отрядъ, подъ командою генерал-майора Броневскаго. Едва провѣдалъ кушбекъ о выступленіи этого отряда въ походъ, какъ поспѣшно бѣжалъ назадъ въ Ташкенію, построивъ въ Улутаускихъ Горахъ укрѣпленіе и оставивъ для обороны его около 1000 человѣкъ Ташкентцевъ и нѣсколько пушекъ. Генералъ Броневскій овладѣлъ безъ большаго затрудненія укрѣпленіемъ, пушками, и людьми, оставленными Ташкентцами, которые тотчасъ же употреблены были на срытіе укрѣпленія и по окончаніи этой работы великодушнo отпущены во свояси.

Эти неудачи заставили кушбека отказаться отъ увлекательной мечты отнять у Россіи Киргизскую-Степь, но не совсѣмъ охладили его воинственный жаръ. Въ 1836 году, онъ предпринялъ походъ въ Большую-Орду, надѣясь, что тамъ, по-крайней-мѣрѣ, не встрѣтитъ Русскихъ и будетъ счастливѣе прежняго. Русскихъ онъ дѣйствительно не встрѣтилъ, но и этотъ походъ не ознаменованъ былъ никакимъ успѣхомъ. Кушбекъ приписалъ неудачу свою вѣроломству Сарджана, всюду его сопровождавшаго.

Только-что подозрѣніе закралось въ душу ташкентскаго правителя, какъ уже участь Сарджана была рѣшена; но кушбекъ опасался обнаружить свой гнѣвъ до возвращенія домой, потому-что Сарджанъ

имѣлъ много приверженцевъ въ отрядѣ, преимущественно составленномъ изъ Киргизовъ. Кушбекъ не переставалъ ласкать Сарджана, неразлучно проводилъ съ нимъ время, принималъ его совѣты и осенью возвратились они въ Ташкентъ друзьями по-прежнему. Черезъ нѣсколькое времени, кушбекъ пригласилъ къ себѣ Сарджана на ужинъ; тогда за столомъ внезапно прервавъ дружескій разговоръ, началъ упреки въ измѣнѣ и объявилъ ему, что наступилъ послѣдній часъ его. По данному знаку, вошли убійцы и Сарджанъ былъ изрубленъ въ куски, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Инсенгельдою и старшимъ сыномъ Ирджаномъ. Другой братъ сарджановъ, Кенисара, посаженъ былъ въ темницу. Старика Касыма-Аблай-Ханова не случилось въ это время въ Ташкеніи: онъ кочевалъ съ аулами и прочими сыновьями своими по рѣкѣ Улу-Тургаю. Въ скоромъ времени послѣ того, ханъ коканскій, опасавшійся, что самовольныя вторженія въ степь любимца его навлекутъ на всю Кокану мщеніе Россіи, лишилъ Ляшкара званія правителя и назначилъ на мѣсто его Дотху-Муллу-Юлдаша.

Казнь Сарджана, удовлетворивъ личному мщенію кушбека Ляшкара, повлекла за собою весьма-невыгодныя послѣдствія для цѣлой Ташкеніи. Въ предѣлахъ ея кочуетъ много киргизскихъ волостей, которыя платятъ правителю богатый *зьякатъ*, составляющій одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ его доходовъ. Всѣ ташкентскіе Киргизы были весьма-привязаны къ семейству касымову, какъ къ потомкамъ знаменитаго Аблай-Хана, и слухъ о смерти сарджановой сильно взволновалъ ихъ. Чтобъ успокоить и удержать ихъ въ предѣлахъ Ташкеніи, новый правитель рѣшился примириться съ Касымомъ. Для этого освободилъ онъ Кенисару-Касымова изъ заключенія, богато одарилъ его и отправилъ къ отцу съ дружескими предложеніями и обѣщаніемъ вполне вознаградить за смерть сыновей и внука. Одинъ изъ знатнѣйшихъ Ташкентцевъ сопровождалъ Кенисару и долженъ былъ привезти отвѣтъ отъ Касыма-Аблай-Ханова.

Сарджанъ былъ любимымъ сыномъ касымовымъ. Горестъ старика, при вѣсти о гибели сына, доходила до отчаянія; окружающіе не надѣялись даже, что онъ въ состояніи будетъ пережить свое несчастіе. Не смотря на то, Касымъ, по-видимому, утѣшенъ былъ пріѣздомъ Кенисары, съ которымъ онъ также не думалъ болѣе когда-нибудь свидѣться. Присланному Ташкентцу объявилъ онъ, что считаетъ кушбека Ляшкара единственнымъ виновникомъ смерти сыновей и внука своего, что онъ слишкомъ старъ, чтобъ думать о мщеніи, но что самъ Худай покаралъ уже кушбека за невинно-пролитую имъ кровь, лишивъ его милости коканскаго хана. Къ этому присовокупилъ онъ, что готовъ возвратиться въ Ташкентъ и заключить союзъ дружбы съ новымъ правителемъ, но, для поддержанія достоинства своего, желаетъ, чтобъ на встрѣчу выѣхали къ нему на рѣку Чу знатнѣйшіе жители города.

Въ одно и то же время, Ташкенецъ поскакалъ къ Муллѣ-Юлдашу съ радостною вѣстью о примиреніи, а касымовы аулы покочевали по направленію къ Ташкеніи, на рѣку Чу. Юлдашъ не долго колебался въ

исполненіи желанія старика: оно такъ согласно было съ азіатскими понятіями объ этикетѣ и важности торжественныхъ встрѣчъ и проводовъ. Рѣка Чу находится верстахъ въ 200 отъ Ташкента, но чѣмъ знатнѣе гость, тѣмъ далѣе его встрѣчаютъ и провожаютъ. Человѣкъ сорокъ Ташкентцевъ отправились на Чу, гдѣ нашли уже Касыма. Старикъ принялъ ихъ какъ-нельзя-лучше; горько заплакалъ, вспомнивъ о смерти сыновей своихъ и внука, но вторично объявилъ, что съ удаленіемъ кушбека Ляшкара изъ Ташкента нѣтъ у него болѣе враговъ въ этомъ городѣ. Роскошное угощеніе послѣдовало за этими привѣтствіями, пиръ продолжался до глубокой ночи; наконецъ, Ташкентцы, утомленные дальнею дорогою и шумнымъ пиршествомъ, легли отдохнуть и скоро заснули крѣпкимъ сномъ, Мертвая тишина водворилась между юртами; одинъ только Касымъ бодрствовалъ. Въ полночь шепнулъ онъ что-то на ухо своему теленгуту (*); чрезъ нѣсколько минутъ изъ близлежащихъ камышей вышла толпа вооруженныхъ людей и вслѣдъ затѣмъ раздался по степи отчаянный вопль Ташкентцевъ. Киргизскіе топоры прервали сладкій сонъ гостей, которые, спустя мгновеніе, опять заснули, но уже сномъ непробуднымъ. Одинъ только оставленъ былъ въ живыхъ. Касымъ приказалъ отрѣзать ему, въ присутствіи своемъ, уши и носъ, и потомъ отправилъ назадъ въ Ташкентъ, поручивъ кланяться правителю и сказать ему, что за смерть сыновей и внука не только самъ онъ никогда не перестанетъ мстить Ташкентцамъ, но мщеніе это завѣщаетъ и всему своему потомству. Послѣ этого поспѣшно удалился онъ съ аулами своими на сѣверъ, вдалѣ отъ предѣловъ Ташкеніи.

Такъ разорваны были всѣ связи, соединявшія касымово семейство съ правителемъ Ташкента. Въ слѣдующемъ 1837 году, Кенисара-Касымовъ собралъ въ Малой-Ордѣ многочисленную шайку, съ которою произвелъ вторженіе въ предѣлы степи, подчиненной сибирскому вѣдомству. Пользуясь родственными связями своими съ большею частію киргизскихъ султановъ, онъ успѣлъ сначала увлечь на свою сторону много волостей, но нѣсколько тяжкихъ пораженій, навесенныхъ скопищу его высланными противъ него отрядами, образумили мятежниковъ, которые и возвратились въ предѣлы округовъ, удостоившись Всемилостивѣйшаго прошенія. Кенисара съ братьями продолжалъ однако разбойничать въ отдаленныхъ частяхъ степи. Для преслѣдованія разсылаемыхъ имъ шакъ и охраненія мирныхъ Ордынцевъ отъ грабительствъ, каждое лѣто высылаются въ степь казачьи отряды. Къ одному изъ такихъ отрядовъ былъ я прикомандированъ въ 184* году.

III.

Если вамъ когда-нибудь случалось переѣзжать черезъ границу, то вѣрно живо помните впечатлѣнія той минуты, когда, по окончаніи дѣла съ

(*) Вооруженный прислужникъ, то же, что на Кавказѣ нукеръ.

таможнею, экипажъ вашъ весело помчится въ чуждую даль. Воздухъ страны, въ которую вы въѣзжаете, подобно опиуму, производитъ чудное опьяненіе. Воспоминаніе о прошедшемъ горѣ изсушивается предъ радужными надеждами на будущее. Невольно думаешь, что теперь-то судьба, которую мы всѣ считаемъ у себя въ долгу, выплатитъ намъ исправно по векселю, данному намъ на ея имя воображеніемъ. Тѣ даже, которые никогда не покидали отеческихъ пенатовъ, легко поймутъ эти чувства, вспомнивъ свои надежды и свою радость при встрѣчѣ новаго года, который также всегда сулитъ намъ золотыя горы. Сколько разъ ни повторяется разочарованіе, сколько ни толкуетъ намъ холодный разсудокъ, что счастье наше нисколько не зависитъ отъ географической широты или отъ цифры года, мы не соглашаемся промѣнять ярко-блестящихъ надеждъ своихъ на безотрадную дѣйствительность.

Трудно мнѣ объяснить даже, почему въѣздъ въ предѣлы Киргизской-Степи произвелъ на меня сначала такое пріятное впечатлѣніе. Мнѣ предстояло продолжительное путешествіе, сопряженное съ величайшими трудностями и всѣхъ родовъ лишеніями. Это путешествіе могло сулить мнѣ только два, три воспоминанія неизвѣстнаго еще свойства и отдаленную надежду передать ихъ когда-нибудь, въ дружескомъ разговорѣ, передъ каминомъ, деревенскому сосѣду. Все это казалось очень-яснымъ и неопровержимымъ, а между-тѣмъ, какое-то предчувствіе, ни на чемъ не основанное, рисовало предо мною плѣнительную картину будущаго. Край, заманчивый своею неизвѣстностію; люди, которыхъ понятія такъ рѣзко отличаются отъ нашихъ; приключенія, выходящія изъ разряда ежедневныхъ... И я съ жадностію смотрѣлъ впередъ, туда, гдѣ зеленый коверъ степи пересѣкался съ лазуревымъ сводомъ неба.

Впрочемъ, должно сказать, что степь съ нѣкоторымъ кокетствомъ принимаетъ у себя тѣхъ, которые въѣзжаютъ въ нее изъ Петропавловска. Огромные луга сопровождаютъ теченіе Ишима и разстилаются по всѣмъ направленіямъ. Кое-гдѣ небольшія рощи живописно разнообразятъ мѣстность, не заслоняя собою дали и не уничтожая впечатлѣнія *простора*, которое наиболѣе поражаетъ воображеніе того, кто видитъ степь въ первый разъ. Безчисленные табуны лошадей паслись на свободѣ по сторонамъ дороги. Казаки косили сѣно, и при яркомъ сіяніи лѣтняго солнца каждый взмахъ ихъ казался сверканіемъ молніи. Все запечатлѣно было характеромъ спокойнаго одушевленія.

Тарантасъ мой быстро мчался по гладкой дорогѣ, которая едва обозначалась двумя-тремя черными полосами на зеленомъ грунтѣ. Съ захоженіемъ солнца, цѣлыя тучи комаровъ опустились на меня, готовые начать свой кровавый пиръ. Противъ нихъ взято было у меня предохранительное оружіе—волосяная сѣтка, безъ которой невозможно путешествовать лѣтомъ по Сибири или по Киргизской-Степи. Въ Пелымѣ, Березовѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, окруженныхъ тундрами, въ-продолженіе короткаго тамошняго лѣта появляются мириады мириадъ самыхъ кровожадныхъ комаровъ, и жители пи на минуту не снимаютъ съ себя сѣтокъ, которыми укрываются совершенно такъ,

какъ наши пасичники, отправляющіеся въ улья за медомъ. Вы можете лѣтомъ прожить на сѣверѣ Сибири нѣсколько недѣль сряду и буквально не увидите лица человѣческаго. Даже кокетство полярныхъ красавицъ уступаетъ страху, внушаемому этими микроскопическими неприятелими.

Ночь наступила ранѣе и темнѣе обыкновеннаго для моихъ глазъ, окруженныхъ черною тканью. Все было тихо вокругъ меня. Прохладный вѣтерокъ подулъ по степи; таинственный шопотъ листьевъ отзывался, по временамъ, на его вѣяніе въ небольшихъ рощахъ, которыя встрѣчались все рѣже и рѣже. Ишимъ ушелъ отъ дороги далеко вправо. Я начиналъ забываться среди безсвязныхъ фантазій, служащихъ переходомъ отъ бодрствованія ко сну; какъ вдругъ громкій лай собакъ заставилъ меня очнуться; лошади остановились и я очутился въ нестерпимо-ѣдкой, дымной атмосферѣ. Кто-то подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: *кто идетъ?* и съ требованіемъ открытаго листа. Я спѣшилъ освободиться отъ своей сѣтки. Мы пріѣхали на каратомарскій пикетъ, находящійся верстахъ въ сорока отъ Петропавловска. Долго не могъ я ничего ни видѣть, ни отвѣчать: дымъ заѣдалъ мнѣ глаза, кашель прерывалъ голосъ. Чтобъ избавиться отъ комаровъ, казаки, находящіеся на степныхъ пикетахъ, разводятъ лѣтомъ на ночь *курева* изъ кизяка и мокрой травы, такъ-что пикетъ превращается въ совершенную копильню. Черезъ нѣсколько минутъ, я привыкъ однако къ дыму и могъ сквозь сумракъ разглядѣть низенькую казарму и длинную конюшню, окруженные четырехугольнымъ укрѣпленіемъ изъ рогатокъ.

Между всѣми приказами, расположенными въ части Киргизской-Степи, подчиненной сибирскому вѣдомству, устроено правильное почтовое сообщеніе. Станціями служатъ казачьи пикеты, обыкновенно расположенные верстахъ въ 30 или 40 другъ отъ друга, смотря по удобству сѣнокосовъ и воды, на которыя должно обращать преимущественное вниманіе при составленіи всѣхъ военныхъ соображеній въ степи. Каждый пикетъ окруженъ самымъ легкимъ укрѣпленіемъ, состоящимъ изъ невысокаго землянаго вала или рогатокъ; число казаковъ, живущихъ вмѣстѣ, измѣняется отъ 10 до 20. Не смотря на ничтожность средствъ, которыми должно было ограничиться для этихъ совершенно-отдѣльныхъ укрѣпленій, не было еще примѣра, чтобы которое-нибудь изъ нихъ было взято Киргизами. Въ 1839 году, Кенисара-Касымовъ подходилъ съ двухтысячнымъ скопищемъ къ ханскому пикету, который находится въ 35 верстахъ отъ Кокчетау и который былъ защищенъ тогда только 18 человѣками. Мятежники отступили безъ малѣйшаго успѣха. Удалъ и неустрашимость сибирскихъ казаковъ, заслуживающія чести обратиться въ пословицу, производятъ невѣроятное-сильное моральное вліяніе на Киргизовъ, которыхъ храбрость весьма-односторонняя и, главное дѣло, кратковременна, какъ пороховая вспышка. Тѣмъ не менѣе, служба на пикетахъ сопряжена и съ трудностями и съ опасностями. Лошади продовольствуются большую часть года подножнымъ кормомъ и для этого иногда должно пасти ихъ въ значительномъ разстояніи отъ укрѣпленія. При малѣйшей неосторожности со сторо-

ны казаковъ, самая ничтожная шайка барантовщиковъ можетъ угнать цѣлый табунъ. Достаточно, чтобъ одинъ какой-нибудь батырь, на лихомъ бѣгунѣ, подскочилъ къ лошадамъ и гаркнулъ: весь табунъ тотчасъ же понесется за нимъ и чрезъ нѣсколько мгновений и самый слѣдъ его простынетъ. Прежде, такіе случаи повторялись очень-часто; теперь, при болѣе-бдительномъ надсмотрѣ казачьихъ офицеровъ, почти и не слышать объ этихъ угонкахъ.

Мнѣ любопытно было познакомиться поближе съ жизнью этихъ казаковъ-пустынниковъ. Всѣ они посылаются въ степь только на двух-годовалный срокъ, по окончаніи котораго возвращаются въ свои станицы отдохнуть отъ претерпѣнныхъ трудностей и опасностей и собраться съ силами для новыхъ подвиговъ. Опасности для удалаго казака, конечно, ни по чемъ; безъ нихъ онъ бы совершенно стосковался въ своемъ уединеніи, вдали отъ семейства и родственниковъ. Въ-особенности зимою, степная жизнь дѣлается, по-видимому, несносною своимъ однообразіемъ. Безпредѣльная снѣжная пустыня вокругъ одинокаго жилья; бураны, не позволяющіе показать носу за дверь; вой голодныхъ волковъ, да изрѣдка какой-нибудь проѣзжіи по казенной надобности—вотъ все, что напоминаетъ объ остальномъ мірѣ невольнымъ затворникамъ. Не смотря на то, разговоръ о покинутой родинѣ, ожиданіе прихода вожделѣнной смѣны, трубка и, наконецъ, фантастическій міръ сказокъ, передаваемыхъ по вечерамъ передъ огонькомъ привилегированнымъ краснобаемъ пикета, скрадываютъ время—и длинная зима кое-какъ да проходить.

На каратамарскомъ пикетѣ даны мнѣ были въ конвой четыре человека казаковъ въ полномъ вооруженіи. Они поскакали во всю прыть по сторонамъ тарантаса, такъ-что это конвоированіе нисколько не замедляло скорости ѣзды. Какая разница съ екатериноградскою *оказією*, которую вспоминаютъ всѣ ѣздившіе въ Грузію, какъ самую поучительную школу терпѣнія! Я крѣпко заснулъ и проснулся уже верстахъ во 140 отъ Петропавловска. Меня поразила совершенная перемена физіономіи мѣстности. Вся степь усеяна была сопками самой фантастической формы, которыя скорѣе можно было принять за причудливую работу титановъ, чѣмъ за простое произведеніе природы. При самомъ легкомъ усилии воображенія, сопки эти принимали видъ различныхъ звѣрей или уродливыхъ идоловъ, похожихъ на тѣ, которые встрѣчаются во множествѣ въ Новороссійскомъ-Краѣ. Вдали замѣтилъ я непрерывную цѣпь обрывистыхъ утесовъ, которые обозначали теченіе небольшой рѣчки, совершенно-недостойной великолѣпнаго берега. У самаго азатскаго пикета, утесы эти образуютъ выдающійся мысъ, похожій на огромнаго лежащаго звѣря. Мнѣ пришла въ голову корнесловная игрушка произвестъ названіе пикета отъ слова *ассада*, что значить левъ по-арабски. Вообще неровности мѣстности въ степи представляютъ видъ весьма-оригинальный, который заслужилъ бы честь особой статьи въ Tergain-Lehre Ксиландера, если бы ученый капитанъ когда-нибудь побывалъ въ предѣлахъ Средней-Орды.

Въ часу одиннадцатомъ утра, прибылъ я въ Кокчетау, что значить

Синяя Гора на киргизско-турецкомъ нарѣчїи. Приказъ этотъ, какъ уже сказано выше, открытъ въ 1824 году въ одно время съ каркаралинскимъ и составляетъ вмѣстѣ съ нимъ самое древнее поселеніе въ степи. Въ теченіе двадцатилѣтняго своего существованія, Кокчетау принялъ уже видъ цвѣтущаго мѣстечка, которому не достаетъ только церкви, чтобы не уступить ни въ чемъ большей части уѣздныхъ городковъ Тобольской-Губерніи. Улицы прямы, дома построены съ нѣкоторымъ наблюденіемъ архитектурныхъ правилъ; двѣ-три лавки могутъ доставить все необходимое для проѣзжаго не слишкомъ-взыскательнаго. Видъ Кокчетау прекрасенъ. Высокая гора живописно украшена нѣсколькими отдѣльными рощами; довольно-большое озеро, въ которомъ ловится много рыбы и, наконецъ, окрестности, обильныя богатыми сѣнокосами. На краю горизонта синѣетъ нѣсколько сопокъ той же причудливой формы, которая поразила меня въ Азатѣ. Подлѣ селенія замѣтилъ я нѣсколько киргизскихъ юртъ. Хозяева ихъ прибыли въ Кокчетау по своимъ дѣламъ, и для избѣжанія хлопотъ пріисканія квартиры, привезли дома свои съ собою. Впрочемъ, должно сказать, что, подышавъ нѣсколько времени вольнымъ степнымъ воздухомъ, получаешь отвращеніе отъ комнатной жизни. Киргизы въ нашихъ даже прохладныхъ домахъ чувствуютъ себя тотчасъ же дурно, какъ рыбы, вынутыя изъ воды. Безъ страха не могутъ они глядѣть на наши потолки; имъ все кажется, что тяжелыя балки сейчасъ же обрушатся, и привычка не скоро можетъ разсѣять ихъ опасенія.

Я познакомился съ старшимъ султаномъ кокчетаускаго округа, Абуль-Хаиромъ-Габбасовымъ, однимъ изъ потомковъ знаменитаго Аблай-Хана. Черты его чрезвычайно-пріятны и болѣе приближаются къ типу кавказскому, чѣмъ къ монголо-турецкому. Важность и даже какая-то торжественность его обращенія достойны самаго образованнаго османлы. Вечеромъ, меня посѣтили человекъ десять Киргизовъ, случившихся въ то время въ Кокчетау. Всѣ они были разодѣты въ пухъ, такъ-что заслуживали названія окулѣ—щеголей. Цвѣтъ, который они особенно любятъ на халатахъ своихъ — красный или ярко-зеленый. Впрочемъ, самые отчаянные франты, степные львы, предпочитаютъ этимъ скромнымъ еще, по ихъ мнѣнію, цвѣтамъ, халаты и шалвары, пестро-расшитые шелками. Обыкновенно вышиваются на нихъ кустарники и птицы, которые, умышленно или безъ намѣренія, располагаются иногда такъ странно на тѣлѣ щеголя, что почти-невозможно смотрѣть на нарядъ безъ смѣха. Дорогіе гости пожали у меня одинъ послѣ другаго руку и потомъ разсѣлись безъ церемоніи на полу. Разговоръ шелъ черезъ переводчика; впрочемъ, я безъ труда понималъ почти все, по сходству киргизскаго языка съ закавказскимъ-турецкимъ, который мнѣ довольно-знакомъ. У меня врѣзалось въ памяти одно обстоятельство этого разговора, которое можетъ дать вамъ понятіе объ эстетическомъ образованіи Киргизовъ. Одинъ изъ гостей моихъ былъ когда-то въ Петербургѣ, и свелъ разговоръ на великолѣпіе и удовольствія столицы. Ему удалось побывать и на придворныхъ балахъ, и въ театрѣ, и въ маскарадахъ, и пр. и пр. Но какъ вы думаете, что ему

всего болѣе понравилось въ Петербургѣ? Вѣрно, никакъ не отгадаете. Всего болѣе почтенному султану понравилась въ Петербургѣ — *бойня!* И притомъ, не думайте, чтобъ она привлекла его вниманіе благоустройствомъ своимъ—нѣтъ! онъ полюбилъ ее за высокія наслажденія, доставленныя ему видомъ непрерывно-убиваемой скотины... Все прочее, по его мнѣнію, очень-хорошо, но не можетъ сравниться въ изяществѣ—съ бойнею.

Въ киргизскихъ фizioноміяхъ нѣтъ ничего отличительно-характеристическаго. Это преимущественно происходитъ отъ-того, что Киргизы часто находятся въ сношеніяхъ съ сосѣдними народами, а степныхъ красавицъ никакъ нельзя упрекнуть въ жестокости или исключительномъ предубѣжденіи противъ этихъ сосѣдей. Нѣкоторые лица замѣчательны по своей правильности и напоминаютъ собою закавказскихъ—Татаръ, между которыми некрасавецъ — рѣдкость. Впрочемъ, болѣею частію, выдающіяся скулы и узковатыя глаза безобразятъ Киргизовъ и производятъ непріятное впечатлѣніе на непривычный глазъ. Много также встрѣчается лицъ, поражающихъ отсутствіемъ всякаго выраженія. Вы можете составить себѣ о нихъ понятіе, если вамъ случалось видѣть нѣкоторыхъ казанскихъ Татаръ. Форма лица круглая, какъ полная луна; глаза узкіе, брови едва-замѣтныя, носъ расплоснутый и цвѣтъ лица коричневый, какъ цвѣтъ египетскихъ мумій. Обыкновенный ростъ Киргизовъ средній, болѣе переходящій въ высокій, чѣмъ въ малый. Всѣ они необыкновенно-крѣпкаго сложенія. Суровое степное воспитаніе стоить горы Тайгета, съ которой Ликургъ приказывалъ Спартамъ сбрасывать дѣтей, родившихся хилыми. Киргизенку, вскормленному матерью подъ открытымъ небомъ и удѣлѣвшему среди бурановъ, нерѣдко засыпавшихъ снѣгомъ его люльку, конечно, всю жизнь уже болѣе нѣчего бояться простуды. Впрочемъ, должно сказать, что смертность между грудными дѣтьми чрезвычайно-велика.

Мѣстное начальство въ Кокчетау было озабочено присканіемъ надежныхъ вожаковъ для предстоявшей экспедиціи. Киргизы, съ нѣкотораго времени, присоединяются весьма-охотно ко всѣмъ отрядамъ, отправляемымъ противъ ихъ соотечественниковъ, разбойничающихъ съ Кенисарю. Польза, приносимая этими союзниками, не слишкомъ-велика. По недостатку мужества и плохому вооруженію, они почти не употребляются въ дѣло, а только присматриваютъ за отбитымъ у матежниковъ скотомъ, содержатъ наблюдательные пикеты и осматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ слѣдовъ непріятельскихъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ Киргизовъ, могущіе служить вожаками, совершенно необходимы для отряда: безъ нихъ нельзя ожидать никакого успѣха. Вожакими обыкновенно бываютъ состарѣвшіеся барантовщики, которые, въ-продолженіе бурной молодости своей, изъѣздили для разбоевъ степь по всѣмъ направленіямъ и какимъ-то чудомъ вынесли цѣлыми удалыя башки свои, испещренныя рубцами. Каждое степное урочище напоминаетъ имъ какой-нибудь замѣчательный случай въ ихъ жизни. Тамъ подкрадывались они ползкомъ къ безпечно-отдыхавшему аулу затѣмъ, чтобъ вы-

вѣдать, много ли въ немъ народа, гдѣ пасутся лошади, гдѣ бараны. Въ другомъ мѣстѣ провели они, связанные по рукамъ и по ногамъ, длинную бессонную ночь, обдумывая средства къ побѣгу, чтобъ спастись отъ жестокой пытки, которая должна была начаться съ разсвѣтомъ сѣдующаго дня... Вытерпѣнные опасности составляютъ лучшее мнемоническое вспоможеніе. Самыя мелкія топографическія подробности степи врезываются въ память этихъ неутомимыхъ искателей приключеній. Слушая ихъ рассказы, не постигаешь, какъ могли запоминать они такой длинный реестръ сопокъ, могилъ, плѣсовъ, колодезь съ прѣсной и соленой водою, пастбищныхъ мѣстъ съ отличнымъ, посредственнымъ и дурнымъ кормами, и проч., и проч. Самый заботливый русскій помѣщикъ едва ли такъ хорошо знакомится съ нѣсколькими десятинами, составляющими его владѣніе, какъ эти батыры ознакомились съ безконечнымъ пространствомъ степи.

Въ Кокчетау рекомендовали намъ двухъ вожаковъ, на которыхъ, какъ говорили, можно было понадеяться. Одинъ изъ нихъ, Тюлешъ, лѣтъ семидесяти-пяти, невысокаго роста, былъ сморщенный, сгорбившійся старичишка, въ потухшихъ глазахъ котораго изображалось совершенное отсутствіе мысли. Когда я увидѣлъ его въ первый разъ, то не могъ вѣрить, чтобъ онъ въ состояніи былъ еще вздѣть верхомъ. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о мѣстности, и дряхлый хрычъ мгновенно преобразился. Казалось, что лѣтъ тридцать вдругъ спало у него съ плечъ, и переводчикъ едва успѣвалъ передавать мнѣ смыслъ стремительной болтовни его. Медленность нашего разговора сдѣлала старика нетерпѣливымъ — онъ схватилъ со стола мѣлъ, бросился на полъ, принялся чертить на немъ карту того пространства, о которомъ я его спрашивалъ, и все это съ живостью самаго вертляваго цыгана, расхваливающаго достоинства торгуемой у него лошади. Тюлешъ признался мнѣ, впрочемъ, что лѣта оказываютъ уже на него тяжелое вліяніе. Онъ страдаетъ отъ старости бессонницею и потому, когда случается ему ѣхать въ дальній путь съ молодыми товарищами, то всегда ссорится съ ними за то, что не даетъ имъ заснуть ни минуты. Кромѣ того, онъ начинаетъ уже очень-плохо видѣть, такъ, что версты за двѣ едва можетъ разглядѣть масть лошади. Тюлешъ нѣсколько разъ уже попадался въ руки Кенесары, который, при каждомъ таковомъ случаѣ, собирался содрать съ него живаго кожу, но хитрый вожакъ дѣлался въ плѣну еле-еле-дышущимъ старикомъ и рука даже привычныхъ убійцъ не поднималась на его сѣдую голову. Впрочемъ, Тюлешъ обыкновенно и не даетъ имъ много времени на размышленіе, потому что уходитъ отъ нихъ при малѣйшей ихъ оплошности, да еще уводитъ съ собою лучшаго коня изъ всего табуна.

Другой вожакъ, по имени Атагай, былъ теленгутомъ окмоллинскаго султана, Кууур-Кульджи-Кудаймендина. Атагай, мужчина среднихъ лѣтъ, видный собою, съ правильными чертами лица, которое выражаетъ проворство и смѣленость. Расскажу вамъ о немъ анекдотъ. Каркаралинскій султанъ, Турсунъ-Чингисовъ, пыталъ издавна злобу на Атагаю за разныя его проказы, и въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подстерегалъ

его безпрестанно. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, ему посчастливилось наконецъ схватить его. Пойманный Атагай связанъ былъ на ночь такъ крѣпко, что не могъ пошевелинуться. Приставленные сторожить его Киргизы, по обыкновенію своему, бодрствовали только съ вечера, а къ полночи крѣпко заснули. Въ двухъ шагахъ отъ лежавшаго на голой землѣ Атагай пылалъ разложенный костеръ, и вѣтеръ, по временамъ, осыпалъ плѣнника горячимъ пепломъ. Вдругъ одна благодѣтельная искра упала на веревку, которою Атагай былъ связанъ; веревка слегка затлѣла; обрадованный плѣнникъ началъ, сколько было силъ, раздувать пламя. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, веревка перегорѣла въ одномъ мѣстѣ на половицу и плѣнникъ, понатужась, разорвалъ ее. Движенія его сдѣлались посвободнѣе; онъ доползъ до костра; не обращая вниманія на нестерпимую боль, пережегъ веревку на тѣхъ своемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Наконецъ, онъ былъ свободенъ. Теперь, казалось, слѣдовало бы ему бѣжать какъ-можно-скорѣе, пока не проснулся еще никто въ аулѣ, но Атагай былъ не таковъ. Онъ не могъ рѣшиться разстаться съ Турсуномъ, не сыгравъ съ нимъ на прощаньи какой-нибудь злой шутки. Наканунъ еще замѣтилъ онъ одну изъ султанскихъ женъ, которой блестящія глазки часто останавливались на немъ, и при этомъ выражали не одно только состраданіе. Атагай отправился къ ней въ юрту. Не знаю хорошенько, какъ объяснилъ онъ ей свое посѣщеніе, но только чувствительная Киргизка приняла его къ себѣ совсѣмъ не такъ сурово, какъ Наталья Павловна графа Нулина. Къ утру, Атагай разстался съ султаншею, поймалъ двухъ лучшихъ коней, пасшихся вблизи, и подѣхалъ къ юртѣ, въ которой спалъ Турсунъ-Чингисовъ съ другою своею женою. Разбудивъ султана, пожелалъ онъ ему здоровья и всякаго благополучія, и ускакалъ прежде, чѣмъ удивленный Турсунъ успѣлъ порядкомъ протереть глаза. Можете вообразить себѣ бѣшенство послѣдняго. Онъ разбудилъ весь аулъ, отправился съ своими теленгутами въ поговю, но не тутъ-то было. Атагай благополучно доскакалъ до дому и теперь не можетъ нахвалиться султанскими конями. Говорятъ, будто кто-то очень скучаетъ по немъ въ аулѣ турсуновомъ, но, можетъ-быть, это степныя сплетни.

Отъ Кокчетау до Атбассара дорога совершенно-однообразна. Изобиліе сенокосовъ, воды и лѣса дѣлаетъ возможнымъ заселить когда-нибудь все это пространство. Атбассарайскій пикетъ нѣсколько болѣе другихъ; на немъ живетъ казачій офицеръ съ семействомъ. Подлѣ пикета расположилось нѣсколько юртъ Баганалинцовъ, которымъ полюбилось, подлѣ защитой пикетныхъ казаковъ, быть въ полной безопасности отъ нападений всѣхъ хищниковъ. Эти Баганалинцы совершенно отказались отъ кочевой жизни и хотя не выстроили еще себѣ домовъ, но юрты ихъ уже нѣсколько лѣтъ стоятъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ. За Атбассаромъ дорога выходитъ опять на берегъ Ишима.

Мнѣ начинало уже надоедать путешествіе по степи. Я проѣхалъ по ней около 500 верстъ, а все еще не видалъ ничего замѣчательнаго. Почтовая ѣзда ничѣмъ не отличается отъ ѣзды по всѣмъ другимъ боль-

шимъ дорогамъ Россіи. Только присутствіе казачьяго конвоя и совершенная пустынноѣ окрестностей напоминаютъ, что ѣдешь не изъ одного губернскаго города въ другой.

Въ укрѣпленіи Джаркаинъ-Агачъ, способъ путешествія, къ великому моему удовольствію, совершенно перемѣнился. Далѣе, нѣтъ уже болѣе пикетовъ и чтобъ доѣхать до Улутаускихъ-Горъ, гдѣ собранъ былъ весь отрядъ, я отправился впередъ съ партіею 50 человекъ казаковъ, сопровождавшихъ продовольственный транспортъ. За Джаркаинъ-Агачомъ начинается настоящая степь, не носящая уже на себѣ никакихъ наружныхъ слѣдовъ вліянія русскаго управленія.

IV.

За полчаса до восхода солнца, меня разбудили и сказали, что отрядъ собирается уже на другомъ берегу Ишима и готовится къ выступленію. Выходя изъ казармы, въ которой отвели мнѣ для ночлега комнату, я обернулся назадъ, чтобъ еще разъ посмотреть на нее. Мнѣ невольно пришло въ голову, что видъ какого бы то ни было строенія долго не представится уже глазамъ моимъ, и что много ночей прійдется провести подъ открытымъ небомъ, прежде, чѣмъ опять удастся попасть подъ гостепріимную сѣнь кровли.

Ишимъ подъ Джаркаинъ-Агачомъ мелокъ и не широкъ. Лѣтомъ переходятъ его въ бродъ почти вездѣ безопасно, но въ то время проливные дожди наполнили водою русло рѣки, и нельзя было переезжать иначе, какъ на паромъ. Впрочемъ, такъ-какъ теченіе было довольно-тихое, то казаки переправляли коней своихъ вплавь, сваливъ одежду и вооруженіе на паромъ. Въмѣстѣ со мною переезжала и какая-то Киргизка, лѣтъ восемнадцати. Это еще первая женщина, встрѣтившаяся мнѣ въ степи. Спутница моя была очень-недурна собою, но грязна выше всякаго описанія и укутана въ какія-то тряпки, столько же грязныя, какъ и ея лицо. Плеть въ рукахъ и нецеремонность, съ которою глядѣла она на казаковъ, бывшихъ въ то время, какъ говоритъ Гоголь, въ натурѣ, придавали ей необыкновенно-мужественный видъ. Только-что достигли мы берега, какъ степная амазонка вскочила на лошадь свою, стоявшую подлѣ рѣки, кивнула мнѣ головою въ знакъ прощанія и понеслась, какъ стрѣла, по гладкому полю. Она была изъ аула, кочевавшего не въ дальнемъ разстояніи отъ укрѣпленія.

Нашъ отрядъ, какъ я сказалъ выше, былъ очень немногочисленъ, но представлялъ изъ себя картину чрезвычайной дѣятельности. Казаки, продрогнувъ отъ купанья на утреннемъ холодѣ, поспѣшно одѣвались и сѣдлали коней, которые фыркали и отряхали мокрыя гривы свои. Верблюды были переправлены еще ранѣе; на нихъ наложены были мѣшки съ сухарями и крупю для отряда. Терпѣливыя животныя, смиренно лежа на землѣ въ ожиданіи выступленія, почти совершенно были закрыты своими огромными выюками. Такъ-какъ мы могли теперь каждую минуту ожидать нападенія, то приняли противъ него всѣ военныя предосторожности. Нѣсколько человекъ отдѣлены были впередъ въ видѣ

авангарда, въ которомъ находились и вожаки наши. Кроме того, чело-
вѣка по три казаковъ отъѣхали на версту вправо и влево отъ направ-
ленія пути нашего и образовали собою боковые отряды. Долго упрями-
лись верблюды подняться съ земли, какъ-бы предчувствуя трудности,
ожидавшія ихъ на пути; наконецъ, наскучивъ дерганьемъ и монотоннымъ
чокъ, чокъ своихъ проводниковъ, вдругъ вскочили съ дикимъ ревомъ.
Казаки набожно перекрестились и весь отрядъ, по командѣ офицера,
дружно двинулся впередъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Джаркаинъ — Агача, степь принимаетъ
уже видъ *мертвенности*, который составляетъ отличительный характеръ
ея на огромномъ протяженіи. Легкая волнообразность мѣстности нигдѣ
не препятствуетъ взгляду углубляться въ самую даль и глазу вездѣ пред-
ставляется одно и то же безотрадное зрѣлище — песокъ да глина, ко-
торые сквозятъ сквозь тощую растительность травы бураго цвѣта, на-
зываемой Киргизами *май-сара*. Юньское солнце сіяло на голубомъ не-
бѣ и при яркомъ освѣщеніи его степь казалась еще печальнѣе. Не бы-
ло ничего неопредѣленного, ничего обманчиваго, что бы скрывало отъ
глазъ наготу природы. Я ударилъ нагайкою лошадь и приостановилъ
ее только въ самой серединѣ между нашимъ миниатюрнымъ авангар-
домъ и главными силами. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ долеталъ до слуха
моего говоръ людской, я желалъ хоть на нѣсколько минутъ безъ раз-
влеченія предаться сладостно-грустнымъ впечатлѣніямъ, наводимымъ
пустынностью окрестностей. Никогда еще не случалось мнѣ видѣть ча-
стички земнаго шара, которая бы казалась столь свободною отъ вла-
сти человѣка. Нигдѣ не замѣтно было малѣйшаго признака его повсе-
мѣстнаго торжества надъ природою; нигдѣ не отпечатлѣлось даже слѣ-
да его минувшаго появленія. Можно было подумать, что мы первые
еще вступали въ этотъ край, завѣтный для остальнаго человѣчества.

Но если степь казалась намъ чуждою и смотрѣла на насъ не со-
всѣмъ гостепріимно, за то тѣмъ пріятнѣе была въ ней жизнь для
всѣхъ другихъ тварей. Мнѣ представился обломокъ допотопнаго міра,
который, по сказаніямъ Кювье, населенъ былъ только животными. Все
поле изрыто было норками, и я долженъ былъ сидѣть осторожно на
лошади, которая безпрестанно въ нихъ проваливалась. Сурки съ любо-
пытствомъ поглядывали на меня, какъ на невиданнаго гостя, и только
изъ-подъ копытъ лошади прятались подъ землю. Безчисленное мно-
жество тарбаганчиковъ, или земляныхъ зайцевъ, пересѣкало мнѣ доро-
гу. Тарбаганчики эти не бѣгаютъ, а только скачутъ на заднихъ лап-
кахъ, которыя у нихъ гораздо-длиннѣе переднихъ. По-временамъ,
стрѣлою проносилась по полю сайга, дѣлая прыжки, похожіе на кру-
тые рикошеты ядра. Коршуны и беркуты кружились въ воздухѣ, вы-
сматривая себѣ добычу. Наконецъ, множество дичи приводило въ во-
сторгъ нашихъ отрядныхъ охотниковъ.

По-мѣръ-того, какъ солнце поднималось надъ горизонтомъ, жаръ
становился все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ сдѣлался совершенно
нестерпимымъ. Темный грунтъ земли, поглощая въ себѣ теплоту, со-
общалъ нижнимъ слоямъ воздуха температуру банной атмосферы.

Мысль, что на протяжении нескольких сотъ верстъ намъ не встрѣтятся ни одного деревца, подъ тѣнью котораго мы могли бы укрыться отъ палящаго солнца — представлялась воображенію каждаго и пугала Сибиряковъ, которымъ случилось въ первый разъ быть въ степи. Я ѣхалъ, опустивъ отъ утомленія голову внизъ — лошадь моя споткнулась и это прервало нить моихъ печальныхъ размышлений. Невольно взглянулъ я вверхъ и прекрасная картина открылась моимъ взорамъ. Прямо по направленію пути нашего, въ верстъ разстоянія, представилось мнѣ довольно-большое озеро, котораго противоположный берегъ поросъ густымъ лѣсомъ, давно уже невиданнымъ мною. На озерѣ было нѣсколько островковъ, также покрытыхъ деревьями. Эта смѣсь воды и зелени составляла очаровательный ландшафтъ. Мнѣ показалось страннымъ только, что это озеро не было означено на топографической картѣ, которую еще наканунѣ разглядывалъ я съ величайшимъ вниманіемъ. Я обратился съ вопросомъ объ озерѣ къ одному изъ казаковъ, и отвѣтъ его разрушилъ мое очарованіе. Это было *ларево*, известное подъ именемъ миража въ Европѣ. Разгоряченный воздухъ производитъ явленія выпуклаго зеркала, представляя степную траву въ видѣ высокихъ деревьевъ и отраженіемъ голубаго неба рисуя обширныя скатерти воды. Нѣтъ ничего несноснѣе этого непрерывнаго обмана чувства зрѣнія: для насъ онъ стоилъ муки Танталя. Задыхаясь отъ жара и жажды, мы видѣли не въ дальнемъ отъ себя разстояніи тѣнь и воду, которыя постоянно ускользали отъ насъ, какъ *великое дѣло* отъ изысканій алхимиковъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго перехода, вдали показалась на темномъ грунтѣ степи узкая зеленая полоска, извивавшаяся, какъ змѣй, у подошвы невысокаго, но крутаго яра. Эта полоса обозначала теченіе Ишима, который опять вышелъ къ намъ на дорогу. Обыкновенно, не болѣе, какъ на пространствѣ нѣсколькихъ сажени, и то только по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, растетъ сочная трава, годная въ кормъ лошадямъ. По этому, движенія въ степи иногда бываютъ чрезвычайно-затруднительны. Случается, что должно на усталыхъ коняхъ дѣлать безостановочно огромные переходы, чтобы добраться до корма и до воды. Свѣдущій вожакъ совершенно-необходимъ для указанія ихъ: безъ него можно ошѣпить людей въ нѣсколько дней. У насъ есть весьма-точные карты степи, но и онѣ не могутъ вывести изъ затрудненія отряднаго начальника. На нихъ означаются совершенно-вѣрно рѣчки и озера, но въ этихъ рѣчкахъ и озерахъ часто не бываетъ ни капли воды. Правда, что весною онѣ бываютъ наполнены тающими снѣгами, но къ осени озера покрываются густымъ лѣсомъ камыша, и вмѣсто рыбы водятся въ нихъ кабаны и барсуки. Степныя рѣчки имѣютъ, болѣею частію, самое ничтожное паденіе и лѣтомъ теченіе ихъ совершенно прерывается. Остаются длинныя сухіе овраги, которые тянутся на нѣсколько сотъ верстъ и посяютъ на картахъ нашихъ названіе рѣки *такой-то*. Въ этихъ оврагахъ встрѣчаются, иногда на большомъ разстояніи другъ отъ друга, глубокіе омуты, въ которыхъ остается вода на цѣлое лѣто. Казаки называютъ ихъ *плёсами* и *озерцами*, и

подъ нихъ обыкновенно останавливаются отряды на ночлегъ. Рѣчная вода, превратясь въ стоячую, портится и часто нельзя пить ее безъ отвращенія, но само собою разумѣется, что, отправляясь въ степь, должно быть готовымъ на лишенія всѣхъ родовъ и даже стараться перепить у верблюдовъ ихъ философскую неприхотливость въ пищу и водѣ.

На этихъ небольшихъ оазисахъ, разбросанныхъ по степи, природа какъ-бы старается заставить путешественника забыть печальную картину, которая въ продолженіе цѣлаго перехода представлялась его глазамъ. Сырость, распространяемая плѣсами, поддерживаетъ силу растительности вокругъ нихъ. Густые кустарники шиповниковъ и множество другихъ цвѣтовъ испещряютъ зеленящіе берега ихъ и дѣлаютъ эти лоскутки земли похожими на цвѣтники, искусственно разведенные. Кроме-того, около этихъ плѣсовъ водится неимоверное множество дичи, еще не напуганной людьми и потому безпечно подлетающей подъ самое дуло ружья. Можно было охотиться, не сходя съ мѣста, но само собою разумѣется, что такая охота теряла всю свою привлекательность, потому-что не соединена была съ неизвѣстностію, которая одна заставляла сердце охотника биться ожиданіемъ. Наши отрядные рыбаки на ночлегахъ также могли похвастать богатою добычею. Плѣсы совершенно походили на садки, такъ много было въ нихъ рыбы. Впрочемъ, случалось иногда, что самыя счастливыя тони не были казакамъ къ проку. Я видѣлъ, какъ разъ выбросили они множество пойманныхъ ими огромныхъ щукъ, потому-что въ каждой изъ нихъ найдено было по проглоченной полевой мыши. Казаки не рѣшились ѣсть щукъ, но не изъ брезгливости, а потому-что былъ петровъ-постъ и они боялись оскорбиться.

Намъ нельзя было дѣлать слишкомъ-большихъ переходовъ, потому-что предстоялъ дальній путь на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ, которыхъ, сверхъ-того, мы должны были сберечь для усиленныхъ движеній, неизбежныхъ въ то время, когда уже удастся попасть на слѣды хищниковъ. Обыкновенные суточные переходы наши измѣнялись между 30 и 40 верстами, но мы должны были дѣлать ихъ въ самый жаръ. Ночью, самая бдительная цѣпь часовыхъ не въ состояніи обезпечить отъ угона пасущагся табуна лошадей. Поэтому, съ захожденіемъ солнца, необходимо загонять ихъ въ середину каре и ставить на коновязи, а выпускать опять на кормъ на разсвѣтъ, тѣмъ-болѣе, что только на утреннемъ холодѣ лошади и ѣсть охотно. Такимъ образомъ, нельзя было выступать ранѣе, какъ часу въ седьмомъ утра, и приходивъ на ночлегъ часу во второмъ по полудни.

Въ началѣ перехода, обыкновенно отрядъ нашъ представлялъ изъ себя картину чрезвычайнаго одушевленія, которое составляло рѣзкую противоположность съ могильною тишиною степи. Казаки пѣли свои заунывные пѣсни, которыя правились мнѣ выраженіемъ глубокаго чувства, въ нихъ сокрытаго, и оригинальностію мелодіи. Вообще, мнѣ рѣдко случалось слышать въ Сибири пѣсни, которыя распѣваетъ простой народъ въ великороссійскихъ губерніяхъ или Малороссіи. Сибирь обладаетъ для пѣнія собственнымъ своимъ репертуаромъ, который не-

дурно бы видѣть напечатаннымъ. Путешествующій здѣсь естествоиспытатель г-нъ Ш—къ показывалъ мнѣ составленное имъ довольно-большое собраніе сибирскихъ пѣсень. Очень жаль, если онъ не подѣлится имъ съ публикою. Кромѣ своихъ народныхъ пѣсень, казаки щеголяютъ иногда и русскими романсами, которыхъ голосъ и отчасти слова они передѣлываютъ на свой ладъ. Такъ-какъ почти все казаки грамотные, то каждый пѣсенникъ, понавѣшавшійся какимъ-нибудь случаемъ въ сибирскую казачью станицу, оставляетъ въ ней слѣды своего пребыванія. Разъ какъ-то долго слушалъ я разсѣянно казака, ѣхавшаго подлѣ меня отдѣльно отъ другихъ и напѣвавшаго речитативомъ что-то безконечно-длинное. Наконецъ, продолжительность его пѣнія привлекла мое вниманіе, и представьте себѣ мое удивленіе, когда я прислушался хорошенько къ словамъ: казакъ, которому слѣдовало бы дать премію за отличную память, пѣлъ отъ начала до конца «Анжело» Пушкина!

Киргизы, которыхъ также было человекъ десять при нашемъ отрядѣ, составляли обыкновенно отдѣльную кучку, которой крики часто заглушали звучныя пѣсни казаковъ. Я уже успѣлъ сдѣлаться космополитомъ въ-отношеніи къ музыкѣ. Въ Карабахъ слушалъ даже, *sans soupçonner*, полный персидскій оркестръ, отъ котораго того-и-смотри падаютъ стѣны.. Но съ пѣніемъ Киргизовъ я никакъ не могъ помириться. Кажется, что за образецъ своей музыки приняли они произвольный ревъ разсерженныхъ верблюдовъ, и такъ-какъ подражаніе всегда далеко уступаетъ образцу, то и Киргизы далеко отстали въ музыкальности отъ своихъ двугорбыхъ маэстро. Пѣсни ихъ, большею частію, импровизаціи и напѣвъ ихъ все одинъ и тотъ же. Обыкновенно, пускаются въ состязаніе двое пѣвцовъ. Сначала одинъ прокричитъ въскольکو стиховъ, въ которыхъ рифма составляетъ главное дѣло, а смыслъ есть вещь посторонняя. Послѣ того, другой отвѣчаетъ ему, или, лучше сказать, переключивается съ нимъ также стихами. Чѣмъ неожиданнѣе это возраженіе, т. е. чѣмъ совершеннѣйшую нелѣпицу составляетъ оно съ предъидущимъ, тѣмъ громче и ободрительнѣе хохотъ слушателей. Можете сами представить, до чего, наконецъ, въ два-три часа, доходитъ эта быстро-возрастающая прогрессія нелѣпостей.

Все эти разноголосныя концерты умолкали однако въ отрядѣ нашемъ къ полудню. Жаръ въ это время становился до того несноснымъ, что у нашихъ походныхъ соловьевъ пересыхало въ горлѣ и поэтическое гений киргизскихъ импровизаторовъ опускалъ отъ утомленія свои крылья. По временамъ только слышались брань и крики погонщиковъ, которые понуждали какого-нибудь непослушнаго верблюда, напугавшагося остановиться на мѣстѣ для лакомой травки и разстроить собою ходъ пикти. *Ниткою* называется цѣлый рядъ верблюдовъ, привязываемыхъ обыкновенно гуськомъ, одинъ къ другому.

Но вотъ авангардъ нашъ остановился: значитъ, пришли на ночлегъ. Лошади и верблюды ускоряютъ шагъ; урядники, по указанію офицера, втыкаютъ въ землю казачьи пикеты, для означенія угловъ каре. Въмѣстѣ съ тѣмъ выставляются по сторонамъ наблюдательныя пикеты и, нако-

нецъ, приступаютъ къ разсѣдыванію лошадей и развьючкѣ верблюдовъ. Съ послѣдними опять несносная возня. Вѣроятно, тотъ, кто первый вздумалъ назвать этихъ животныхъ послушными, выдалъ ихъ только на картинкахъ. Упрямство ихъ превосходитъ всякое описаніе. Они принадлежатъ къ ультра консервативной партіи и всего болѣе заботятся объ удержаніи себя *in statu quo*. Нельзя развьючить ихъ, пока они не станутъ на колѣни, а они, не зная, изъ гордости, что ли, только долго не соглашаются принять это унижительное положеніе. Казаки, чтобы перепрyamить непослушнаго верблюда, обыкновенно приподнимаютъ ему одну изъ переднихъ ногъ и привязываютъ ее веревкой къ его же шеѣ. Ничего не можетъ быть забавнѣе вида верблюда, важно-стоящаго на трехъ ногахъ. Минутъ чрезъ пять, упрямецъ начинаетъ однако чувствовать неловкость своего положенія, крѣпится еще нѣсколько времени, поглядываетъ на окружающихъ его людей, и наконецъ медленно становится на колѣни. Этого дивертисманъ разыгрывался на каждомъ ночлегѣ и смѣшилъ насъ, какъ полишинель дѣтей.

Находясь въ степи, по неволѣ долженъ принять образъ жизни Киргизовъ. Такъ, напр., палатки, которыя возятся при нашихъ войскахъ въ мирное время и въ кавказскихъ экспедиціяхъ, совершенно не употребляются въ степныхъ походахъ. Онѣ мало предохраняютъ и отъ жары и отъ холода, а въ степи всегда почти приходится вытерпѣть крайности и того и другаго. Въмѣсто палатокъ, у насъ взяты были для офицеровъ киргизскія юрты, которыя и въ жаръ и въ холодъ представляютъ несравненно болѣе удобствъ, чѣмъ домики à la joug петербургскихъ дачъ, которые каждое лѣто проклинаются и тѣмъ не менѣе занимаются жителями нашей сѣверной столицы. Юрты состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльных ширмъ, въ видѣ рѣшетокъ, которыя связываются между собою и образуютъ сомкнутый кругъ. Въ этихъ ширмахъ оставляется отверстіе, занавѣшиваемое сплетенною изъ соломы шторою, которая служитъ вмѣсто двери. Въ верхней части ширмъ привязываются дугообразныя стрѣлы, которыя противоположнымъ концомъ своимъ втыкаются въ отверстія, продѣланныя по окружности большаго обруча. Стрѣлы составляютъ все вмѣстѣ параболическій куполь. Это собранный скелетъ юрты, который весь покрывается потомъ войлоками, или, какъ Киргизы называютъ ихъ, *кошмами*. Обручъ одинъ остается непокрытымъ, для прохода дыма отъ огонька, раскладываемаго въ срединѣ юрты. Это подвижное жилище превосходно лѣтомъ; кошмы обыкновенно приподнимаются снизу и этимъ образуется въ юртѣ постоянное движеніе воздуха, которое умѣряетъ жаръ. Притомъ, если юрта хорошо увязана, то ни какой дождь не беспокоитъ сидящихъ въ ней.

Проживъ нѣсколько недѣль въ этихъ юртахъ, начинаешь понимать привязанность кочевыхъ народовъ къ своему образу жизни и отвращеніе ихъ отъ нашихъ неподвижныхъ домовъ. Каждый владѣлецъ юрты располагаетъ въ ней свое хозяйство какъ ему угодно, и однажды принятый порядокъ не измѣняется съ перенесеніемъ ея съ одного мѣста на другое. Послѣ каждой перекочевки можно подумать, что возвратился къ себѣ домой съ прогулки, продолжавшейся нѣсколько ча-

совѣ. Слѣдовательно, дорогое для насъ наслажденіе *привычки*, въ которой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, заключается все доступное на землѣ людямъ счастье, чувство *at home* нисколько не нарушается кочевой жизнью. А сколько наслажденій доставляетъ это ежедневное переселеніе! На сегодняшнемъ ночлегѣ, кормъ не хорошъ, вода солоновата, комары не даютъ ни минуты покою—что же мѣшаетъ мнѣ завтра же удалиться отсюда? Я не невольникъ, который долженъ—любо или нелюбо ему—всегда оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Степь безпредельно-велика и вездѣ, гдѣ только свѣтитъ солнце, журчатъ вода и зеленеетъ трава, самъ Богъ приготовилъ мнѣ спокойное жилище.

Конечно, дурная сторона этой свободной жизни далеко превосходитъ хорошую, но о ней поговоримъ мы послѣ.

Прожарившись нѣсколько часовъ на палящемъ солнцѣ, чувствуешь неизъяснимое наслажденіе, входя въ прохладную юрту. Но эта вожделѣнная минута заставляетъ ждать себя довольно-долго. Только-что успѣютъ развьючить верблюдовъ, какъ Киргизы начинаютъ ставить юрту, но, кѣ-несчастію, усердіе ихъ только замедляетъ дѣло. Всѣ они желаютъ выказать предъ офицерами свою готовность услужить, и потому, по три человека вмѣстѣ, хватаются за одну веревку и только мѣшajúтъ другъ другу. Безпрестанно слышно *акрымъ, акрымъ* (тише, тише), между-тѣмъ, какъ дѣло и безъ того идетъ несносно-тихо.

Почти вездѣ, гдѣ мы только останавливались, видны были киргизскія кладбища. Странное впечатлѣніе производили они на меня! Мы нигдѣ не встрѣчали не только живаго человѣка, но даже слѣда человѣческаго. Весь край казался совершенно не обитаемымъ, потому-что Киргизы никогда не кочуютъ лѣтомъ въ той части степи, по которой мы проходили. Единственнымъ предметомъ, напавшимъ на насъ въ остальномъ человечествѣ, были могилы. Такимъ-образомъ, одни только давнымъ давно павшіе покойники принимали насъ въ этомъ негостепріимномъ краѣ. Часто, по вечерамъ, я отправлялся отдалѣ визитъ нашимъ молчаливымъ хозяевамъ. Киргизскія могилы обозначаются грудой наваленныхъ камней, отъ которыхъ обыкновенно тянется еще рядка небольшихъ камешковъ по направленію къ водѣ. Эти камешки, думаетъ народъ, необходимы для указанія пути къ водѣ мертвецу, котораго жажда мучитъ въ могилѣ и который каждую ночь выходитъ изъ нея, чтобъ напиться въ близлежащемъ плѣсѣ. Впрочемъ, есть могилы и аристократическія, надъ которыми возвышаются прочныя каменные постройки. Издали онѣ имѣютъ совершенно видъ юртъ. Входъ во внутренность ихъ очень низокъ, и въ ней дѣлается еще небольшой памятникъ, въ родѣ лежанки. На самой вершинѣ свода часто кладется какой-нибудь камень, отличающійся отъ прочихъ цвѣтомъ и формою. Камни эти Киргизы, иногда съ большими издержками, выписываютъ изъ какихъ-нибудь знаменитыхъ по святости своей мѣстъ, находящихся въ Туркестанѣ или Бухаріи. Очень-рѣдко встрѣчаются надписи, но малочисленности грамотныхъ людей въ степи; если гдѣ и есть онѣ, то заключаютъ въ себѣ какое-нибудь изреченіе изъ Корана.

на, а не имя покойника и тѣмъ менѣе еще похвалу ему: последнее рѣшительно не въ духъ мухаммеданской религіи.

Впрочемъ, Киргизы очень-хорошо знаютъ имена тѣхъ, которые удостоились, по смерти своей, великолѣпнаго памятника. Обстоятельства жизни этихъ покойниковъ, болѣею частію, предаются полному забвенію, но имена, благодаря этимъ памятникамъ, сохраняются въ памяти народнои. Причина этому очень проста. Въ степи почти такъ же мало встрѣчается географическихъ предметовъ, какъ и въ открытомъ морѣ; по этому, могилы, обозначенныя памятниками, лагутъ свои названія цѣлымъ урочищамъ. Названія эти передаются изъ рода въ родъ и даже попадаютъ на наши географическія карты. Есавбъ Герострату было извѣстно это довольно-дешевое средство пріобрѣсти безсмертіе, то, безъ сомнѣнія, онъ не сжегъ бы діавина храма.

Киргизскія могилы вырываются неглубоко; покойникъ, одѣтый въ мышокъ изъ бязи, опускается не въ лежачемъ, а въ сидячемъ положеніи, и потомъ не засыпается землею, а только закидывается сверху хворостомъ. Правовѣрные полагаютъ, что по удаленіи похоронной процесіи на 40 шаговъ отъ могилы, къ покойнику являються ангелы, которые наказываютъ его за все совершенныя имъ не слишкомъ-важныя проступки, какъ то: за несоблюденіе предписанныхъ закономъ обрядовъ чистоплотности, за слишкомъ-длинные усы и пр. Кара за важнѣйшія преступленія начинается уже послѣ страшнаго окончательнаго суда.

Рѣдко нарушается безмолвіе этихъ кладбищъ, уединенно-расположенныхъ въ пустой степи. Я помню, что разъ какъ-то, находясь внутри одного изъ могильныхъ памятниковъ и разговаривая съ товарищемъ, я обратилъ свое вниманіе на необыкновенно-сильное эхо. Казалось, что кто-то невидимый третій участвовалъ въ нашемъ разговорѣ. Я вздумалъ испытать силу этого эхо и выстрѣлилъ изъ пистолета. Въ ту же минуту все какъ-будто ожило вокругъ насъ. Въ воздухѣ произошло странное трепетаніе и какія-то жесткія крылья, которыхъ не могъ я разглядѣть въ сумракѣ, нѣсколько разъ задѣли меня по лицу. Я подумалъ, не испугнулъ ли трескъ пистолета мухаммедовыхъ ангеловъ-мучителей, но дѣло было проще.

Выстрѣлъ мой разбудилъ нѣсколько десятковъ летучихъ мышей, которыя обыкновенно берутъ эти памятники въ полное свое владѣніе.

Когда случалось намъ, во время движенія, проходить мимо этихъ кладбищъ, то Киргизы наши всегда заѣзжали исполнить на нихъ принятый въ степи обычай, который заключается въ томъ, что всадникъ долженъ подлѣ могилы сѣзсть съ лошади и привязать гдѣ-нибудь вблизи, на память, локутъ одежды или даже нѣсколько волосъ изъ конской гривы. То же самое Киргизы исполняютъ и на каждомъ мѣстѣ, которое слышетъ у нихъ за святое. Этихъ святыхъ мѣстъ въ степи встрѣчается множество. Каждый предметъ, привлекающій вниманіе, какъ напр. отдѣльный большой камень или чахлый кустарникъ, считаются святыми. Киргизы думаютъ, что Худай для какой-нибудь таин-

ственной цѣли создалъ эти предметы такъ, чтобъ они кидались въ глаза каждому проезжему.

Мы шли прямо на югъ, по направленію къ Улутаускимъ-Горамъ. Путь нашъ пролегалъ почти по самой границѣ степи, подчиненной сибирскому вѣдомству, той, которая принадлежитъ оренбургскому. Каждый вечеръ мы останавливались на какомъ-нибудь полувысохшемъ ручьѣ, и всѣ эти ручьи назывались Тургаями. Въ степи обыкновенно всѣ рѣчки, принадлежащія къ одной какой-нибудь системѣ, носятъ одно и то же наименованіе и различаются другъ отъ друга только прилагательными, поставляемыми впереди. Такъ всѣ рѣчки, имѣющія вершины свои на пространствахъ между Джаркаин-Агачомъ и Улуту, а теченіе на западъ, называются Тургаями, что значитъ по-киргизски *жаворонокъ*. Считаютъ болѣе 60 Тургаевъ, которые различаются другъ отъ друга прилагательными: кара—черный, сары—желтый и пр. Всѣ они впадаютъ въ Улу-Тургай—Большой-Тургай, который, вмѣстѣ съ Иргизомъ, терется въ камышахъ и соляныхъ грязяхъ, называемыхъ Аксакаль-Берси.

Мы шли уже нѣсколько дней, а видъ степи почти вовсе не перемѣнялся. Вездѣ одинакое безплодіе, вездѣ недостатокъ воды и, наконецъ, вездѣ одинъ и тотъ же непривлекательный видъ поля, сливающегося по всѣмъ направленіямъ съ небосклономъ и поросшаго бурою майсарою. Изрѣдка встрѣчались намъ полосы земли, покрытыя ковылемъ; съ перваго взгляду, видъ этой серебристой травы довольно пріятенъ. Когда вѣтеръ пробѣгалъ по степи, она казалась моремъ, по которому катились серебряныя волны. Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали встрѣтиться съ кѣмъ бы то ни было, чтобъ получить извѣстія о мятежникахъ, но кромѣ саегъ и кулановъ (*), мы никого не встрѣчали. Взоры всѣхъ насъ постоянно были устремлены на авангардъ и на казаковъ, вѣхавшихъ по бокамъ. Если они останавливались на минуту, то радостное волненіе распространялось въ отрядъ — вѣрно увидѣли что-нибудь новое; но наши мечты обыкновенно бывали непродолжительны. Разъ какъ-то дѣйствительно замѣтили мы вдали трехъ Киргизовъ, которые увидѣли насъ почти въ то же время, какъ и мы ихъ, и тотчасъ же поворотили коней назадъ. Долго гонялись мы за ними и насилу ихъ поймали. Оказалось, что они посланы были съ бумагами изъ нашего отряда, расположеннаго на Улуту, и не разглядѣвъ насъ, подумали, что наткнулись на шайку хищниковъ.

Наконецъ, заспѣли на краю горизонта вершины горъ Улуту и по бокамъ ихъ, горъ Арганатау и Кичитау. Медленно росли онѣ надъ плоскою поверхностію степи, которая до самой подошвы ихъ сохраняетъ характеръ прежняго безплодія. Горы эти стоятъ совершенно-отдѣльно на равнинѣ и можно было разсмотрѣть во всей подробности ихъ очерки, рисовавшіеся черными пятнами на голубомъ небѣ. Всту-

(*) Дикое животное, водящееся въ степи, и похожее отчасти на лошадь, отчасти на осла.

пивъ въ узкія долины ихъ, мы вдругъ перенеслись совершенно въ новый край. Ключи чистой воды бѣжали изъ крутыхъ скалъ; лошади наши едва могли пробираться сквозь густую траву, покрывавшую берега многочисленныхъ ручьевъ. Мы въ скоромъ времени присоединились къ отряду, который уже съ мѣсяцъ расположенъ былъ на Улутау.

V.

Улутаускія-Горы могутъ произвести пріятное впечатлѣніе только на тѣхъ, которые проѣхали уже нѣсколько сотъ верстъ по степи и утомились ея плоскимъ однообразіемъ. Такъ, самый грустный и непривлекательный берегъ приводитъ въ восторгъ моряковъ, стосковавшихся по землѣ въ долговременномъ плаваніи по открытому морю. Площадь, занимаемая этими горами, составляетъ въ окружности около 70 верстъ и соединяется легкою волнообразностію мѣстности съ горами Арганатау на сѣверъ и Кичитау на югъ. Отъ Арганатау тянется рядъ возвышенностей въ Каркаралинскій Округъ; тамъ распространяется онъ по разнымъ направленіямъ къ Иртышу и отъ этого вся восточная часть Киргизъ-Кайсацкой-Стѣны есть страна гористая, въ которой живописные виды встрѣчаются на каждомъ шагу. Къ западу отъ Улутау и къ югу отъ Кичитау, единообразно разстилается печальная, безплодная равнина, которая уходитъ далеко на сѣверъ и на югъ и раздѣляетъ собою систему Урала отъ системы Алтая. Крайнюю выдающуюся оконечность последней на западъ составляютъ горы Улутаускія.

Кому случалось проѣзжать по военно-грузинской дорогѣ между Казбекомъ и Коби, тотъ легко можетъ составить себѣ понятіе объ Улутаускихъ Горахъ, производя только нѣкоторыя измѣненія въ знакомыхъ ему видахъ. И тамъ и здѣсь одинаково господствуетъ печальный, сѣрый цвѣтъ, но для Улутау должно уничтожить всю грандіозность кавказскихъ громадъ и замѣнить русло бѣснаго Терека лугомъ, покрытымъ густою и высокою травою, которая почти совершенно закрываетъ собою узкіе ручьи, имѣющіе самое спокойное теченіе. Нѣтъ ни озеръ, ни лѣсовъ, которые въ соединеніи со скалами придають столько живописности другимъ горнымъ пространствамъ. Кое гдѣ стелется особенная порода вереска, которою въ Сибири очень дорожатъ для оклейки мебели, и кустарникъ *джарай*, доставляющій весьма красивыя и необыкновенно крѣпкія тросточки, когда приготовленъ особеннымъ образомъ. Можно подумать, что эти облаженные, конусообразныя горы — не болѣе, какъ огромныя кучи земли, безтолково наваленныя какими-то великанами, которымъ вздумалось здѣсь заняться земскопной работою.

Впрочемъ, Киргизы, нисколько не заботящіеся о живописности видовъ, чрезвычайно какъ дорожатъ своимъ Улутау и почитаютъ этотъ пунктъ самымъ благословеннымъ уголкомъ въ цѣлой степи. Дѣйствительно, лѣтомъ изобиліе кормовъ и воды на Улутау составляетъ неоцѣненное богатство для кочеваго народа; зимою, горы удерживаютъ

свирьность бурановъ, снѣгъ въ долинахъ никогда не бываетъ слишкомъ глубокъ и по этому для скота не такъ затруднительно добывать себѣ изъ-подъ него кормъ. Кроме-того, въ Улутау есть много ущелій въ нѣсколько верстъ длиною, безъ всякаго выхода и съ весьма-узкимъ входомъ, который заградить не трудно. Такимъ-образомъ, эти ущелья образуютъ естественныя конюшни, въ которыхъ лошади и другой скотъ совершенно обезпечены отъ нападеній хищниковъ—выгода весьма-важная въ столь безпокойномъ краю, какова Киргизская-Степь. Не смотря на все эти преимущества, никто не кочевалъ въ Улутаускихъ-Горахъ, когда мы находились въ нихъ. Мирные Киргизы опасались сосѣдства хищниковъ, а хищники давно провѣдали уже о приближеніи русскаго отряда и бѣжали съ Улутау еще въ началѣ весны.

Отрядъ нашъ расположенъ былъ по берегу ручья Джетты-Кызъ, что значитъ по-киргизски *семь-дней*. Насчетъ происхожденія этого названія, слышалъ я слѣдующее преданіе. Нѣкогда кочевалъ на Улутау весьма-богатый султанъ, у котораго было семь дочерей, одна другой лучше. Слава о ихъ красотѣ разнеслась по цѣлой степи, и женихи съѣзжались толпами на Улутау, но никому изъ нихъ не удалось получить согласіе отца красавицъ. Гордясь дочерьми своими, онъ требовалъ за каждую изъ нихъ калымъ не конями и не верблюдами, которыхъ у него было довольно, а цѣлыми *чаряками* (*) жемчугу и камней самоцвѣтныхъ. Влюбленные женихи рѣшались на неимоверныя подвиги, кидались во все опасности, чтобы добыть дорогой калымъ, но все погибали, не успѣвъ еще собрать и сotoй доли требуемаго. Худай наказалъ корыстолюбиваго султана за ихъ смерть. Разъ, въ жаркую пору, все семь сестеръ-красавицъ отправились купаться къ ручью. Младшая изъ нихъ начала тонуть, другія бросились спасать ее и все семь погибли вмѣстѣ. Слыша этотъ разсказъ, я не могъ удержаться отъ нѣкотораго сомнѣнія. Въ ручьѣ воды такъ мало, что въ немъ съ трудомъ можно утопить цыпленка; но разсказчикъ, старый Киргизъ, замѣтилъ мнѣ, что для Худая все возможно, что онъ, если захочетъ, утопитъ и верблюда въ ковшъ воды. Противъ этого возражать, конечно, нѣчего.

На одной изъ самыхъ возвышенныхъ вершинъ Улутау находится великолѣпный памятникъ, который извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ едигеевой могилы. Этотъ Едигей, по сказаніямъ Киргизовъ, былъ великій ватазъ, который прославился своими военными подвигами по ту сторону Яка. Нѣкоторые сибирскіе антикваріи увѣряли меня, что это тотъ самый Едигей, который извѣстенъ въ нашей исторіи осадой Москвы и войною съ Витовтомъ литовскимъ, но я не думаю, чтобы мѣсто погребенія его было такъ далеко на востокъ. Впрочемъ, недалеко отъ Улутау, по теченію Кенгирей, есть много другихъ могильныхъ памятниковъ, которыхъ великолѣпіе славится въ цѣлой степи и которые воздвигнуты въ честь нѣкоторыхъ Чингис-Ханидовъ и Тимуридовъ.

(*) Туркменская вѣсовая мѣра, почти равняющаяся нашимъ 3 фунтамъ.

Памятникъ Едигея поставленъ на такой крутой высотѣ, что построеніе его, безъ сомнѣнія, было сопряжено съ весьма-большими затрудненіями и издержками. За то, говорятъ Киргизы, ни человекъ не ступитъ на могилу великаго визиря, ни зверь не пробѣжитъ по ней. Подвиги Едигея восхваляются въ народныхъ киргизскихъ пѣсняхъ, но въ нихъ онъ представленъ какимъ-то вымышленнымъ существомъ, какъ у насъ Владимиръ Красно-Солнышко.

Кстати о киргизскихъ пѣсняхъ. Весьма-многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ разсказы о приключеніяхъ двухъ любовниковъ, которыхъ могла показывается не въ дальнемъ разстояніи отъ Аягуза. Собраніе этихъ пѣсень, приведенныхъ въ порядокъ, составляетъ цѣлую поэмъ, подобную той, которую распѣваютъ дервиши за Кавказомъ о разнородныхъ походахъ знаменитаго турецкаго разбойника Кер-Оглы. Разскажу вамъ, сколько могу припомнить, содержаніе киргизской поэмы. «Жили были два богатые султана, Карабай и Сарыбай. У перваго былъ сынъ Козу-Курпечъ, у втораго дочь Баян-Сулу. Отцы обручили своихъ дѣтей еще при самомъ ихъ рожденіи. Малютки росли вмѣстѣ, и взаимная любовь ихъ развивалась такъ же быстро, какъ красота Баян - Сулу и доблести Козу-Курпеча. Уже недалеко было то время, когда брачное торжество должно было увѣнчать ихъ вѣчность, какъ вдругъ Карабай умеръ, и юный Козу-Курпечъ, оставшійся сиротою, разорился въ конецъ. Это обстоятельство вислолько не уменьшило страсти прекрасной Баян - Сулу, но Сарыбай отказался отдать ее за бѣдняка, послушавъ совѣтовъ раба своего, Калмыка Кодара, который самъ имѣлъ виды на дочь своего господина, и поэтому играетъ въ поэмѣ роль злаго генія нашихъ любовниковъ. Отсюда начинается длинный рядъ несчастій Козу-Курпеча, котораго Кодаръ всячески гналъ, стараясь избавиться отъ опаснаго соперника. Наконецъ, Козу-Курпечъ погибъ отъ его руки; но злодѣйства окаяннаго Калмыка этихъ еще не ограничились. Ночью зарѣзалъ онъ Сарыбай и похитилъ прекрасную Баян-Сулу. Долго скакали онъ съ нею въ пустынь, опасаясь погони; наконецъ, Баян-Сулу упростила его остановиться, чтобъ дать ей воды, для утоленія нестерпимой жажды. Вблизи былъ колодезь, но черпать изъ него было нѣ чѣмъ, и Баян-Сулу уговорила Кодара слазить туда за водою. Тотъ, съ дуру, ее послушалъ; красавица столкнула его въ воду, и Кодаръ остался, какъ истина, на днѣ колодца. Отдѣлавшись отъ злодѣя, Баян-Сулу отправилась на могилу Козу-Курпеча, чтобъ оплакать своего любезнаго и потомъ прекратить несчастную жизнь свою. Въ то самое мгновеніе, когда она поднимала уже на себя ножъ, подѣхали къ ней 40 странствующихъ волшебниковъ, которые удержали ее отъ самоубійства и плѣняя чудною врасотою ея, умоляли ее выбрать себѣ супруга изъ среды ихъ. Баян - Сулу обѣщала исполнить ихъ просьбу, но на томъ условіи, чтобъ они, силою своего чародѣйства, воскресли на три дня Козу-Курпеча и позволили ей провести съ нимъ эго время наединѣ. Влюбленные волшебники согласились. Козу-Курпечъ вышелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, изъ могилы, и Баян-Сулу приняла его въ свои объятія. По прошествіи трехъ дней, Козу-Курпечъ снова пре-

вратился въ полуистлѣвшій трупъ, Баян-Сулу умерла съ горя, и возвратившіеся волшебники, найдя обоихъ любовниковъ мертвыми, похоронили ихъ въ одной могилѣ.» Такъ кончается эта дикая поэма. Почему же волшебники не воспользовались своимъ искусствомъ, не воскресили Баян-Сулу и не заставили ее исполнить данное обѣщаніе — этого никто мнѣ не могъ объяснить.

Возвратимся теперь къ разсказу о нашей экспедиціи. Отрядъ, собравшійся на Улутау, состоялъ изъ 250 человекъ казаковъ съ двумя орудіями и человекъ 150 Киргизовъ. Большая часть послѣднихъ разыгрывали у насъ роль мухи, столь усердно трудившейся о томъ, чтобы двинуть рыдванъ съ мѣста. Съ утра до вечера слышался ихъ хлопотливый говоръ; вездѣ, гдѣ только представлялась тѣнь дѣла, но не самое дѣло, они собирались кучами. Надобно было украдкою отъ нихъ садиться на лошадь или слѣзть съ нея. Иначе, это простое дѣйствіе не обходилось безъ большихъ затрудненій, потому что человекъ десять Киргизовъ обыкновенно сбѣгались вокругъ лошади, вырывали другъ у друга стремя, дергали за поводья и кончали тѣмъ, что перепугивали лошадь, которая становилась на дыбы. Вся эти трутни—ужасные хвастуны и чрезвычайно любятъ разсказывать о своихъ подвигахъ. Ничего не можетъ быть забавнѣе ложнаго вида скромности, который они принимаютъ на себя при этихъ разсказахъ. «Конечно», говоритъ каждый изъ нихъ: «хвастать грѣшно предъ Богомъ и стыдно передъ людьми, но уже въ чемъ увѣренъ о себѣ по опыту, о томъ могу сказать смѣло: на-примѣръ, съ десятью человекъ справиться мнѣ ни-по-чемъ, былъ бы только у меня добрый конь, да исправный *мулукъ* (ружье)» и пр. и пр. Каждый берется совершить этотъ подвигъ, но мнѣ нигдѣ не удалось встрѣтить этихъ несчастныхъ десяти человекъ, съ которыми все берется справиться.

Само-собою разумѣется, что желаніе выказать свою удалъ и ревность къ службѣ раждаетъ между Киргизами сильное соперничество, которое разрѣшается безконечными ссорами и жалобами другъ на друга. Нѣкоторые изъ этихъ словесныхъ процессовъ мнѣ случалось слушать въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду, и не смотря на все мое вниманіе, я никакъ не могъ добиться въ нихъ какого-нибудь толка. Не знаю, почему Киргизы не совсѣмъ доверяли казаку, служившему намъ вмѣсто переводчика, и предпочитали своего собственнаго доморощеннаго лингвиста, который зналъ не болѣе двухъ десятковъ русскихъ словъ, и увѣрялъ своихъ земляковъ, что говорить по-русски такъ свободно, что на линіи его чуть-было не сковали, принявъ за бѣлаго казака. Можетъ сами себя представить, какъ плавно шелъ нашъ разговоръ чрезъ посредство такого переводчика и еще о дѣлѣ, которое само-по-себѣ такъ было запутано, что поставило бы въ тупикъ самаго премудраго судью. Обыкновеннымъ предметомъ распрей бывала какая-нибудь клача, найденная въ степи безъ хозяина, потому-что, вѣроятно, брошена была имъ за негодностію. Кому теперь владѣть этою клачею? Тому ли, кто первый увидѣлъ ее; или тому, кто первый схватилъ ее; или тому, кто не увидѣлъ и не схватилъ, но былъ въ ѣхавшей толпѣ старшимъ

по роду и по лѣтамъ? Мѣстничество между Киргизами строго наблюдается, но правила, на которыхъ оно основано, очень запутаны. Разрѣшить споры о темныхъ обычаяхъ такъ же невозможно, какъ отыскать квадратуру круга. Наконецъ, нѣвые сутяги начинаютъ утверждать, что, находясь при русскомъ отрядѣ, нѣчего ссылаться на степные обычаи, а лучше положиться на справедливость майора (*), а между-тѣмъ, майору, оглушенному ихъ криками, совершенно нельзя разобрать въ чемъ дѣло.

Кромѣ брани и ссоръ, спутники наши пріискали себѣ и другія занятія, столько же пріятныя и столько же полезныя для общаго дѣла. Большая часть Кургизовъ обладаетъ глубокими познаніями въ сокровенныхъ наукахъ; въ особенности же искусство гаданія и снотолкованія имѣеть между ними многочисленныхъ адептовъ. Никогда и нигдѣ не видалъ я людей, до того суевѣрныхъ, какъ Киргизы. Не то, чтобъ они имѣли болѣе предразсудковъ, чѣмъ другіе народы—нѣтъ; мы сами въ этомъ отношеніи имъ нисколько не уступаемъ; но по-крайней-мѣрѣ наше суевѣріе оказываетъ мало существеннаго вліянія на наши намѣренія и дѣйствія. Едва-ли кто изъ насъ рѣшится на что-нибудь важное потому только, что увидѣлъ хорошій сонъ. Другое дѣло Киргизы. Часто приходили они къ намъ съ предположеніемъ сдѣлать то или другое военное распоряженіе, и представляли, какъ несомнѣнное и единственное доказательство основательности своихъ совѣтовъ, видѣнный сонъ или результаты своихъ гаданій. Самое употребительное гаданье производится посредствомъ бараньей кости, которую кидаютъ на время въ огонь и потомъ, по образовавшимся на ней трещинамъ, предсказываютъ будущее, какъ хироманты по линіямъ лѣвой ладони. Это гаданіе болѣе или менѣе извѣстно каждому Киргизу, но нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ гадать и по необожженной бараньей кости. Таковыя мудрецы весьма-рѣдки и искусство ихъ въ большой славѣ въ степи.

Казалось бы, что почти ежедневное разочарованіе должно, наконецъ, открыть глаза этимъ жаркимъ суевѣрамъ, но—пусть читатель, къ какому бы кругу общества онъ ни принадлежалъ, припомнитъ себѣ только то, чему онъ самъ, безъ сомнѣнія, бываетъ ежедневнымъ свидѣтелемъ, и онъ согласится со мною, что самъ Гераклъ, взявшійся очистить ковышши царя Авгія, не взялся бы очистить отъ бредней суевѣрія той несчастной головы, въ которую онъ закрался. Поэтому, неудивительно, что съ каждымъ годомъ жизни болѣе-и-болѣе развивается вѣрованіе въ эти нелѣпости, и старики вообще суевѣрнѣе молодыхъ людей. Я расскажу вамъ одинъ анекдотъ, который можетъ дать вамъ понятіе, до чего доходитъ жалкое ослѣпленіе Киргизовъ. Многочисленная волость кочевала гдѣ-то на мѣстѣ, обильномъ водою и кормомъ. Старшины намѣревались остаться на этомъ мѣстѣ довольно долгое время, но на быду волость эта обладала своимъ гадателемъ, котораго искусство было въ большой славѣ

(*) Такъ обыкновенно Киргизы называютъ отряднаго начальника, какого бы, впрочемъ, онъ ни былъ чина.

и къ которому народъ имѣлъ безпредѣльную довѣренность. Однажды, гадатель этотъ взволновалъ всю волость, предсказавъ ей, что на томъ мѣстѣ, гдѣ она кочуетъ, завтра же будетъ пролита кровь. Какъ ни странно казалось это предсказаніе, потому-что, по обстоятельствамъ, ни откуда нельзя было ожидать нападенія, но все-таки народъ повѣрилъ своему пророку и для избѣжанія грозившей опасности, тотчасъ же началъ собираться въ путь, рѣшась пожертвовать всѣми выгодами настоящей кочевки. На другой день, волость передвинулась уже на значительное разстояніе отъ опаснаго мѣста и остановилась на ночлегъ. Нѣсколько людей посмѣяе, и въ томъ числѣ самъ гадатель, вздумали съѣздить на прежнее мѣсто, чтобъ посмотреть, какимъ образомъ исполнилось предсказаніе и на какую кровь оно указывало. Само-собою разумѣется, что эти смѣльчаки взяли съ собой лучшихъ коней и надежное вооруженіе, чтобъ самимъ предохранить себя отъ таинственной опасности. Прїѣхавъ на роковое мѣсто, они не нашли на немъ ничего новаго. Все было вокругъ тихо, и видимо, никто не посѣщалъ этого мѣста послѣ того, какъ скочевала съ него волость. Наши смѣльчаки объѣхали все поле въ сопровожденіи гадателя; уже нѣсколько вольнодумныхъ колкостей были произнесены на его счетъ, какъ вдругъ всадники увидѣли вблизи сайгу. Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, подкрадся осторожно, выстрѣлилъ и убилъ сайгу на-поваль. Всѣ съѣхались посмотреть на убитое животное, и гадатель съ торжествомъ указалъ на текущую кровь, прибавивъ къ тому, что предсказаніе не могло не сбыться, что кровь, которою грозило оно, уже пролита и теперь волость можетъ безъ страха воротиться на прежнее мѣсто. Какъ бы вы думали? Никто не нашелъ этого объясненія натянутымъ и волость воротилась назадъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь убѣжденная въ непогрѣзительности своего гадателя.

Но, какъ сказалъ Цицеронъ, кто мечетъ дротикомъ въ-продолженіе цѣлаго дня, тотъ, конечно, хоть разъ да попадетъ въ цѣль. Иногда случай оправдываетъ эти предсказанія и молва о томъ расходится по цѣлой степи, къ вѣщшему назиданію вѣрующихъ и къ посрамленію сомнѣвающихъ. Вотъ, что слышалъ я въ Петронавловекѣ и могу ругаться вамъ за справедливость разсказа. Пршлую зиму, не въ дальнемъ разстояніи отъ Улутау, кочевали аулы одного изъ мятежныхъ султановъ, родственника Кенисары. Не знаю хорошенько зачѣмъ, но только султанъ этотъ отправился изъ своихъ ауловъ куда-то вдалѣ и отъѣзжая, строжайше приказалъ старшей женѣ своей ни въ какомъ случаѣ не перекочевывать до его возвращенія. Прошло нѣсколько недель. Въ одно утро, султанша проснулась необыкновенно задумчивою и велѣла позвать къ себѣ муллу, славившагося своимъ искусствомъ толковать сны. Ночью, сказала она ему, привидѣлось мнѣ, будто-бы огромный верблюдъ подошелъ къ юрту и началъ ломать ее. Мулла поблѣднѣлъ, услышавъ объ этомъ снѣ и объявилъ султаншѣ, что ей угрожаетъ ужасное несчастіе, что оно сбудется еще до заката солнца и, чтобъ уйти отъ приближающейся бѣды, должно бѣжать, не теряя минуты времени. Всѣ эти увѣщанія не подѣйствовали, однако, на султан-

шу, которая побоялась послушаться приказаній мужа и осталась съ аулами своими на мѣстѣ. Такъ велика была увѣренность муллы въ справедливость предсказанія, что онъ схватилъ перваго попавшагося ему коня и усакалъ изъ ауловъ, предоставивъ ихъ собственной своей судьбѣ. Еще не прекратился между приближенными къ султаншѣ людьми разговоръ о ея снѣ и о предсказаніи муллы, какъ вдругъ казачій отрядъ, о присутствіи котораго въ степи не было совершенно никакихъ слуховъ, произвелъ нападеніе на мятежные аулы. Они потерпѣли совершенное пораженіе и сама султанша была захвачена въ плѣнъ и отвезена въ Сибирь. Спасся одинъ только мулла, усакавшій, какъ мы сказали, не болѣе, какъ за часъ до нападенія.

Мы стояли уже нѣсколько дней на Улутау и все еще не удалось намъ получить никакихъ свѣдѣній о томъ, куда удалились аулы мятежниковъ. Около насъ, въ районѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, не было ни одного живаго существа, которое могло бы намъ доставить какія бы то ни было извѣстія. Привержайцы Кенисары бѣжали съ Улутау уже мѣсяца два тому назадъ. Въ—продолженіе всего этого времени, они, безъ всякаго сомнѣнія, находились въ передвиженіяхъ; слѣдовательно, и первоначально принятое ими направленіе, котораго замѣтны были еще нѣкоторые легкіе слѣды, не могло открыть намъ того, что намъ такъ нужно было узнать. Нельзя же было отправиться по этимъ слѣдамъ и перейти весь двумѣсячный путь, пройденный мятежниками. Если даже и въ европейской войнѣ, гдѣ всѣ передвиженія основаны на направленіяхъ дорогъ и на расположеніи стратегическихъ пунктовъ, слѣдовательно, на данныхъ, всегда и всѣмъ хорошо извѣстныхъ и неизмѣняющихся—если даже, говорю я, и въ такой войнѣ почти невозможно отгадать дѣйствія непріятеля безъ помощи шпионовъ и переметчиковъ—то каково же было дѣлать эти догадки намъ, находившимся среди пустыни, въ центрѣ совершенно правильной окружности, образуемой пересѣченіемъ небосклона съ голою степью. Развѣ только баранья кость Киргизовъ или магнетическое дальновидѣніе могли вывести насъ изъ недоумѣнія? Всѣ волости, оставшіяся вѣрными нашему правительству, кочевали вблизи линіи или приказовъ, чтобъ подъ охраненіемъ тамошнихъ военныхъ отрядовъ быть въ безопасности отъ грабительствъ хищниковъ. Мы отошли уже отъ нашей границы почти на тысячу верстъ; слѣдовательно, оттуда также извѣстія не могли доходить до насъ скоро. Расположеніемъ нашимъ на Улутау мы совершенно предохраняли отъ вторженій мятежниковъ всю степь, подчиненную сибирскому вѣдомству, потому что Кенисара не осмѣлился бы зайти въ нее, имѣя у себя въ тылу нашъ отрядъ. Самое благоразумное, что мы могли только сдѣлать было — остаться на Улутау до-тѣхъ-поръ, пока не удастся перехватить когонибудь и получить извѣстіе о мѣстѣ нахождения хищниковъ. По всѣмъ направленіямъ разослали мы небольшія партіи чалганчей (*éclaireurs*), для отысканія, не найдется ли гдѣ свѣжихъ слѣдовъ. Какъ ни способны казаки на всѣ обязанности боевой жизни, но для развѣдыванія они не могутъ замѣнить Киргизовъ. Послѣдніе обладаютъ въ этомъ отношеніи какою-то чудною сметливо-

стью. Замѣтивъ слѣдъ, они останавливаются, разглядываютъ его во всехъ подробностяхъ и потомъ утвердительно скажутъ вамъ: когда проѣзжали тутъ люди, сколько ихъ было, други ли они или недруги, зачѣмъ они ѣхали, и пр., и пр. Сдѣленіе этихъ выводовъ такъ же удивительно, какъ удивительна проникаемость Кювье, возсоздававшаго по маленькой окаменѣлой косточкѣ цѣлое допотопное животное. Конечно, болѣе встрѣчается такихъ Киргизовъ, которые мастера предсказывать будущее, чѣмъ такихъ, которые умѣютъ отгадывать прошедшее. Последнее искусство не такъ легко дается, какъ первое.

Наши вожаки, Тюмешъ и Атагай, съ которыми я уже васъ прежде познакомилъ, славились глубокимъ знаніемъ этого дѣла. Оно, впрочемъ, сопряжено не только съ трудностями, но и съ опасностями. Всякій Киргизъ, встрѣтившійся съ такою развѣдочною партіею, смотритъ на нее непріязненнымъ глазомъ. Если чалганчей болѣе числомъ, чѣмъ встрѣтившихся имъ людей, то первые тотчасъ же начинаютъ гоняться за послѣдними, чтобъ захватить что-нибудь и доставить языка въ отрядъ. Если же чалганчей менше, то имъ не дадутъ проѣхать спокойно, а погонятся за ними, и горе тому, кого поймаютъ. Не слушая никакихъ объясненій, его засѣкутъ нагайками до полусмерти и потомъ, отобравъ лошадей и раздѣвъ до нага, бросятъ посреди пустой степи. Тогда, развѣ только особенный какой-нибудь случай можетъ спасти несчастнаго отъ томительной голодной смерти. И странно, не смотря на все эти опасности, Киргизы гораздо-смѣлѣе пускаются въ эти поѣздки, чѣмъ въ открытый бой съ непріателемъ. Подъ пулями почти все они совершенно теряютъ присутствіе духа, хотя тутъ вѣроятность быть убитымъ или раненымъ несравненно менше вѣроятности быть пойманнымъ, когда должно переезжать въ небольшомъ числѣ людей нѣсколько сотъ верстъ разстоянія.

Судьба чалганча, впрочемъ, наиболѣе зависитъ отъ его коня; на плохой лошадекъ никто не рѣшится на такую опасную поѣздку; притомъ, и ѣхать надобно не иначе, какъ о-дву-конь. Если всадникъ пересаживается, по-временамъ, съ одного коня на другаго, то силы обоихъ сохраняются гораздо-долѣе. Притомъ, если лошадь захвораетъ и не въ состояніи будетъ идти далѣе, то чалганчи, не имѣя другой запасной, подвергается неминуемой гибели. Положеніе опѣшившагося одиноваго челоуѣка въ степи не лучше положенія моряка, плывущаго на бревнѣ въ открытомъ океанѣ послѣ кораблекрушенія. Часто слыхалъ я разсказы, напоминавшіе мнѣ знаменитыя страданія несчастныхъ пассажировъ «Медузы». Передаю вамъ одинъ изъ этихъ разсказовъ такъ точно, какъ я его слышалъ.

Въ Аманъ-Карагайскомъ Округѣ былъ богатый Киргизъ, по имени Язы Яновъ. Вздумалось ему съѣздить къ одному изъ своихъ пріятелей, кочевавшему верстахъ въ 200 разстоянія. Это пространство было совершенно безводно и бесплодно, но о-дву-конь легко можно переехать его въ сутки, и Язы-Яновъ отправился, не взявъ съ собою товарища. Прошло нѣсколько дней; Язы-Яновъ все не возвращался, и жена его послала нѣсколько людей справиться о мужѣ въ аулахъ, въ

которые онъ поѣхалъ. Тамъ его и не выдали. Пустились искать Язы-Янова по всемъ направленіямъ. Въ скоромъ времени отыскали лошадей его, которыя смиренно щипали тощую траву. Одна изъ нихъ была остѣлана и даже на ней осталась еще торба съ припасами, взятыми Язы-Яновымъ въ дорогу; припасы эти были нетронуты. Долго посланные искали хозяина лошадей; наконецъ, нашли остовъ человѣческій и подлѣ него нѣсколько лоскутковъ одежды, по которымъ признали несчастнаго Язы-Янова. Волки и хищныя птицы успѣли уже оглодать его до чиста. Легко представить себѣ, какая ужасная смерть постигла неосторожнаго путника: по всей вѣроятности, лошади вырвались изъ рукъ его; онъ долго старался поймать ихъ, утомился безъ всякой пользы, голодъ и жажда довершили истощеніе силъ его, и онъ погибъ, быть-можетъ, въ виду своихъ лошадей и припасовъ.

Кромѣ разсылки чалганчей, мы разставили по всемъ улутаускимъ возвышенностямъ наблюдательные пикеты изъ Киргизовъ, которые также въ этомъ дѣлѣ превосходятъ казаковъ. Во-первыхъ, узкіе, едва примѣтные глаза Киргизовъ могутъ ясно разглядѣть предметы въ такой дали, гдѣ мы ровно ничего не видимъ, и въ этомъ отношеніи, мы съ ними никакъ не можемъ сравниться. Во-вторыхъ, Киргизы обладаютъ искусствомъ такъ располагаться, что могутъ видѣть все вокругъ себя и въ то же время сами остаются совершенно невидимыми. Самый образъ жизни развивается въ нихъ эти дарованія, столь драгоценныя для аванпостной службы.

Мы надѣялись, что мятежники, подсмотрѣвъ уже наше движеніе на Улуту, будутъ также съ своей стороны подсылать къ намъ партіи для наблюденія и что намъ, наконецъ, удастся перехватить которую нибудь изъ нихъ. Надежда наша долго не исполнялась. Правда, что тревоги случались у насъ ежедневно: то наши караульчи принимали за непріятельскую партію нашихъ же чалганчей, возвращавшихся съ разѣздовъ; то марево разыгрывало съ ними свои шутки, представляя имъ стадо саегъ въ видѣ скачущаго коннаго отряда: самый опытный глазъ можетъ обмануться такимъ образомъ. Стоило посмотреть на радость, распространявшуюся въ нашемъ отрядѣ при каждой такой тревогѣ и истомѣ на досаду, когда тревога оказывалась по пустому. Отрядъ нашъ затаился въ самой глубинѣ горъ; цѣнь киргизскихъ пикетовъ стояла по окраинамъ ихъ, скрываясь за противоположными къ полю покатоствами. Улуту казался извнѣ столь же пустыннымъ и безлюднымъ, какъ и степь, его окружавшая.

Наконецъ, послѣ многихъ жестокихъ разочарованій, случай наградила успѣхомъ наше долготерпѣніе. Въ одно прекрасное утро, прискакавъ къ намъ во весь опоръ одинъ изъ караульчей съ извѣстіемъ, что издали показалось нѣсколько конныхъ людей. Всѣ чалганчи были дома и потому нельзя было сомнѣваться, что эти всадники не принадлежали къ нашему отряду. Я поскакалъ съ другими офицерами на пикетъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, мы сошли съ лошадей и ползкомъ добрались до гребня возвышенности, на которой лежали караульчи. Направивъ зрительную трубку въ ту сторону, куда указывали наши

Киргизы, я успѣлъ, наконецъ, замѣтить четыре движущіяся точки. Къ каждой изъ этихъ точекъ привязано было еще по точкѣ меньшей величины, чѣмъ первыя. По временамъ, эти точки соединялись въ одно черное пятно; чрезъ нѣсколько минутъ, онѣ опять раздѣлялись. Признать въ нихъ людей и лошадей я никакъ не могъ, даже при помощи зрительной трубки. Киргизы объяснили мнѣ, что ѣдутъ четыре всадника и что каждый изъ нихъ о-дву-конь. Очевидно было, что они приближаются со всеми предосторожностями и осматриваютъ мѣстность на каждомъ шагу, чтобъ не попасть въ засаду. Вдругъ замѣтили мы, что всадники съѣхались въ одну кучу, которая въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ оставалась неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ; потомъ поворотили назадъ и быстро начали удаляться отъ Улутау. Это была самая тяжелая минута для насъ, слѣдившихъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ за каждымъ движеніемъ всадниковъ. Всего естественнѣе было подумать, что они замѣтили что-нибудь обличавшее для нихъ присутствіе отряда на Улутау. Многие изъ насъ совѣтовали тогда же отправить за ними погоню; другіе, постарѣе и по опытнѣе, не соглашались на это, представляя, что догнать всадниковъ, преслѣдуя ихъ съ тыла, такъ же невозможно, какъ догнать сайгу, увидѣвшую охотника и что, лучше всего, ожидать спокойно, что будетъ дальше. Прошло еще съ четверть часа: всадники продолжали удаляться; наконецъ, остановились на самомъ краю горизонта. Довольно долгое время стояли они вмѣстѣ, вѣроятно, совѣтуясь между собою, что должно было имъ дѣлать: потомъ, опять поворотили коней своихъ и коѣхали рысью прямо къ Улутау. Для каждого изъ насъ объяснилась тогда причина ихъ кратковременнаго бѣгства. Подозрѣвая присутствіе отряда на Улутау, они вздумали подъѣхать къ нему и выманить насъ на преслѣдованіе, которое не представляло для нихъ никакой опасности, а между тѣмъ могло бы разсѣять все ихъ сомнѣнія. Видя, что никто не показывается, они стали подъѣзжать гораздо-смѣлѣе. По полю извивалась весьма узкая и глубокая рытвина, выходящая изъ среды самыхъ горъ: мы отправили по ней человекъ шесть казаковъ, которые подкрались совершенно-незамѣтно къ тому мѣсту, чрезъ которое должны были проѣзжать всадники. Послѣдніе остановились въ недоумѣніи, какъ звѣри, чующіе западню и въ то же время не рѣшающіеся отойти отъ выставленной для нихъ лакомой приманки. Наконецъ, одинъ изъ всадниковъ, посмѣяе или побезразсуднѣе другихъ, отдѣлился отъ своихъ товарищей, поскакалъ во всю прыть прямо къ намъ и вскорѣ скрылся въ рытвинѣ. Долго никто не показывался на верхъ земли; наконецъ, къ неописанному нашему удивленію, спокойно выѣхалъ изъ рытвины на нашу сторону тотъ самый всадникъ, котораго, какъ мы надѣялись, должны были схватить посланные въ засаду казаки. Видно, они его проглядели и онъ ихъ не замѣтилъ. Всадникъ, выѣхавъ на нашу сторону, придержалъ лошадей; обернулся къ товарищамъ своимъ, смотрѣвшимъ на него издали, махнулъ имъ нѣсколько разъ рукою и потомъ, увидѣвъ, что они тронулись уже съ мѣста, снова поскакалъ прямо къ намъ. Только тогда уже, когда онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

насъ, мы увидѣли, что это былъ одинъ изъ нашихъ казаковъ, посланный въ засаду и успѣвшій накинуть на себя колпакъ и халатъ всадника, спустившагося въ рывину, и схватить его коней. Захватъ за гору, казакъ разсказалъ намъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ они, раздѣлаясь на двѣ части, залегли по обѣ стороны спуска въ рывину, какъ кинулись на неосторожнаго Киргиза, прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ отыскать выѣздъ изъ рывины, повалили его на землю, скрутили и заклепали ему ротъ. Разскащикъ тотчасъ же придумалъ нарядиться въ одежду плѣнника, сѣсть на его коня, взять другаго въ поводъ и, выѣхавъ изъ рывины, заманить къ намъ и прочихъ гостей, правда, что незванныхъ, но тѣмъ не менѣе весьма-желанныхъ. Еще не успѣли мы дослушать до конца его разсказа, какъ громкое уро! визгъ и гиканье возвестили намъ объ успѣхъ придуманной хитрости. Только что остальные три Киргиза перѣехали чрезъ рывину, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ налетѣли на нихъ казаки, сбили ихъ съ коней и связали прежде, чѣмъ успѣли они хорошенько понять свое положеніе.

Плѣнныхъ тотчасъ же растащили врозь, и мы приступили къ допросу, начавъ съ того, который попался къ намъ первый. Ему было не болѣе семнадцати лѣтъ, и безразсудная отвага, съ которою пустился онъ впередъ своихъ болѣе осторожныхъ товарищей, вполне объяснилась его молодостью и неопытностью. Впрочемъ, эта хвастливая смѣлость совершенно оставила его, когда онъ увидѣлъ себя въ плѣну. Блѣдный, какъ смерть, въ безмолвн озирался онъ вокругъ, и видно было, что ужасъ подавилъ въ немъ даже способность мышленія. Все происходившее вокругъ него тяготѣло надъ нимъ, какъ мучительный кошмаръ, въ которомъ не могъ онъ самъ-себѣ дать отчета. Я старался ободрить его ласковыми словами; долго оставались они для него непонятными; наконецъ, онъ упалъ на землю, залился слезами и со всѣмъ краснорѣчіемъ, которое только можетъ внушить отчаяніе, началъ умолять, чтобъ пощадили его жизнь. Въ сношеніяхъ своихъ съ Кенисарою онъ не хотѣлъ признаться и разсказалъ намъ какую-то нелѣпую исторію, которую, какъ видно, не успѣлъ приготовить заблаговременно, и потому она наполнена была противорѣчіями. Видя, что на него не дѣйствуютъ ни угрозы, ни обѣщанія пощады въ случаѣ признанія, мы обратились ко второму плѣннику и съ перваго раза объявили ему, что намъ уже извѣстно, что они всѣ кенисаринскіе люди, что первый плѣнникъ намъ признался въ этомъ и что заpiresательство только накинчетъ бѣду на ихъ головы. Эта уловка имѣла желанный успѣхъ. Мало-по-малу мы вывѣдали, что они посланы были Кенисарою, за нѣсколько дней до того, для развѣдыванія о русскомъ отрядѣ и что аулы хищника расположены на Большомъ-Тургаѣ. Для достиженія ихъ, мы рѣшились выступить съ Улутау вечеромъ того же дня.

VI.

Только-что распространилась по отряду вѣсть о выступленіи, какъ всѣ съ радостною живостію принялись дѣлать свои приготовленія къ походу. Надежда скоро догнать хищниковъ и, потомъ, раздѣлавшись

съ ними, возвратиться назадъ въ благословенную Сибирь, одушевляя каждаго. Наши походные сборы не требовали много времени; у насъ давно уже все было готово; одно только солнце мѣшало опуститься за утесы, а мы не хотѣли выступить ранѣе вечера. Вожакъ объявилъ, что должно сдѣлать переходъ верстъ въ 60 безъ воды и потому нельзя иначе идти, какъ почью. Въ дневной жаръ, этотъ безводный переходъ совершенно измучилъ бы нашихъ лошадей, которыя только-что успѣли тогда отдохнуть отъ прежняго пути.

Я не могъ, безъ некоторой грусти, смотреть на улутаускія долины. Мысль, что, по всей вѣроятности, я никогда ихъ уже болѣе не увижу, не позволяла мнѣ разстаться съ ними равнодушно. Правда, что съ перваго раза онѣ показались мнѣ очень-непривлекательными, но я провелъ въ нихъ нѣсколько покойныхъ, почти беззаботныхъ дней, которые, какъ самъ я предугадывалъ, останутся отмѣченными свѣтлою чертою въ моей памяти. Эти морные дни, обильные чувствованіями и мечтами, сблизили меня съ Улутау. Часто взбирался я на самыя крутыя возвышенности, чтобъ камнемъ означить на скалахъ свое имя. Многіе смѣются надъ страстію путешественниковъ всюду писать свои безвѣстныя имена; но право, не знаю, почему объясняютъ славолубіемъ эту дорожную эпидемію. Мнѣ кажется, что тутъ совершенно другая причина: каждый человѣкъ шлетъ во всемъ сочувствію; онъ хочетъ, чтобъ даже бездушные предметы съ нимъ симпатизировали. Грустно думать, унося въ душу своей воспоминаніе о какомъ-нибудь мѣстѣ, что самъ не оставляешь въ немъ по себѣ никакого слѣда. По-этому, мнѣ кажется, что тотъ старается только удовлетворить тайной потребности души своей, кто придумываетъ, гдѣ бы попрочнѣе написать свое имя. Я живо представлялъ себѣ, какъ Улутау, оживленный, въ продолженіе нѣдѣль, пребываніемъ на немъ отряда, часа черезъ два, когда мы движемся въ походъ, снова погрузится въ обычное свое безмолвіе и приметъ пустынный видъ свой. Быть-можетъ, болѣе полугода пройдетъ прежде, чѣмъ опять кто-нибудь нарушитъ глубокое уединеніе могилы одинокой и вспугнетъ сайгъ, которыя ждутъ только нашего удаленія, чтобъ снова принять эти зеленныя долины въ полное свое владѣніе.

Часу въ седьмомъ вечера, мы всѣ уже были на коняхъ; авангардъ нашъ ушелъ впередъ; вслѣдъ за нимъ и мы тронулись съ мѣста. Погода была чудесная, на небѣ ни одного облачка. — Казалось, что вся природа наслаждалась дуновеніемъ прохладнаго вѣтерка и отдыхала отъ утомительнаго дневнаго зноя. Я такъ уже привыкъ видѣть съ собою только небольшую горсть людей, провожавшихъ меня отъ Джаркаин-Агача до Улутау, что теперь отрядъ, при которомъ я находился, казался мнѣ цѣлою арміею. Пики, шашки и ружья, вычищенные надосугъ на славу, сверкали молніями на заходящемъ солнцѣ. Рѣзкую противоположность съ щеголевато-одѣтыми Казаками составляли наши плѣнники, которыхъ посадили мы на самыхъ плохихъ лошадей, чтобъ удалить отъ нихъ всякій соблазнъ къ побѣгу. Плѣнники эти обернуты были въ старые войлоки, потому-что во время нападенія вся прежняя одежда ихъ была изорвана въ клочки. Каждый изъ нихъ свя-

занъ былъ по рукамъ и по ногамъ. Казаки держали на поводу клятв, на которыхъ онѣ ѣхали. Пѣшники должны были служить намъ вмѣсто вожатыхъ и обещали довести насъ прямо до ауловъ Кенисары. По сторонамъ отряда шло нѣсколько нитокъ верблюдовъ, которые оглашали окрестности своимъ ревомъ, выражавшимъ крайнее неудовольствіе и сожалѣніе объ улутаускомъ привольѣ. Наконецъ, по всему полю разсыпаны были наши отрядные Киргизы, которыхъ тщетно старались мы заставить слѣдовать въ какомъ-нибудь порядкѣ. Многіе изъ нихъ ѣхали въ небольшихъ кучкахъ, и ядромъ каждой изъ этихъ кучекъ служилъ какой-нибудь краснобай, привлечавшій къ себѣ слушателей или повѣствованіемъ о своихъ собственныхъ приключеніяхъ, которыми никто не вѣрилъ, или сказками, которыми вообще всѣ вѣрили очень-добродушно. Героемъ этихъ сказокъ обыкновенно бывалъ какой-нибудь *балванъ* (*), одаренный необычайною силою и воюющій съ волшебнымъ міромъ. Но не всѣ Киргизы поддавались привлекательности разсказовъ; многіе заранее уже пугались мысли о встрѣчѣ съ непріателемъ и благоразумно вертѣлись около пушекъ, какъ-бы стараясь обезпечить для себя ихъ благорасположеніе и защиту отъ опасности во время боя. Нельзя представить себѣ, съ какимъ почтительнымъ трепетомъ смотрятъ Киргизы на артиллерію. Имъ кажется, что пушки обладаютъ безпредѣльнымъ разрушительнымъ могуществомъ и едва-ли не признаютъ они ихъ существами разумными. Въ дѣлѣ, обыкновенно всѣ Киргизы, находящіеся при отрядѣ, начинаютъ толпиться около пушекъ. Имъ кажется, что всего безопаснѣе быть вблизи этихъ могучихъ союзницъ, и съ трудомъ можно отогнать богатырей даже отъ дула заряженныхъ орудій.

Не смотря на эту трусость, Киргизы наши раздѣлись въ походъ такъ же великолюбно, какъ на праздникъ. Многіе изъ нихъ не замѣнили даже своихъ народныхъ халатовъ изъ алаго сукна другою какою-нибудь одеждою, болѣе простою и болѣе приличною для походнаго времени. Это придавало странную пестроту нашему отряду. Красные платки, которыми обернуты были головы многихъ, очень шли къ смуглымъ лицамъ ихъ и напоминали собою турецкія фески. На другихъ надѣты были черкесскія шапки, съ мохнатымъ околышкомъ, такихъ преувеличенныхъ размѣровъ, что вся шапка походила на колоссальный ненапудренный парикъ времени Фронды и Людовика XIV. Впрочемъ, все это относится только къ тѣмъ, которые были побогаче и рады случаю блеснуть передъ русскими офицерами роскошью своихъ нарядовъ. Всѣ остальные одѣты были въ лохмотья, которыми не совсѣмъ удавалось имъ прикрывать свою наготу. Главное вооруженіе этихъ воиновъ состояло въ пикѣ, то-есть, въ предлинной жерди, къ которой прикрѣпленъ желѣзный наконечникъ. У многихъ, пики эти были до того длинны, что, вѣроятно, дѣйствовать ими

(*) Исконверканное персидское слово *пелливанъ*, что значитъ богатырь. Этимъ совершенно объясняется: «и тебѣ Тмукораканскій *бизванъ*», которое казалось темнымъ для многихъ комментаторовъ Сюма о племени Игоревомъ.

чрезвычайно затруднительно; но каждый Киргизъ полагаетъ роль *point d'honneur* въ томъ, чтобъ перещеголять своего товарища длиною пика. Сверхъ-того, многіе вооружены были топорами съ длинною рукояткою, саблями самыхъ разнообразныхъ видовъ и, наконецъ, нѣкоторые ружьями съ фитилемъ вмѣсто кремня или пистона.

Я не успѣлъ еще оглядѣть порядкомъ нашихъ спутниковъ, какъ солнце сѣло и сумерки скоро сгустились въ темную, безлунную ночь. Никогда не забуду я этой ночи! Топотъ коней и людской говоръ слились въ одинъ неопредѣленный ропотъ, похожій на шумъ спокойно текущей большой рѣки. Темный грунтъ степи сливался съ воздушнымъ мракомъ и ничего не было на землѣ, что могло бы остановить на себѣ взоры. Стояло только дать волю воображенію, чтобъ представить себя, что несешься, какъ Каинъ Байрова, въ пустотѣ, до которой не достигаетъ свѣтъ солнечный. За то, тѣмъ роскошнѣе убраннымъ казался сводъ небесный. Чрезвычайная сухость воздуха придавала чудную яркость звѣздамъ. Даже тѣ изъ нихъ, которыя вовсе не замѣтны при обыкновенномъ состояніи атмосферы, ясно видны были въ эту ночь. Никогда и нигдѣ еще звѣздное небо не производило на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ въ киргизскихъ пустыняхъ. Эта великолѣпная лазурь, испещренная золотомъ и алмазами, предъ которою ничто всѣ сокровища земныя, составляла дивную противоположность съ блѣдною степью, которой непривлекательный видъ, въ-продолженіе цѣлаго дня, печалилъ наши взоры!

Я сказалъ уже, что мѣстность не представляла намъ никакихъ предметовъ, по которымъ мы могли бы оріентироваться и держаться надлежащаго пути. За то, небо указывало намъ нашу дорогу такъ же определенно, какъ въ другихъ мѣстахъ самыя подробныя надписи на дорожныхъ столбахъ. Всѣмъ Киргизамъ, безъ-исключенія, извѣстно положеніе полярной звѣзды, которую они называютъ *темир-казыкъ*, то-есть, желѣзный колъ. Вожакъ обыкновенно замѣчаютъ, какое положеніе должно принять относительно этой звѣзды, чтобъ перейти отъ такого-то мѣста на другое. Ставъ такъ, чтобъ эта звѣзда была прямо передъ глазами, или противъ праваго уха, или противъ затылка, или, наконецъ, въ другомъ извѣстномъ положеніи, вожакъ ведетъ отрядъ въ самую темную ночь въ полной увѣренности, что не собьется съ дороги и только по временамъ поглядываетъ на звѣзду, чтобъ повѣрить направленіе. Само-собою разумѣется, что Киргизы не имѣютъ понятія о нашихъ географическихъ картахъ, которыя такъ помогаютъ памяти; и тѣмъ удивительнѣе должна казаться способность вожаковъ запоминать всѣ эти направленія, побывавъ разъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ. Если небо пасмурно и не видать полярной звѣзды, то отысканіе пути становится гораздо затруднительнѣе; но и тутъ смѣшленные вожаки находятъ способъ выпутаться изъ недоумѣнія. Они, при отъѣздѣ, замѣчаютъ, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ и пользуются имъ для сохраненія принятаго однажды направленія. Не то, ощупываютъ въ темнотѣ стороны какого-нибудь бугорка и та, которая сырее другихъ, показываетъ имъ, гдѣ сѣверъ. Я не разъ также удивлялся искусству

ихъ опредѣлять, сколько времени остается еще до разсвѣта, по различному относительному положенію звѣзд Большой-Мелвдыцы, которую Киргизы называютъ *созвѣздіемъ семи воровъ*. Само-собою разумѣется, что положеніе этихъ звѣздъ, въ одинъ и тотъ же часъ ночи, измѣняется съ временемъ года, но тѣмъ не менѣе опытные вожаки успѣваютъ все это сообразить въ одинъ мигъ и опредѣлять вамъ время такъ же вѣрно, какъ по карманнымъ часамъ.

Мы двигались цѣлую ночь безостановочно, по временамъ только слѣзая съ лошадей и ведя ихъ въ поводу. Мало-по-малу, звѣзды начали гаснуть на небѣ; заря заалѣла на краю горизонта и наконецъ солнце взошло во всемъ своемъ блескѣ. Прохлада исчезла вмѣстѣ съ сумерками; вскорѣ жаръ сдѣлался нестерпимымъ. Степь представилась намъ совершенно въ новомъ видѣ, еще болѣе печальномъ, чѣмъ когда-нибудь прежде. Нигдѣ не замѣтно было ни малѣйшей неровности. Мѣстность была гладка, какъ поверхность стоячей воды или бильярда и всюду усѣяна мелкими камышками и окаменѣлыми раковинами. Изрѣдка только можно было замѣтить какую-нибудь тощую, одинокую былинку; впрочемъ, все было совершенно-безплодно и сухо. Если хотите составить себѣ самое вѣрное понятіе о краѣ, въ которомъ мы тогда находились, то представьте себѣ московское шоссе расширившимся до самаго пересѣченія съ небосклономъ. Нигдѣ не замѣчало мы слѣдовъ какого бы то ни было животного; птицы даже не оживляли собою воздуха. За то всѣ гады, къ которымъ человекъ чувствуетъ непреодолимое, инстинктивное отвращеніе, владѣли этимъ краемъ, какъ неоспоримую свою собственностію. Безчисленное множество ящерицъ, самыхъ уродливыхъ формъ, вились подъ ногами лошадей; огромныя жабы тяжело пирепрыгивали съ одного камешка на другой; мохнатыя тарантулы спѣшили скрыться въ своихъ вертикальныхъ норкахъ. Нѣсколько разъ замѣчалъ я и скорпионовъ, старинныхъ моихъ кавказскихъ знакомцевъ. Безпрестанно казаки и Киргизы слѣзали съ лошадей, чтобъ бить попадавшихъ змѣй, что, по ихъ общему мнѣнію, есть самое богоугодное дѣло.

Жаръ и утомленіе начали клонить всѣхъ насъ ко сну, и мы съ нетерпѣливымъ любопытствомъ безпрестанно приподнимались на стременахъ, чтобъ заглядѣть колодцы, на которыхъ, какъ говорили намъ вожаки, должны мы были остановиться, чтобъ покормить и напоить лошадей. Наконецъ, показалось нѣсколько зеленыхъ пятенъ, означавшихъ положеніе колодцевъ и мы ускорили шагъ, мечтая о прохладѣ юртъ и о сладкомъ упоеніи послѣ безсонной ночи. Представьте же себѣ нашу досаду, когда вожаки, нѣсколько опередившіе насъ для осмотра мѣста, воротились назадъ съ убійственнымъ извѣстіемъ, что должно идти далѣе, потому-что вода въ колодцахъ испорчена накиданною въ нихъ падалюю. Это самое употребительное военное средство у Киргизовъ и, должно сказать, самое дѣйствительное въ тамошнемъ краѣ. Вездѣ, гдѣ только можно предполагать, что будутъ проходить наши отряды, стараются они испортить воду, кидая въ колодцы дохлыхъ лошадей и собакъ. Слава Богу еще, что мышьякъ дорогъ на линіи, а то разбойники, конечно, постарались бы поподчивать насъ и этимъ ла-

комствомъ. Нѣчего было дѣлать. Какъ ни устали наши лошади и мы сами, но должно было идти далѣе. Вожаки сказали намъ, что впереди, перстахъ въ 20, есть озеро, въ которомъ бываетъ пресная вода весною и что, *можетъ-быть*, вода въ немъ еще не совершенно высохла. Это *можетъ-быть* не слишкомъ было утѣшительно, но долѣе оставаться на колодцахъ было невозможно, потому-что самый воздухъ вокругъ нихъ наполненъ былъ заразительными миазмами. Если бы кто могъ взглянуть тогда на нашъ отрядъ со стороны, то каждый изъ насъ, вѣроятно, напомнимъ бы ему собою рыцаря печальнаго образа; да и лошади наши слѣзались совершенными россинантами. Для облегченія ихъ, мы пошли пѣшкомъ, ведя ихъ въ поводу и стегая безъ милосердія пагайками попадавшихся намъ змѣй и ящерицъ, чтобъ хоть на комъ-нибудь да выместить свое зло.

Былъ уже часъ 11-й утра. Солнце палило насъ какъ-будто сквозь зажигательное стекло. На небѣ не видать было ни одного облачка, которое могло бы, хоть на нѣсколько минутъ, защитить насъ отъ раскаленныхъ лучей; въ воздухѣ не происходило ни малѣйшаго движенія, которое сколько-нибудь умирало бы жаръ. Нельзя было ѣхать верхомъ безъ того, чтобъ не уступить вліянію сна; оставалось идти пѣшкомъ, чтобъ поддерживать свою бодрость. Война съ змѣями также способствовала къ тому, чтобъ разгонять нашъ сонъ. Нигдѣ еще не видалъ я такого множества этихъ пресмыкающихся, хотя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ удалось даже посѣтить Луганскую-Степь (*), которая славится на цѣломъ Востокѣ множествомъ своихъ змѣй. Жаръ и усталость произвели во мнѣ какое-то оцѣпеніе, которое еще болѣе увеличивалось единообразіемъ зрѣлища и мѣрнымъ бряцаньемъ лошадиныхъ подковъ о камешки. Вдругъ замѣтилъ я въ сторонѣ, не въ дальнемъ отъ себя разстояніи, огромное поле, которое, какъ показалось мнѣ, покрыто было снѣгомъ ослѣпительной бѣлизны. Не смотря на всю необыкновенность этого зрѣлища, я долго глядѣлъ на него безъ особеннаго вниманія. Маревъ сыграло уже со мною, въ-продолженіе степнаго похода, столько шутокъ, что я сдѣлался ужаснымъ скептикомъ въ-отношеніи къ чувству зрѣнія. Но тутъ напрасно обвинялъ я маревъ. Дѣло было въ томъ, что мы шли по берегу совершенно-высохшаго солянаго озера, на днѣ котораго соляные кристаллы расположились сплошною массою, въ нѣсколько футовъ толщиною. Соль была безъ всякой примѣси и могла прямо съ земли служить приправою для пищи. Какъ не вѣрить послѣ этого примѣтамъ? Говорятъ, что разсыпанная соль предвѣщаетъ бѣду и, дѣйствительно, природа, разсыпавъ въ изобиліи соль по всей этой части Киргизской-Степи, обрекла ее вѣчному безплодію и отчужденію. Изрѣдка только появляется человекъ въ этихъ соляныхъ пустыняхъ и ропщетъ на судьбу свою, находясь въ нихъ, и спѣшитъ выбраться куда-нибудь въ другой край, болѣе благоприятный для жизни. Я отворотилъ голову въ сторону отъ солянаго

(*) Въ Закавказскомъ Краѣ.

поля, потому-что солнечный свѣтъ, отраженный кристаллами, совершенно нестерпимъ для глазъ. Въ-послѣдствіи, эти соляныя поля встрѣчались намъ почти на каждомъ шагѣ. Они, вмѣстѣ съ сухими озерами, поросшими цѣлыми лѣсами камыша, составляютъ отличительную принадлежность огромнаго пространства, которое тянется къ востоку отъ Каспійскаго-Моря, по сѣверную сторону Усть-Урта, Аральскаго-Моря и до самаго Балхаша, нося различныя мѣстные названія: Рыи-Песковъ, Большихъ и Малыхъ-Барсуковъ, Кызылкума, Каракума и, наконецъ, Бед-Пак-Далы или Голодной-Степи. Последнее названіе кажется самымъ приличнымъ для всего этого края.

Наконецъ, мы дошли до озера, о которомъ говорили наши вожаки. Оно густо поросло камышомъ, имѣвшимъ нѣсколько саженой вышины. Мы надѣялись, что гдѣ-нибудь, въ срединѣ озера, осталось еще нѣсколько лужъ пресной воды, для насъ и для лошадей нашихъ, но поверхность его простиралась на нѣсколько квадратныхъ верстъ и не такъ-легко было отыскать эти лужи, скрытыя въ камышѣ. Часть отряда расположилась по берегамъ, въ готовности отразить всякое нечаянное нападеніе; другая для отысканія воды разсыпалась по всему озеру, следуя по узенькимъ тропинкамъ, проложеннымъ кабанями, которые обыкновенно водятся въ камышахъ. Я повѣхалъ по одной изъ этихъ тропинокъ. Ничего не могло быть отраднѣе тѣни, которую представлялъ мнѣ густой лѣсъ камыша; надобно провести нѣсколько часовъ въ раскаленной степи, чтобъ постигнуть это наслажденіе. Переклевкиванія Казаковъ, которые все закрыты были другъ отъ друга камышомъ, напоминали мнѣ наши русскія прогулки по лѣсамъ, за грибами. Наконецъ, раздался радостный крикъ: *вода! вода!* мы все собрались на голосъ и увидѣли нѣсколько лужъ, въ которыхъ была почти совершенно зацвѣтшая вода, очень-непріятная на вкусъ, но разбирать тутъ было нечего и мы обрадовались находкѣ, какъ дорогому кладу. По-крайней-мѣрѣ, нѣтъ необходимости идти далѣе и можно отдохнуть послѣ 80-ти верстнаго перехода. Впрочемъ, это усиленное движеніе не обошлось намъ даромъ: два верблюда отъ утомленія не могли слѣдовать за отрядомъ и брошены были на дорогѣ. Киргизы тотчасъ же приколотили ихъ пиками и вырѣзали изъ нихъ нѣсколько кусковъ мяса для своего обѣда. Это самый непряхотливый народъ въ-отношеніи къ пищѣ, и продовольствовать ихъ во время похода нисколько не затруднительно. Цѣлыхъ лошадей и верблюдовъ ѣдятъ они весьма-охотно и не чувствуютъ отъ-того никакихъ дурныхъ послѣдствій. Ихъ стряпанье также весьма просто и удобно въ военное время. Обыкновенно кладутъ они куска два-три сыраго мяса на лошадь подлѣ сѣдла и, проѣхавъ на ней нѣсколько десятковъ верстъ, находятъ мясо размягченнымъ и совершенно-готовымъ въ пищу. Не думаю, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ астрономовъ рѣшился попробовать этого киргизскаго стряпанья.

Мы расположились лагеремъ у самыхъ окраинъ озера, гдѣ отъ оставшейся еще въ-которой сырости трава росла довольно густо. Только-что поставили юрты, какъ наши Киргизы собрали все желѣзныя вещи, находившіяся въ отрядѣ: котлы, стремяна и проч. и начали бряцать

ими, сопровождая это бряцанье крикомъ и визгомъ. Это шаривари, продолжавшееся минутъ съ пять, имѣло цѣлю разогнать всѣхъ змѣй, находившихся вблизи и говорить, что средство это, дѣйствительно, оказывается успешнымъ. Не довольствуясь имъ, Киргизы опоясали мѣсто всего лагеря тонкою веревочкою, сплетенною изъ конской шерсти. По ихъ мнѣнію, змѣи никакъ не могутъ переползти чрезъ эту веревочку. Предохранивъ себя такимъ-образомъ отъ нашихъ опасныхъ сосѣдей, мы всѣ, кромѣ караульныхъ, предались сну, въ которомъ чувствовали крайнюю необходимость.

Проснувшись чрезъ нѣсколько часовъ, я убѣдился въ дѣйствительности мѣръ, принятыхъ Киргизами противъ змѣй. Вся юрта наполнена была ящерицами и жабами, которыя, вѣроятно, такъ же, какъ и мы, искали въ ней спасенія отъ палящаго зноя — но змѣи не было ни одной. Впрочемъ, общество и тѣхъ двухъ родовъ гадинъ было не совсемъ по нашему вкусу, въ особенности же потому-что онѣ очень любили прятаться въ положенное платье и сапоги. Одываясь, случилось иногда испытывать очень непріятныя ощущенія.

Вода изъ озера была такого противнаго вкуса, что я рѣшился для питья замѣнить ее кумысомъ. Сначала вкусъ и въ особенности запахъ этого знаменитаго киргизскаго напитка мнѣ очень не нравились, но въ скоромъ времени я привыкъ къ нему и, въ-самомъ-дѣлѣ, въ жаръ онъ очень-хорошо утоляетъ жажду. На-счетъ цѣлительныхъ его качествъ не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго, потому-что я въ то время былъ совершенно-здоровъ и не имѣлъ надобности пить его, какъ лекарство. Въ Омскѣ, многіе почитаютъ кумысъ универсальнымъ средствомъ противъ всѣхъ вообще болѣзней, и съ наступленіемъ весны сибирскіе *malades imaginaires* обоюго пола начинаютъ пить его *бочками сороковыми*. Одинъ, всѣми уважаемый въ Сибири, докторъ также много говорилъ мнѣ о чудныхъ лечебныхъ свойствахъ кумыса, и я совѣтовалъ бы почтенному доктору стяжать себѣ славу Ганеманна и Присница, положивъ основаніе новой системѣ леченія—*кумысопатической*.

Вечеромъ, Киргизамъ вздумалось позабавиться охотою. Вокругъ насъ водились цѣлыя стада кабановъ, что доказывалось множествомъ проложенныхъ ими тропинокъ и количествомъ сломаннаго камыша въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти животные любятъ валяться. На счастье охотниковъ подулъ довольно-сильный вѣтеръ. Пользуясь имъ, они расположили въ камышъ густую цѣпь людей, которые отдѣляли собою довольно-значительное пространство отъ остальной части озера. По опушкѣ камыша стали также конные люди, которые должны были выгнанныхъ кабановъ загонять далѣе въ поле. По данному сигналу, охотники, находившіеся въ камышъ, вдругъ зажгли его и пламя съ трескомъ и свистомъ побѣжало по направленію вѣтра. Чрезъ нѣсколько минутъ вдругъ выбѣжали изъ камыша кабановъ шесть, которые, спасаясь отъ пламени, устремились въ открытое поле. Тогда охотники, бывшіе верхами, съ крикомъ поскакали за ними, преслѣдуя ихъ своими длинными пиками. Только двухъ кабановъ успѣли мы угнать въ поле, прочіе снова ушли въ камышъ. Охота продолжалась довольно-долго. Кабаны бѣжали гораздо-

скорѣе, чѣмъ наши лошади, которыя едва успѣли отдохнуть послѣ продолжительнаго перехода. Безъ сомнѣнія, они ушли бы отъ насъ, еслибъ не старались воротиться въ камышъ и чрезъ то не были принуждены дѣлать безпрестанно повороты, въ чемъ они до чрезвычайности неловки. Охотникамъ, послѣ продолжительной гонки, удалось, наконецъ, заколотъ ихъ нѣсколькими ударами пикъ. Вечеромъ, всѣ казаки лакомились кабаньимъ мясомъ, къ которому Киргизы не прикоснулись, какъ къ запрещенному закономъ. Вообще, я не замѣчалъ, чтобъ Киргизы ѣли какую-нибудь дичь, кромѣ саегъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ они страстные охотники, и мы никакъ не могли удержать ихъ, чтобъ они не скакали за всякимъ попадавшимся имъ звѣремъ и не утомляли по пустому своихъ лошадей. Безпрестанно приносили они намъ въ подарокъ пойманныхъ волчатъ. Само-собою разумѣется, что мы не знали, что дѣлать съ этими милыми животными, а между-тѣмъ, по общепринятому обычаю, должны были отдаривать охотниковъ нюхательнымъ табакомъ и сигарами.

На другой день, мы поднялись съ восходомъ солнечнымъ и двинулись впередъ. Направленіе пути нашего шло на сѣверо-западъ, по теченію нѣсколькихъ ручьевъ, которые всѣ носятъ одно общее названіе Джиланчиковъ, т. е. змѣекъ — названіе, данное имъ отъ множества змѣй, водящихся по ихъ берегамъ. Степь не имѣла уже того характера совершеннаго безплодія, который представляла она намъ въ первый день по выступленіи изъ Улутау. По-крайней-мѣрѣ, снова показались май-сара, кое-гдѣ ковыль и довольно-спосные корма по окраинамъ плѣсовъ, которые обозначали собою теченіе Джиланчиковъ. Мы шли какъ-можно-скорѣе, чтобъ Кенисара не успѣлъ еще провѣдать о томъ, что нами перехвачены его чалганчи, и не бѣжалъ съ Большаго-Турсая до нашего прихода. Въ скоромъ времени, мы попали на слѣды его ауловъ, проходившихъ по этимъ мѣстамъ съ мѣсяцъ тому назадъ. По множеству валявшихся бараньихъ костей и по цѣлымъ кучамъ золы легко было узнавать, гдѣ останавливались на ночлегъ хищники. Мы рады были бы идти день и ночь, чтобъ скорѣе догнать ихъ, но должны были удержать свое нетерпѣніе, чтобъ совершенно не измучить лошадей и верблюдовъ. Усиленные переходы, скудность кормовъ и испорченная вода начинали уже оказывать на нихъ свое губительное вліяніе. Каждый день должны мы были бросать по нѣскольку штукъ, которыя за истощеніемъ не могли далѣе слѣдовать. Это давало мятежникамъ большой перевѣсъ надъ нами. Они имѣли въ распоряженіи своемъ множество лошадей и постоянно могли замѣнять усталыхъ свѣжими, между-тѣмъ, какъ мы находились вдали отъ линіи и должны были довольствоваться только тѣми средствами, которыя находились въ самомъ отрядѣ. По мѣрѣ приближенія нашего къ Тургаю, мы все принимали болѣе и болѣе предосторожностей противъ непріятеля. Переходили съ мѣста на мѣсто не иначе, какъ ночью, потому что днемъ столбъ пыли, поднимавшійся при движеніи отряда, видѣтъ былъ въ ясную погоду за нѣсколько десятковъ верстъ. Не смотря на

всѣ эти предосторожности, хищники провѣдали о нашемъ приближеніи, и вотъ по какому именно случаю.

Намъ оставалось еще перехода два до Большаго-Тургаю, какъ вдругъ прискакалъ къ намъ, сломя голову, одинъ изъ нашихъ чалганчей. Онъ былъ такъ испуганъ, что мы долго не могли добиться отъ него никакого толка. Наконецъ, прерывающимся отъ страха голосомъ, рассказавъ намъ, что онъ и два товарища его, похванъ для осмотра мѣстности, верстахъ въ сорока отъ отряда, наткнулись на многочисленную шайку, состоявшую, по-крайней мѣрѣ, человекъ изъ ста верховыхъ людей о-дву-конь. Люди эти, завидѣвъ чалганчей, пустились за ними въ погоню, но такъ-такъ лошади рассказчика были лучше прочихъ, то онъ самъ успѣлъ ускакать, хотя и принужденъ былъ бросить одну изъ нихъ. Товарищи же, какъ онъ полагалъ, захвачены въ плѣнъ. Тотчасъ снарядили мы партію изъ 25 человекъ казаковъ на лучшихъ коняхъ для преслѣдованія хищниковъ, и я самъ отправился съ этою партією. Проехавъ верстъ пять, встрѣтили мы еще чалганча, также на одномъ конѣ—другаго бросилъ онъ за усталостію. Этотъ чалганчи повторилъ слышанное уже нами, но такъ-какъ онъ былъ похладнокровнѣе своего товарища, то сто верховыхъ людей превратились въ его рассказъ въ двадцать. Не оставалось сомнѣнія, что третій чалганчи, по имени Баджимъ, дѣйствительно попался въ руки разбойниковъ. Мы доѣхали до самаго того мѣста, гдѣ видны были слѣды ихъ, но нигдѣ не встрѣтили Баджима. Разбойники, вѣроятно, уже были тогда верстахъ въ пятидесяти отъ насъ, и какъ ни жалъ было намъ бѣднаго нашего чалганчи, но дѣлать было нечего, и мы присоединились къ отряду, который, между-тѣмъ, тронулся уже съ мѣста и усиленнымъ движеніемъ приближался къ Тургаю.

Теперь было излишнимъ стараніе скрывать отъ мятежниковъ наше приближеніе: они не могли уже не знать о немъ. Чтобъ скорѣе достигнуть ихъ, мы шли, не разбирая времени дня, и давая нашимъ лошадямъ на пять часовъ пути только по два часа отдыха. Эта пропорція считается опытыми въ степныхъ походахъ казаками и Киргизами за самую сносную для лошадей, но само-собою разумѣется, что мы не могли соблюдать ее во всей строгости, потому-что должны были соображаться съ положеніемъ воды и кормовъ. Впрочемъ, послѣдніе, по мѣрѣ приближенія нашего къ Тургаю, становились все лучше и лучше. Мы никого не встрѣчали на пути нашемъ, но почти на каждомъ шагѣ находили свѣжіе конскіе слѣды. Очевидно было, что вокругъ насъ разъѣзжаютъ кенисаринскіе чалганчи и наблюдаютъ за нашимъ движеніемъ, но гоняться за ними мы не имѣли никакой возможности. При томъ, наши Киргизы такъ были напуганы близостію мятежниковъ, что не смѣли уже ни на шагъ удалиться отъ отряда и только старались быть поближе къ пушкамъ. Ночью, не разъ видали мы сыпавшіяся вдали искры. Это — обыкновенный киргизскій сигналъ. Каждый чалганчи имѣетъ при себѣ кремень и огниво, и, высѣкая огонь, даетъ знать своимъ товарищамъ о своемъ положеніи.

Наконецъ, пришли мы на Большой-Тургай, къ броду Тон-Кайма. Время было вечернее. Берега Тургая довольно-гористые и растительность на нихъ такъ сильна, что все мѣсто похоже было на искусственно-разведенный садъ. Множество шиповниковъ, усыянныхъ цвѣтами, и кустарниковъ съ листочками прекраснаго серебристаго цвѣта, называемыхъ Киргизами *джикдай*, разсыяно по всему протяженію береговъ. Я не могъ налюбоваться этою картиною, которая мгновенно переносила насъ изъ пустой, безплодной степи совершенно въ другой край, благословенный природою. Вдругъ раздался жалобный крикъ Киргизовъ, спустившихся къ рѣкѣ, для отысканія брода. Я поскакалъ на этотъ крикъ и глазамъ моимъ представился обнаженный и обезглавленный трупъ; въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи лежала отрубленная голова, по которой мы узнали участь, постигшую захваченнаго Баджи-ма. Весь трупъ покрытъ былъ ранами; во многихъ мѣстахъ носилъ онъ на себѣ слѣды обжогъ. Видно было, что несчастный подвергся ужаснѣйшимъ истязаніямъ прежде, чѣмъ ударъ топора пресѣкъ его жизнь. Вѣроятно, разбойники съ тѣмъ намѣреніемъ кинули свою жертву подлѣ брода, чтобъ навести ужасъ на нашихъ Киргизовъ и показать имъ, какая участь ждетъ ихъ за приверженность къ Русскимъ. Кенисара, какъ кажется, хорошо зналъ характеръ своихъ земляковъ, придумавъ это средство. Въ-самомъ-дѣлѣ, ими овладѣло чрезвычайное уныніе, и они начали болѣе поглядывать назадъ, въ ту сторону, гдѣ были ихъ семейства и родные аулы, чѣмъ впередъ, гдѣ ждала ихъ схватка съ разбойниками. Совсѣмъ другое дѣйствіе произвело это зрѣлище на казаковъ. Видно было, какъ кровь закипѣла въ ихъ жилахъ отъ гнѣва, и какъ жаждали они раздѣлаться *по-свойски* съ убійцами. Эта печальная находка не задержала однако насъ ни на минуту. Мы тотчасъ же начали переправлять верблюдовъ на противоположный берегъ; переправа заняла довольно-много времени. Между-тѣмъ, Киргизы рыли могилу для убитаго и одѣвали его въ кусокъ бязи. Тонкій серпъ только-что родившагося мѣсяца освѣщалъ эту картину. Покойника опустили безъ всякихъ обрядовъ въ вырытую могилу, закидали ее хворостомъ, и Киргизы переправились вслѣдъ за ними на другой берегъ Тургая.

Тамъ ожидала насъ новая опасность, поважнѣе всѣхъ прежнихъ. Только-что сумерки сгустились, какъ мы увидѣли по всему краю горизонта яркое зарево, которое съ каждымъ мгновеніемъ становилось свѣтлѣе и видимо къ намъ приближалось. Опытные казаки тотчасъ же догадались, что мятежники, для удержанія нашего наступленія, зажгли степь. Слишкомъ полтора мѣсяца уже не было ни капли дождя, и густая трава по Тургаю превратилась въ самое сухое сѣно. На бѣду нашу, прямо въ лицо намъ дулъ сильный вѣтеръ. Конечно, чтобъ спастись отъ огня, стоило только обратно переправиться чрезъ Тургай, но это повлекло бы за собою большую потерю дорогаго времени, да притомъ и переправа въ темнотѣ не совсѣмъ безопасна. Мы прибѣгли къ другому средству. Казаки и Киргизы разочли, что палъ добѣжить до насъ не ранѣе, какъ чрезъ часъ — этого достаточно было, чтобъ обезопасить себя отъ огня. Мы поспѣшно отошли версты на двѣ отъ

берега Тургаю, прямо на встрѣчу пожара, и тамъ остановились. Тотчасъ же казаки и Киргизы выстроились въ одну длинную линію. Каждый добылъ огня и все вмѣстѣ дружно зажгли сухую траву передъ собою. Съ полминуты пламя какъ-будто колебалось охватить предоставленную ему добычу, но вотъ, въ одномъ мѣстѣ, взвилась въ воздухъ огненная змѣйка; къ ней пристала другая, третья, и минуты чрезъ двѣ, широкій огненный потокъ устремился отъ насъ къ Тургаю. Иногда, густые клубы дыма заслоняли отъ насъ пламя, которое пряталось на время въ землю, чтобъ потомъ съ новыми силами и новою яростію устремиться впередъ. Нельзя было не любоваться этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, но оно продолжалось недолго. Вѣтеръ угналъ отъ насъ пожаръ, который спустился потомъ къ самой рѣкѣ и исчезъ въ крутыхъ берегахъ ея. Мы такъ занялись нашимъ дѣломъ, что не обратили никакого вниманія на то, что происходило позади насъ. Какой-то странный гулъ, похожій на отдаленный шумъ водопада или на топотъ многочисленной скачущей конницы, заставилъ насъ оглянуться назадъ, и картина степнаго пожара открылась передъ нами во всемъ своемъ страшномъ величїи. Казалось, что вѣтеръ разгуливалъ по огненному морю. Волны пламени, то высоко поднимались вверхъ и освѣщали собою огромное пространство степи, то падали на землю, какъ-бы утомленные своею борьбою съ темнотою ночи. Стаи волковъ и саегъ, по-временамъ, проносились между нами, спасаясь отъ пожара, и присутствіе людей не навело на нихъ обычнаго страха. Коршуны съ громкимъ крикомъ кружились надъ отрядомъ, какъ-бы упрекая насъ за эту войну, которая распространяла яростныя опустошенія свои на всю природу!

Мы отступили къ Тургаю по выжженному нами пространству и спокойно ожидали тамъ прекращенія пожара. Въ скоромъ времени, палъ добѣжалъ до той линїи, гдѣ мы прежде стояли. Вѣтеръ донесъ до насъ удушливый облакъ дыма, но огонь не смѣлъ переступить чрезъ завѣтную черту. Не находя себѣ болѣе пищи, онъ кружился на одномъ мѣстѣ, какъ-бы отыскивая себѣ дорогу, и потомъ угасть почти мгновенно. Ночь показалась намъ еще темнѣе послѣ яркаго свѣта, который такъ долго представлялся глазамъ нашимъ. Мы тотчасъ же двинулись впередъ. Въ скоромъ времени, вѣтеръ совершенно разогналъ дымный облакъ; снова открылось предъ нами чистое небо, и на немъ наша путеводительница — полярная звѣзда.

Часа за два до восхода солнца, мы остановились на небольшомъ озерѣ, возлѣ котораго уцѣлѣло еще нѣсколько травы отъ ночнаго пожара. Разсвѣтъ озарилъ предъ нами картину, печальнѣе которой едва ли можетъ создать себѣ человеческое воображеніе. Вся степь была единообразнаго чернаго цвѣта; не видать было предѣловъ опустошенію; могильная тишина царствовала вокругъ насъ и ни одна птичка не привѣтствовала пѣніемъ своимъ утренней зари. Казалось, что все поггло, и мы одни только пережили всеобщее истребленіе. Впрочемъ, я недолго смотрѣлъ на все это. Глаза слипались отъ усталости; я бросился, не раздѣваясь, на землю, и въ скоромъ времени благодѣтельный сонъ перенесъ меня вдаль отъ Киргизской-Степи.

Недолго онъ продолжался. Всеобщая суматоха въ лагерь разбудила меня. Сначала не могъ я понять, въ чемъ дѣло, но услышавъ, въ числѣ прочихъ криковъ, слово *нападеніе!* очнулся отъ сонливости. Въ нѣсколько минутъ, мы совершенно приготовились встрѣтить давно-жданыхъ гостей. У насъ была такъ называемая дежурная часть, состоявшая изъ 70 казаковъ въ полномъ вооруженіи и имѣвшихъ лошадей осѣдланныхъ и ввнзланнхъ. Эта часть тотчасъ же выѣхала на встрѣчу нападающимъ. Къ ней присоединились и всѣ пикетные казаки, собравшіеся къ отряду. Между-тѣмъ, загнали лошадей въ лагерь; всѣ прочіе люди проворно, но безъ замѣшательства, начали сдѣлать своихъ лошадей; артиллерія мигомъ приготовилась къ дѣйствию. Я выѣхалъ впередъ вмѣстѣ съ дежурною частію.

Мы увидѣли предъ собою огромную толпу Киргизовъ, которые въ совершенномъ безпорядкѣ скакали на насъ во весь опоръ. Визгъ ихъ и крики похожи были на неистовые вопли бѣснующихся. Вся эта толпа, приблизившись къ намъ на ружейный выстрѣлъ, пріудержала коней своихъ и вмѣсто того, чтобы броситься на насъ и дружнымъ натискомъ смять малочисленную кучку казаковъ, стала на мѣстѣ и только продолжала оглушать насъ криками: *Аблай, Кенисара!* Потомъ, нѣкоторые изъ батырей открыли по насъ огонь изъ своихъ самопаловъ, но сами можете себѣ представить, какъ безвредны были эти выстрѣлы, производимые верховыми людьми посредствомъ фитилей и на горячихъ лошадяхъ, которыя, между-тѣмъ, крутились на мѣстѣ и становились на дыбы. Ни одна пуля не свиснула между нами. Были и такіе храбрецы, которые подскакивали къ самому фронту, дѣлали передъ нимъ кругъ и потомъ улепетывали назадъ, довольствуясь совершеннымъ подвигомъ. Видно, что для цѣлой шайки не составлено было никакого плана дѣйствія; всякій поступалъ по крайнему своему разумію, но, не успѣвъ захватить насъ въ располхъ, никто не могъ надѣяться на какую-нибудь удачу. Самое благоразумное, что они могли сдѣлать въ это время, было—бѣжать сколь возможно скорѣе; но изступленіе, въ которое привели они сами себя своими криками, не позволило имъ видѣть опасность своего положенія. Они остались на мѣстѣ, продолжая неистовствовать и осыпая насъ пулями, которыя были совершенно-неощутительны ни для одного изъ нашихъ пяти чувствъ, и криками, достойными шабаша бродячскихъ вѣдьмъ. Между-тѣмъ, часть нашихъ казаковъ спѣшилась и открыла по толпѣ ружейный огонь. Нѣсколько батырей полетѣли подъ ноги своихъ лошадей, но и это не охладило воинственнаго жара прочихъ. Къ намъ присоединились еще изъ 100 казаковъ. Съ праваго фланга выѣхало одно орудіе и снялось съ передка. Только-что Киргизы увидѣли его, какъ всѣ въ величайшемъ безпорядкѣ, сбившись въ одну сплошную массу, кинулись спасаться къ лѣвому нашему флангу; но тамъ другое орудіе было уже въ полной готовности ихватило ихъ картечью на самомъ близкомъ разстояніи. Вслѣдъ за-тѣмъ, первое орудіе поподчивало гранатою, которая лопнула въ самой серединѣ кучи. Нельзя представить себѣ, какое разстройство произвели эти два выстрѣла въ толпѣ, и безъ того

уже нестройной. Лошади и люди падали другъ на друга; все бросилось; казаки ударили въ атаку и чрезъ нѣсколько мгновеній на мѣстѣ боя осталось только нѣсколько десятковъ убитыхъ и тяжело раненныхъ хищниковъ. Наши дѣйствующія силы увеличились тогда всеми Киргизами, находившимися въ отрядѣ. Въ-продолженіе боя, они благоразумно оставались въ лагерь, ожидая, чѣмъ все кончится; но едва увидѣли, что земляки ихъ опрокинуты, какъ всѣ пустились за ними въ надеждѣ поживиться бросаемыми лошадьми и оружіемъ. Мы преслѣдовали хищниковъ довольно долгое время, но безъ большого успѣха. Ихъ лошади были гораздо лучше нашихъ; притомъ, верстахъ въ 10 отъ мѣста боя, у нихъ приготовлены были запасныя; бѣглецы пересѣли съ удивительнымъ проворствомъ на этихъ свѣжихъ лошадей, прикололи своихъ прежнихъ, чтобъ онѣ не достались намъ въ руки, и въ скоромъ времени исчезли у насъ изъ виду. Такимъ-образомъ, побѣда не принесла намъ собственно слишкомъ большой выгоды, но за то до чрезвычайности возвысила духъ нашихъ Киргизовъ. Они снова показались уже впереди отряда, снова заговорили съ видомъ глубочайшаго презрѣнія о Кенисарѣ и его приверженцахъ. По ихъ мнѣнію, настало для насъ время вознаградить себя за всѣ претерпѣнныя трудности и лишенія — приняться грабить всѣ волости, которыя только намъ попадутся. Каждый мечталъ уже вскорѣ пріобрѣсти себѣ бархатную шубу, опушенную чернобурными лисицами, лихаго скакуна и, наконецъ, жену-красавицу, которая имѣла бы то неоцѣненное достоинство, что за нее не нужно было платить калымъ. Вести войну и не грабить кажется Киргизамъ такъ же страннымъ, какъ намъ играть въ преферансъ безъ денегъ.

Кенисара сдѣлалъ на насъ нападеніе въ той надеждѣ, что ему удастся какъ-нибудь угнать лошадей нашихъ и тѣмъ самымъ положить конецъ нашей экспедиціи. Во всякомъ случаѣ, онъ полагалъ, что мы, разбивъ его шайку, станемъ гоняться за нею, пока совершенно не заморимъ лошадей нашихъ, а между-тѣмъ, аулы его со всѣмъ имуществомъ своимъ успѣютъ убраться куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Самъ же онъ нисколько не боялся, что мы его настигнемъ, зная уже утомленіе нашихъ лошадей. Но опытъ прежнихъ экспедицій обнаружилъ предъ нами эту обыкновенную уловку хищника, и мы не вдалились въ нее. Слѣдя за аулами, мы были увѣрены, что заставимъ ихъ претерпѣть большія потери и что Кенисара съ шайкою своею, для прикрытія имущества, не замедлитъ снова появиться предъ нами. Видно было, что мятежныя волости разбѣжались по всѣмъ направленіямъ, чтобъ сбить насъ съ толку. Мы выбрали тотъ путь, на которомъ обозначено было наибольшее число слѣдовъ барановъ и верблюдовъ, и шли по этому направленію безостановочно. Киргизы не могли даже употребить противъ насъ и паловъ, потому-что вѣтеръ, какъ-бы негодую на малодушіе своихъ прежнихъ союзниковъ, подулъ въ другую сторону. Въ скоромъ времени, начали попадаться намъ цѣлыя стада барановъ, которыя отъ утомленія не могли слѣдовать за бѣгущими волостями и были брошены ими. Мы брали изъ числа этихъ барановъ сколько

нужно было для продовольствія отряда, а прочихъ оставляли на мѣсть, чтобъ не стѣснять ими своего движенія. Съ каждымъ днемъ, число попадавшей намъ добычи становилось значительнѣе. Мятеевики начали бросать верблюдовъ своихъ и вмѣстѣ съ ними юрты, котлы, и все имущество, а сами спасались на однихъ лошадяхъ. Я помню одну находку, которая произвела на всѣхъ насъ глубокое впечатлѣнiе. Видимъ, бѣжить намъ на встрѣчу мальчикъ лѣтъ трехъ, совершенно нагой и блѣдный отъ голода и изнуренія. Онъ съ радостнымъ крикомъ бросился къ намъ, понимая только то, что мы люди и можемъ накормить его. Въ этой дѣтской довѣренности было такъ много трогательнаго, что мы всѣ обласкали малютку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указывалъ ручонкою въ сторону и, взглянувъ туда, мы увидѣли еще двухъ дѣвочекъ, которыя лежали на землѣ. Одна изъ нихъ, не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, была уже мертва; другая, лѣтъ двухъ, едва дышала отъ слабости. Мы тотчасъ же взяли дѣтей къ себѣ. На другой день уже, братъ и сестра поправились и даже играли другъ съ другомъ, сидя на спинѣ верблюда въ корзинѣ, которую какъ-то смастерили для нихъ казаки. Вѣроятно, эти дѣти были сироты, когорыхъ разбойники не задумались бросить среди степи, на жертву волкамъ или голодной смерти. Нельзя и думать, чтобъ сами родители рѣшились на такой противоестественный поступокъ. Правда, что въ прежніе годы Киргизки продавали своихъ дѣтей на линіи, но это случалось во время голода, для спасенія жизни ребенка, и въ-послѣдствіи мать никогда не забывала своего дѣтища.

Въ-продолженіе всего этого времени, часто показывались небольшія партіи Киргизовъ, которыя, пользуясь превосходствомъ лошадей своихъ, подъѣзжали къ намъ на довольно-близкое разстояніе и потомъ обращались въ бѣгство, когда замѣчали, что мы готовимся перехватить ихъ. Долговременная безнаказность придавала имъ все болѣе и болѣе смѣлости, и мы вздумали воспользоваться ею, чтобъ достать себѣ языка, что намъ было крайне-необходимо для узнавiя, гдѣ находятся собственные кенисаринскіе аулы. Нѣсколько казаковъ было отдѣлено въ засаду и я присоединился къ нимъ. Мы выбрали для себя скрытное мѣсто въ камышѣ, который покрывалъ собою огромное пространство. Между-тѣмъ, отрядъ расположился на привалѣ, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи. Долгое время ждали мы по пустому, соблюдая величайшую тишину. Уже солнце склонилось къ западу и мы располагали возвратиться ночевать въ лагерь, какъ вдругъ замѣтили верхового Киргиза, который пробирался по тропинкѣ, проложенной въ камышѣ кабанями. Мы тотчасъ же бросились на него, но онъ замѣтилъ опасность прежде, чѣмъ мы успѣли его окружить, поворотилъ лошадь свою и поскакалъ отъ насъ во всю прыть. Мы пустились за нимъ; но онъ скрылся за извилинами тропинки. Эта неудача такъ раздосадовала насъ, что мы всѣ рѣшились не выходить изъ камыша, пока не поймемъ Киргиза. На бѣду нашу, эта тропинка соединялась со множествомъ другихъ, которыя расходились во всѣ стороны. Въ жару преслѣдованія, мы пренебрегли обыкновенными мѣрами осторожности. Дол-

го скакалъ я, и довольно поздно уже примѣтилъ, что я совершенно одинъ. Наконецъ, сквозь наступившіе сумерки, увидѣлъ я верховаго Киргиза, который стоялъ не въ дальнемъ отъ меня разстояніи, стараясь проложить себѣ дорогу сквозь камышъ, становившійся все гуще и гуще. Я былъ хорошо вооруженъ и, ничего не опасаясь, бросился впередъ, чтобъ взять въ плѣнъ или положить на мѣсть Киргиза. Уже подскакалъ я къ нему, какъ вдругъ услышалъ позади себя лошадиный топотъ. Невольно оглянулся я назадъ. Въ это самое время, что-то ожгло меня въ правое плечо, а въ голову получилъ я ударъ, отъ котораго все вокругъ меня закружилось въ радужныхъ цвѣтахъ. Далѣе ничего я не помню.

VII.

Часто случается, что послѣ пробужденія, впечатлѣніе сна остается, между-тѣмъ, какъ самый сонъ совершенно изглаживается изъ памяти. Воображеніе дѣлаетъ тщетныя усилія, чтобъ снова представить себѣ ночныя видѣнія. Кажется, осязаешь ихъ близость, но вмѣстѣ съ тѣмъ постигаешь невозможность уловить ихъ, и даже, чѣмъ болѣе стараешься дать себѣ въ нихъ какой бы то ни было отчетъ, тѣмъ блѣднѣе становятся въ нашихъ понятіяхъ ихъ очерки. И потомъ, иногда совершенно неожиданно возвращаются они къ намъ и снова тревожатъ умъ нашъ безотчетнымъ безпокойствомъ.

Все, что случилось со мною вслѣдъ за происшествіемъ, описаннымъ въ концѣ предыдущей главы, не оставило по себѣ въ моей памяти почти никакихъ слѣдовъ. Иногда, какъ-будто помнится мнѣ, что меня вдругъ окружали нѣсколько незнакомыхъ людей, что потомъ быстро скакалъ я на лошади, самъ не понимая, куда и какъ держусь на ней. Помнится, чувствовалъ я нестерпимую боль во всѣхъ членахъ, но и она даже не могла вывести меня изъ апатического состоянія, въ которое я былъ погруженъ. Иногда же, эти смутныя воспоминанія совершенно для меня пропадали и все это время казалось мнѣ совершенно-вычеркнутымъ изъ моего существованія.

Было совершенно-темно, когда я очнулся. Въ нѣсколько мгновеній припомнилъ я себѣ все случившееся со мною до моего безпамятства, но не такъ-то легко было мнѣ разгадать свое настоящее положеніе. Я хотѣлъ приподняться и тутъ только почувствовалъ, что связанъ по рукамъ и по ногамъ; нестерпимая боль въ плечѣ напомнила мнѣ о моей ранѣ. Но гдѣ же я? Вокругъ меня было темно, и я не могъ сомнѣваться въ томъ, что нахожусь внутри какого-то строенія; притомъ, и воздухъ казался мнѣ душенъ и отличенъ отъ того чистаго, которымъ дышалъ я столько времени прежде. Съ чрезвычайнымъ усиліемъ приподнялся я нѣсколько цѣлымъ туловищемъ, и по всѣмъ направленіямъ почувствовалъ прикосновеніе чего то твердаго и холоднаго. Страшная догадка, отъ которой кровь застыла у меня въ жилахъ, упала снѣжнымъ комомъ на мою голову. Мнѣ представилось, что напавшіе на меня Киргизы, видя меня столь долго въ безпамятствѣ, по всей вѣроятности сочли меня мертвымъ и похоронили заживо. На нѣсколько

мгновений, эта мысль совершенно подавила свою тяжестью всю мою душевную энергію; въ безмолвномъ и бездѣйственномъ отчаяніи опустился я опять на землю. Мало-по-малу, однако, снова возвратилась ко мнѣ, если не бодрость, то, по-крайней-мѣрѣ, дѣятельность. Съ бышепствомъ, подкрѣплявшимъ силы мои, метался я во все стороны и вездѣ встрѣчалъ однообразное, непреодолимое препятствіе. Вопль отчаянія вырвался изъ груди моей; вслѣдъ за тѣмъ, кто-то схватилъ меня за ногу, и я услышалъ весьма-явственно слова, сказанныя по киргизски незнакомымъ мнѣ голосомъ: *молчи, или убьютъ тебя*. Этотъ неслыхкомъ привѣтливый голосъ показался мнѣ въ эту минуту такъ же сладокъ, какъ только можетъ казаться любовнику признаніе, вылетѣвшее изъ устъ возлюбленной. У меня какъ-будто цѣлая гора спала съ груди. Въ первую минуту радости, я даже и не подумалъ о томъ, что нахожусь въ плѣну у дикарей, и что, быть-можетъ, одна только смерть освободитъ меня изъ тяжелой неволи. Всякое положеніе казалось мнѣ сноснымъ въ-сравненіи съ ужасомъ быть заживо похороненнымъ. Повинуясь таинственному голосу, я лежалъ смирно, тѣмъ болѣе, что малѣйшее движеніе причиняло мнѣ почти нестерпимую боль. Вокругъ меня все снова затихло. Черезъ нѣсколько времени, однакожь, желаніе объяснить себѣ свое положеніе преодолѣло слабость, и я съ величайшимъ трудомъ началъ подвигаться впередъ, не приподнимаясь отъ земли и упираясь въ нее локтями и затылкомъ, въ замѣнъ ногъ и рукъ, которыя такъ крѣпко были связаны, что я не могъ ими пошевелить. Каждый вершокъ пути стѣбилъ мнѣ чрезвычайныхъ усилий; наконецъ, удалось мнѣ вылезти изъ моей загадочной темницы.

Я такъ долго находился въ совершенной темнотѣ, что обыкновенный ночной мракъ не могъ уже мнѣ препятствовать видѣть вокругъ себя, и съ одного взгляда я открылъ, что нахожусь внутри могильнаго памятника, подобнаго тѣмъ, о которыхъ я уже прежде говорилъ. Заходящая луна золотила лучами своими землю передъ отверстіемъ, служившимъ вмѣсто двери. По киргизскому обыкновенію, мѣсто, гдѣ зарытъ былъ покойникъ, обозначалось невысокою грудой камней, между которыми оставалась нѣкоторая пустота, и въ эту-то пустоту Киргизы запрятали меня, какъ вязанку дровъ. Немудрено было, въ-самомъ-дѣлѣ, счесть себя заживо похороненнымъ. На землѣ лежали три человѣческія фигуры; по неподвижности ихъ, я догадался, что онѣ спятъ, или, по-крайней-мѣрѣ, не замѣчаютъ моего появленія между ними. Мысль объ освобожденіи себя изъ плѣна тотчасъ же сверкнула въ головѣ моей. Мнѣ пришло въ голову множество слышанныхъ мною прежде рассказовъ о томъ, какъ плѣнники почти всегда успеваютъ уходить отъ Киргизовъ, пользуясь ихъ безбечностью, которой доказательство было у меня передъ глазами. Я не зналъ только, какъ освободиться отъ проклятой веревки, которою разбойники, должно признаться, мастерски связали мнѣ руки и ноги.

Не успѣвъ я еще выдумать ничего путнаго, какъ все мои надежды уничтожены были пробужденіемъ одного изъ Киргизовъ. Онъ тотчасъ же замѣтилъ меня и къ величайшему удивленію моему заговорилъ со

мною довольно-ласково. Конечно, онъ и не думалъ, что я готовъ уже былъ покуситься на величайшее преступленіе, какое только можетъ совершить плѣнникъ — на побѣгъ. Въ то же время проснулись и другіе Киргизы, которые, какъ видно, спали очень-чутко. Я довольно уже привыкъ къ ихъ языку и понималъ почти все, что они мнѣ говорили. Разбойники совѣтовали мнѣ слушаться ихъ во всемъ и не смѣть думать о побѣгѣ, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, жесточайшихъ истязаній. Впрочемъ, какъ видно было, они старались меня ободрить, говоря, что жить мнѣ у нихъ будетъ хорошо, кормить меня будутъ сытно, и что никто меня пальцемъ не тронетъ, если только я самъ буду вести себя смирно. Послѣ того, начали они меня спрашивать, кто я такой и когда узнали, что я родомъ не изъ Сибири, то расположеніе ихъ ко мнѣ видимо увеличилось. Старались они также понять и чинъ мой, но такъ-какъ военная іерархія составляетъ для нихъ самую запутанную загадку, то они ограничились свѣдѣніемъ, что я майорскій помощникъ и въ знатности почти не уступаю окружному засѣдателю.

Я прежде такъ много слыхалъ о жестокомъ обращеніи Киргизовъ съ плѣнниками, что съ перваго раза не могъ понять, почему дѣлаютъ они въ-отношеніи ко мнѣ отступленіе отъ своихъ обычаевъ; но вскорѣ догадался, что ласковость ихъ происходила вовсе не отъ состраданія, а просто отъ корыстолюбивыхъ расчетовъ. Успѣвъ захватить въ плѣнъ офицера, они надѣялись получить богатую награду отъ Кенисары и заботились только о томъ, чтобъ доставить меня къ нему въ цѣлости. Жизнь моя, съ сохраненіемъ которой соединена была оболстительная надежда на полученіе нѣсколькихъ девятковъ (тогузовъ) (*) скакуновъ и халатовъ — жизнь моя, говорю я, сдѣлалась для разбойниковъ предметомъ самыхъ нѣжныхъ попеченій. Одинъ изъ нихъ ощупалъ въ темнотѣ мою рану и приложилъ къ ней какую-то траву, которую сначала хорошенько пережевывалъ. Другіе предлагали мнѣ поѣсть чего-нибудь, но у меня не ѣда была на умѣ. Между-тѣмъ, толковали они между собою, сколько Кенисара дастъ имъ за мою особу и при этомъ такъ спорили и горячились, какъ-будто дѣло шло уже о дѣлѣжѣ. Одинъ изъ нихъ даже очень-простоудшно спросилъ меня, какъ я думаю объ этомъ предметѣ, то-есть, какъ высоко цѣню я самъ-себя. Разумѣется, я назначилъ себѣ очень высокую цѣну, видя, что ихъ обращеніе находится въ прямой зависимости отъ моей стоимости, выраженной въ лошадяхъ, халатахъ и баранахъ.

Среди этихъ занимательныхъ разговоровъ, Киргизы и не замѣтили, что луна уже скрылась за горизонтомъ и что наступившая темнота есть самое выгодное время для отправленія въ дальнѣйшій путь. Вошедшій въ строеніе четвертый Киргизъ, сторожившій, между-тѣмъ, въ полѣ лошадей, напомнилъ своимъ товарищамъ о походѣ. Передъ тѣмъ, чтобъ

(*) *Тогузъ* значитъ по-киргизски девять. Ордынцы имѣютъ обыкновеніе считать по девяти предметы, входящіе въ составъ калыма, куна (пени) или просто подарковъ. Степными обычаями установлено, сколько въ какомъ случаѣ платить тугузовъ и какіе предметы должны входить въ составъ каждаго изъ этихъ тугузовъ.

посадить меня на лошадь, мнѣ развязали ноги, но оставили руки связанными по-прежнему. Лошадь выбрали подѣ меня самую плохую; двое Киргизовъ посадили меня на нее, потомъ связали снова мнѣ ноги подѣ брюхомъ лошади. Одинъ изъ нихъ взялъ ее въ поводъ и поѣхалъ впередъ; другой же позади меня, держа въ рукѣ конецъ аркана, которымъ былъ я скрученъ. Двое остальныхъ разѣхались въ стороны, чтобъ наблюдать, нѣтъ ли гдѣ какой опасности. Ночь была очень темна; мы ѣхали крупною рысью, соблюдая величайшую тишину. Я не могъ замѣтить никакихъ предметовъ, по которымъ можно бы узнавать дорогу, но мѣстность казалась совершенно хорошо извѣстною Киргизамъ. Часто измѣняли они направленіе пути, чтобъ избѣгнуть каменистыхъ мѣстъ, на которыхъ стукъ лошадиныхъ копытъ могъ бы быть далеко слышимъ. Все это дѣлали они съ такою увѣренностію не сбиться съ дороги, съ какою петербургскій старожилъ идетъ кратчайшимъ путемъ къ себѣ домой по улицамъ, ярко-освѣщеннымъ фонарями. По звѣздамъ только могъ я замѣтить, что мы ѣдемъ прямо на юго-западъ; следовательно, удаляемся подѣ прямымъ угломъ отъ направленія отряда, который, какъ мнѣ извѣстно было, шелъ на сѣверо-западъ.

Разъ, оба Киргиза, ѣхавшіе по сторонамъ, поспѣшно приблизились къ намъ и всѣ мы остановились, какъ окаменѣлые, на мѣстѣ. Слышался какой-то отдаленный гулъ, который можно было принять за топотъ всадниковъ, скачущихъ вдали. Я думаю, дорого бы далъ живописецъ, чтобъ подсмотреть въ эту минуту выраженіе лицъ нашихъ. Киргизы, прижавшись другъ къ другу, дрожали при мысли, что, быть-можетъ, чрезъ нѣсколько минутъ всѣ они будутъ подняты вверхъ на казачьихъ пикахъ. Я съ жадностію вслушивался въ этотъ неясный гулъ, считая его признакомъ близости избавителей. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Киргизы, въ случаѣ нападенія, разбѣгутся въ стороны и бросятъ меня въ степи, не осмѣлая даже на прощаніи приколоть меня своими копьями. И страхъ ихъ, и надежды мои были попустому: гулъ замолкъ въ скоромъ времени. Не знаю, дѣйствительно ли проѣзжала вблизи какая-нибудь шайка, или просто шумъ вѣтра представился намъ лошадинымъ топотомъ. Киргизы, вздохнувъ свободно, разѣхались въ молчаніи опять по сторонамъ, и я долженъ былъ продолжать свое плачевное странствованіе. Нѣтъ словъ, которыми могъ бы я передать вамъ все, что перенесъ въ эту роковую ночь. Я, право, думаю, что долженъ еще благодарить судьбу за тѣ тревоженія, которыя безпрестанно потрясали мою душу. Частые переходы отъ надежды къ отчаянію дѣлали меня почти нечувствительнымъ къ физическимъ страданіямъ, а между-тѣмъ, плечо у меня было прострѣлено, въ голову получилъ я такой ударъ, что все еще не могъ совершенно прійти въ себя.

Къ развѣту, мы остановились въ небольшомъ оврагѣ, который былъ совершенно-непримѣтенъ, даже и на самомъ близкомъ разстояніи. Я увидѣлъ, что вся степь была покрыта свѣжими слѣдами бѣгущихъ волостей. Это зрѣлище было для меня очень-непріятно, потому-что наши собственные слѣды совершенно исчезали въ этомъ множествѣ другихъ

сльдоть, и я не могъ уже почти надѣяться, чтобъ люди, которые стали бы меня отыскивать, не сбились съ надлежащаго направленія. Киргизы снова сняли меня съ лошади, какъ-будто какой-нибудь вьюкъ; связали мнѣ ноги и положили на землю. Отъ утомленія и боли, которая все болѣе и болѣе увеличивалась, я опять лишился чувствъ. Не знаю, сколько времени былъ я въ безпамятствѣ — наконецъ холодъ по всему тѣлу заставилъ меня очнуться, и въ то же время я почувствовалъ, что совершенно захлебываюсь. Это непріятное ощущеніе возвратило мнѣ всю бодрость; я бился, чтобъ вынырнуть изъ воды, но нѣсколько сильныхъ рукъ удерживали меня въ ней. Наконецъ, удалось мнѣ высунуть голову на воздухъ, и Киргизы позволили мнѣ остаться въ этомъ положеніи, но все-таки не выпускали меня изъ воды. Одинъ изъ нихъ, принявшій на себя обязанность лечить меня, уговаривалъ не противиться, увѣряя, что я отъ этого купанья буду чрезъ нѣсколько часовъ совершенно-здоровъ. Съ четверть часа продержали меня въ волѣ, и я, дѣйствительно, началъ чувствовать себя гораздо-лучше, привыкнувъ уже къ холоду и наслаждаясь тѣмъ, что во время моего обморока меня совершенно освободили отъ веревки. Впрочемъ, это наслажденіе продолжалось недолго и меня снова связали, только-что вытащили на берегъ. Послѣ узналъ я, что Киргизы считаютъ купанье самымъ дѣйствительнымъ средствомъ во всѣхъ почти болѣзняхъ. Раненныхъ своихъ обыкновенно кладутъ они въ воду на продолжительное время и увѣряютъ, что послѣ этого всякая рана заживаетъ скорѣе. Я точно началъ чувствовать себя гораздо-лучше. Меня отнесли опять въ оврагъ, гдѣ находились и наши лошади. Одинъ изъ Киргизовъ вылезъ изъ оврага и прилегъ въ травѣ у самаго обрыва, чтобъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ полѣ. Товарищъ его сѣлъ караулить меня, двое остальныхъ растянулись на землѣ и тотчасъ же захрапѣли. Усталость заставила меня послѣдовать ихъ примѣру и я въ скоромъ времени заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Солнце было уже высоко на небѣ, когда я проснулся. Вокругъ меня все оставалось въ прежнемъ положеніи: двое Киргизовъ спали, двое караулили, но только роли ихъ перемѣнились и видно было, что они смѣнялись между собою, какъ наши часовые. Сидѣвшій подлѣ меня Киргизъ, замѣтивъ, что я проснулся, предложилъ мнѣ *круту*. Такъ называются небольшіе кисловатые сырцы, которыми Киргизы исключительно питаются въ походное время. Крутъ распускается въ водѣ и эта смѣсь служитъ вмѣстѣ и пищею и питьемъ. Многіе киргизоманы въ восторгъ отъ крута, но признаюсь, я не пожелалъ бы и злѣйшему врагу своему нѣсколько дней сряду имъ питаться. Голодъ заставилъ меня однако забыть гастрономическія предубѣжденія, и я рѣшился на нѣсколько глотковъ этого киргизскаго лакомства. Стражъ мой вступилъ со мною въ долгій разговоръ и много смѣялся ошибкамъ противъ языка, которыя дѣлалъ я почти на каждомъ словѣ; между прочимъ, разспрашивалъ онъ меня, случалось ли мнѣ видать царя, сколько у него коней и какого цвѣта любимый конь его? Видно было, какъ степное воображеніе разтѣгивалось при этихъ разспросахъ. Собесѣдникъ

мой казался мнѣ веселаго нрава, и въ немъ вовсе незамѣтно было той угрюмости, которая составляетъ черту характера большей части его земляковъ. Нашъ разговоръ прерванъ былъ свистомъ Киргиза, лежавшаго въ травѣ, на верху оврага. Этотъ свистъ такъ похожъ былъ на птичій, что на дальнемъ разстояніи не могъ обратить на себя ничьего вниманія, но на людей, окружавшихъ меня, онъ произвелъ магическое вліяніе. Киргизъ, разговаривавшій со мною, запнулся на полусловѣ и превратился въ совершеннаго истукана, съ разинутымъ ртомъ и съ поднятымъ вверхъ, въ знакъ предостереженія, пальцемъ. Двое остальныхъ Киргизовъ тотчасъ же проснулись и, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, выпучили другъ на друга глаза, выражавшіе крайній ужасъ. Черезъ нѣсколько минутъ, нашъ караульный, находившійся вверху, не приподнимаясь съ земли, метнулъ высоко въ воздухъ свою шапку, которая упала къ намъ въ оврагъ. Я уже прежде зналъ, что Киргизы, притаясь въ травѣ для наблюденія, обыкновенно употребляютъ это средство, когда думаютъ, что колебаніе травы привлекло на себя вниманіе непріятеля. Искусно-брошенная вверхъ киргизская шапка имѣетъ совершенно видъ поднявшейся съ земли птицы. Вѣроятно, эта хитрость имѣла въ настоящемъ случаѣ полный успѣхъ. Черезъ нѣсколько времени, Киргизы вздохнули свободно, какъ-бы сбросивъ съ себя огромную тяжесть и все приняло у насъ прежній видъ. Караульный, надѣвъ на себя шапку, снова занялъ прежнее свое мѣсто; другой возобновилъ со мною прерванный разговоръ; наконецъ, двое остальныхъ опять тотчасъ же заснули. Полуденное солнце жгло насъ почти отвѣсными лучами; укрыться отъ жара было совершенно нѣгдѣ, но Киргизы спали на раскаленномъ пескѣ такъ же спокойно, какъ спятъ послѣ сытнаго обѣда, на мягкой перинѣ, русскій помѣщикъ, имѣющій исправный желудокъ и незаложенное въ Опекунскомъ-Совѣтѣ имѣніе.

Время тянулось весною-длинно. Жаръ не позволялъ мнѣ предаться отдохновенію, а невольная неподвижность была для меня утомительнѣе самаго усиленнаго движенія. Часа за два до заката солнца, Киргизы повторили надо мною въ близлежащемъ плѣсѣ утреннее купанье, и я въ душѣ былъ имъ за то благодаренъ. Не смотря на полученную рану, изъ которой пуля все еще не была вынута, я чувствовалъ, что силы ко мнѣ возвращались. Мысли мои стали свѣтлѣе и я впервые могъ хорошо обдумать свое положеніе. Правда, что оно было очень, очень незавидно. Если даже въ европейскихъ войнахъ, гдѣ просвѣщеніе даровало военнопленнымъ столько ненарушимыхъ правъ, плѣнъ все-таки немногимъ краше смерти, то чего добраго ожидать можно было отъ азіатскихъ дикарей, которымъ чужды всякія понятія о правахъ чело-вѣчества? До-сихъ-поръ, со мною обращались хорошо; но легко было догадаться, что это дѣлалось не изъ состраданія, а изъ своекорыстныхъ видовъ. Надежда, что меня выручатъ казаки, также была не очень основательна. Я зналъ, что лошади въ отрядѣ такъ уже утомлены, что не могутъ продолжать преслѣдованія; экспедиція была уже собственно кончена и отрядъ въ скоромъ времени долженъ вернуться на линію. Всѣ эти размышленія не слишкомъ были утѣшительны, но, съ другой стороны,

мнѣ оставалась еще нѣкоторая тѣнь надежды. Киргизы такъ безпечны и малодушны, что, вѣроятно, рано или поздно представится мнѣ удобный случай къ побѣгу. О трудностяхъ и опасностяхъ этой попытки не стоило и думать. Кто поколеблется рискнуть жизнью, когда дѣло идетъ объ освобожденіи себя изъ неволи? Я припоминалъ себѣ всѣ обстоятельства знаменитыхъ побѣговъ, совершенныхъ Казановою и барономъ Тренкомъ. Эти два человѣка сдѣлались любимыми героями моего воображенія во все продолженіе плѣна моего у Киргизовъ.

Спутники мои ожидали только наступленія темноты, чтобъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Днемъ боялись они, что пылъ привлечетъ вниманіе тѣхъ, которые пустились бы отыскивать меня. Почти полный мѣсяцъ освѣщалъ степь, но это не удержало моихъ Киргизовъ, которые по мѣрѣ удаленія своего отъ отряда, дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе. Мы ѣхали цѣлую ночь крупною рысью и прямо на югозападъ. Къ разсвѣту выѣхала къ намъ на встрѣчу партія кенисаринскихъ караульчей, которые съ радостными восклицаніями окружили насъ, дивясь и завидуя успѣху своихъ товарищей. Послѣдніе, какъ видно было, хотѣли извлечь всю возможную пользу изъ своего торжества. Они всѣ вдругъ начали разсказывать исторію своихъ походовъ: какъ разогнали они несметное множество казаковъ, которые тщетно искали отъ нихъ спасенія за своими пушками; какъ отчаянно-храбро я самъ защищался и какъ, наконецъ, удалось имъ одолѣть меня, *отца побѣдъ и знаменитаго батыря русскаго*. Между-тѣмъ, мы подѣхали къ самому аулу.

Было очень-рано и день не начался еще для большей части народа. Множество собакъ, всѣ одной и той же туркменской породы, выбѣжало къ намъ навстрѣчу и, увидѣвъ меня, подняло громкій лай. Аулы имѣли весьма-одушевленный видъ. По степи, на пространствѣ квадратной полуверсты, въ величайшемъ безпорядкѣ разбросаны были подвижныя жилища Киргизовъ. Юрты было немного; онѣ служили жительствою для одной только аристократіи и привлекали на себя вниманіе выотою своею и бѣлизною кошмъ. Второе мѣсто послѣ юртъ занимали *чуломейки*, которыя отличались отъ нихъ только тѣмъ, что стрѣлы, образующія куполъ, не втыкались на верху въ обручъ, а связаны были вмѣстѣ арканомъ. Наконецъ, весь простой народъ укрывался отъ почнаго холода и дневнаго жара въ *кошахъ*, которыя состояли изъ трехъ жердей, поставленныхъ пирамидально и покрытыхъ кошмою. Въ этихъ кошахъ можно только лежать или сидѣть, но не стоять. Впрочемъ, это не составляетъ важнаго неудобства для ордынцевъ, которые проводятъ жизнь свою сидя на лошади или лежа на землѣ. Поэтому, когда случится Киргизу сдѣлать нѣсколько шаговъ пѣшкомъ, то онъ кажется такъ же псоловокъ, какъ кошка, обутая шалунами въ ореховыя скорлупы.

Между юртами бродило нѣсколько лошадей, которыя обыкновенно держатся вблизи на случай опасности; прочія паслись табуномъ, вмѣстѣ съ верблюдами и баранами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула. Намъ встрѣчалось мало мужчинъ, потому-что было рано и они насла-

ждали еще утреннимъ сномъ, но бабы и дѣвки уже встали и хлопотали около своего хозяйства. Нашъ прїездъ возбудилъ всеобщее любопытство. Вокругъ насъ собиралось все болѣе и болѣе народа. Спутники мои, къ величайшей досадѣ своей, узнали, что Кенисары нѣтъ дома и что его нельзя ждать назадъ ранѣе, какъ дней черезъ десять. Въ нетерпѣніи своемъ скорѣе получить ожидаемую награду, они вздумали было отправиться со мною тотчасъ же отыскивать Кенисару и требовали свѣжихъ лошадей, но противъ этого намѣренія въ толпѣ поднялся сильный ропотъ. Говорили, что и безъ того кони уже устали, и нельзя утомлять ихъ еще болѣе попустому, что меня могутъ въ дорогѣ отбить казаки и проч. Видно было, что, по чувству зависти, все думали только о томъ, какъ бы сдѣлать на-перекоръ моимъ побѣдителямъ. Споръ въ скоромъ времени превратился въ брань.

Между-тѣмъ, подошелъ къ намъ молодой человѣкъ въ щегольскомъ шелковомъ халатѣ и ярко-расшитой *тюбетейкѣ* на головѣ. Не удостоивъ меня поклона, онъ пристально поглядѣлъ на меня и потомъ началъ слушать разсказъ моихъ спутниковъ, которые приветствовали его низкими поклонами и убѣдительно просили позволить имъ отправиться вмѣстѣ со мною вслѣдъ за ханомъ. Такъ величаютъ Кенисару его приверженцы. Молодой человѣкъ рѣшительно отказалъ въ этой просьбѣ, сказавъ, что ханъ самъ въ скоромъ времени вернется и что между-тѣмъ должно меня беречь хорошенько при аулѣ и стараться залечить мою рану. Таскать же меня по степи нельзя, потому-что я принадлежу теперь одному только хану, который самъ распорядится на счетъ меня: прикажетъ ли продать меня въ Хиву, или прикажетъ казнить тотчасъ же. Все это любезный молодой человѣкъ проговорилъ такъ же хладнокровно и такъ же не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, какъ еслибъ дѣло шло о какомъ-нибудь баранѣ, съ которымъ не знаешь что дѣлать, заколотъ ли или продать. Спутники мои видимо были недовольны этимъ рѣшеніемъ, но удержались отъ дальнѣйшихъ возраженій и осмѣлились изъяснить свое неудовольствіе прерывистымъ ворчаніемъ только тогда, когда удалились уже на почтительное разстояніе отъ молодаго человѣка. Послѣ узналъ я, что это былъ Альджанъ, сынъ казеннаго въ Ташкентѣ Сарджана. Ему Кенисара ввѣрилъ управленіе ауломъ на время своего отсутствія.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ альджановой юрты, для меня поставили чумейку, въ которой полъ постланъ былъ довольно чистыми кошмами, что и составляло для меня покойную постель. Не смотря на усталость, я долго не могъ заснуть. Слова альджановы, грозившія мнѣ близкою казнію или вѣчною неволею, звучали неумолчно въ моихъ ушахъ. Легко пренебрегать ею тогда, когда борешься съ нею и жажда успеха заглушаетъ все постороннія чувства. Но другое дѣло видѣть медленное приближеніе гибели и не имѣть средствъ отратить ее. Томительное ожиданіе есть совершенная пытка, и каждая минута времени кажется каплею расплавленного свинца, упавшею на голову. Впрочемъ, надежда на счастливую развязку все еще не покидала меня, и я заснулъ, убаюканный утѣшительницею.

Сонъ мой продолжался часа два и прерванъ былъ приходомъ въ мою чудомейку совершенно незнакомаго мнѣ чловѣка. Четыре лица его были вовсе не киргизскія: онъ отличался правильностію и выраженіемъ ума, котораго лишены большею частію степныя фizioноміи. Незнакомецъ былъ высокаго роста, очень худощавъ, имѣлъ длинную черную бороду и кожу совершенно желтаго цвѣта. Вообще, его фizioномія мнѣ очень понравилась; выражала участіе, она внушала къ себѣ невольное довѣріе. Онъ началъ дружески разговаривать со мною, что весьма-рѣдко въ образованномъ мусульманинѣ: всѣ они заражены самымъ неистовымъ фанатизмомъ и обыкновенно питаютъ глубочайшее презрѣніе къ христіанамъ. Незнакомецъ былъ по имени Абульхайръ, а по роду занятій *хакимъ*, т. е. мудрецъ или лекарь, что на Востокъ считается синонимами. Аджанъ прислалъ его лечить меня и строго приказалъ ему, чтобъ я былъ совершенно-здоровъ къ пріѣзду Кенисары. Я самъ нетерпѣливо желалъ скорѣе выздоровѣть, чтобъ быть въ состояніи предпринять побѣгъ свой, но не слишкомъ-много вѣрилъ искусству ташкентскаго врача. Абульхайръ важно осмотрѣлъ мою рану, выслушалъ жалобы мои на несносную головную боль и ушелъ, обѣщая скоро изготвить надлежащія лекарства.

Абульхайръ сдержалъ свое слово и по прошествіи довольно-продолжительнаго времени возвратился ко мнѣ въ сопровожденіи двухъ Киргизовъ, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ чашку, въ которой лежала вареная баранья голова, а другой тащилъ огромный войлокъ. Абульхайръ далъ мнѣ чашку въ руки, укрывъ меня войлокомъ и приказалъ втягивать въ себя паръ, выходящій изъ бараньей головы, которая столь сильно начинена была разными пряностями, что дѣйствовала не хуже укуса четырехъ-разбойниковъ. Потомъ долженъ я былъ съѣсть всю эту голову, что мнѣ было не совсѣмъ легко сдѣлать, потому-что я вовсе не имѣлъ аппетита, и тѣмъ менѣе еще расположенъ былъ лакомиться стряпнею киргизской латинской кухни. Но дѣлать было нечего и когда я, морщась, проглотилъ послѣдній кусокъ, то Абульхайръ уложилъ меня спать, накидавъ на меня сколько было у него подъ рукою войлоковъ и яргаковъ, чтобъ произвести во мнѣ сильную испарину. вмѣстѣ съ тѣмъ, съелъ онъ долгомъ своимъ предувѣдомить меня, что все это дѣлается только для прекращенія головной боли, а для раны готовится у него другое, специальное средство. Едва-ли бы я въ иное время послушался предписаній моего доктора и согласился лежать въ полдень, при сорока градусахъ жара, подъ огромною тяжестію войлоковъ и яргаковъ; но тутъ лечили меня совершенно-деспотически. Абульхайръ, замѣтивъ, что я хочу освободиться изъ-подъ того, что онъ накидалъ на меня, приказалъ Киргизамъ своимъ съѣсть по краямъ этой кучи и держать меня силою въ спокойномъ положеніи. Я думаю съ часъ долженъ былъ я терпѣть эту пытку; наконецъ, Абульхайръ приказалъ снять съ меня войлоки и, прикрывъ только самую легкою одеждою, поздравилъ съ совершеннымъ избавленіемъ отъ головной боли. Я и точно не чувствовалъ ея болѣе. Легкая прохлада, которою тогда наслаждался, дѣйствовала на меня такъ же цѣлительно,

какъ пріемъ жизненнаго эликсира. Абульхайръ съ торжествомъ взглянулъ на меня и удалился, чтобъ приготовить мнѣ лекарство отъ раны, которая все еще причиняла мнѣ весьма-чувствительную боль. Утомленіе, въ которое приведенъ я былъ жаромъ, кленило меня ко сну и я воспользовался отсутствіемъ моего врача, чтобъ снова предаться отдохновенію.

Абульхайръ не заставилъ себя долго ждать. Онъ въ скоромъ времени воротился назадъ въ мою чуломейку и на этотъ разъ въ сопровожденіи большой толпы мужчинъ, женщинъ и даже ребятишекъ. Видно было, что онъ затѣвалъ совершить надо мною какую-то мудреную операцію, которая должна была служить даровымъ спектаклемъ для праздной киргизской публики. Кошмы моей чуломейки были подняты кругомъ, чтобъ все могли любоваться зрѣлищемъ моего леченія. Признаюсь, меня подиралъ морозъ по кожѣ, когда я старался отгадать, что со мною будетъ. По счастью, средство, придуманное Абульхайромъ, было совершенно безвредно, но такъ странно, что почитаю полезнымъ сълать маленькое предувѣдомленіе моимъ читателямъ, прежде, чѣмъ расскажу имъ, въ чемъ было дѣло.

Я уже имѣлъ случай говорить о суевѣріи Киргизовъ. Нигдѣ не оказывается оно такого сильнаго вліянія на ихъ понятія, какъ въ медицину. Каждую болѣзнь прописываютъ они тому, что злой духъ *джинна* вселился въ человека и его мучитъ. Вылечить больного значитъ прогнать джинна. Даже и въ такомъ случаѣ, гдѣ причина болѣзни совершенно очевидна, какъ, на-примѣръ, при нанесенной ранѣ, Киргизы думаютъ, что ощущеніе боли производится джинномъ. Само собою разумѣется, что ихъ врачи собственно тѣ люди, которыхъ у насъ простой народъ называетъ *знахарями*, и если они и не много смыслятъ въ медицину, то, по-крайней-мѣрѣ, глубоко должны изучить степную демонологию. Я готовъ даже защитить ихъ отъ упрека въ шарлатанствѣ, который, съ перваго взгляда, они такъ заслуживаютъ. Имъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, какое огромное вліяніе на выздоровленіе больного имѣетъ вѣрованіе его въ успѣхъ леченія. Зная предрасудки своихъ земляковъ, они почитаютъ позволительнымъ пріобрѣтать ихъ довѣріе, выдавая себя за людей необыкновенныхъ, проникнувшихъ тайны, недоступныя для прочихъ смертныхъ. Успѣшность ихъ леченія доказываетъ, что они не ошибаются въ своемъ расчетѣ. Сверхъ-того, нельзя думать, чтобъ сами они отчасти не вѣрили въ свое чародѣйство. Люди, разыгрывающіе долгое время роль вдохновенныхъ, обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что сами начинаютъ вѣрить въ свои чудеса. Вспомните нашихъ визионеровъ, магнитизеровъ и пр. Между ними не вся обманщики; многіе дѣйствительно сами впали въ самое странное и самое упорное ослѣпленіе. Средства леченія, избираемыя киргизскими хакимами, частію основаны на нѣкоторыхъ медицинскихъ свѣдѣніяхъ, прикрытыхъ только оболочкою чудеснаго; частію же не имѣютъ никакого другаго основанія, кромѣ народныхъ предрасудковъ, происхожденіе которыхъ отыскать совершенно невозможно. Теперь возвратимся къ нашему Абульхайру.

Прежде всего взялъ онъ ножъ, прочиталъ надъ нимъ не знаю что, молитву или заклятіе, и потомъ очень-искусно обрѣзалъ мнѣ то мѣсто, въ которомъ находилась пуля. Я полагалъ, что онъ намѣревается ее вынуть, но къ удивленію моему онъ ея не тронулъ, и только остановилъ кровь, приложивъ къ ранѣ кусокъ труту. Тутъ терпѣніе мое совершенно лопнуло. Мнѣ не вовсе казалось забавнымъ разыгрывать для потѣхи киргизской публики роль кролика на лекціяхъ Мажанди, или служить посредникомъ переговоровъ между колдуномъ и бѣсенятами; я рванулся изъ рукъ мучителя, но Киргизы не хотѣли добровольно отказаться отъ удовольствія быть свидѣтелями моего излеченія. Число-въка четыре самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ между ними, ухватили меня за руки и за ноги и снова пригвоздили къ землѣ, между-тѣмъ, какъ всѣ прочіе увѣщевали меня не противиться, потому-что, говорили они, все это дѣлается для моей же пользы. Эти увѣщанія показались мнѣ нѣсколько излишними, потому-что и безъ нихъ я почти не могъ пошевелиться. Абульхаиръ обратился тогда къ нѣкоторымъ изъ присутствующихъ и приказалъ имъ поскорѣ привести *Джелъдузъ*. Что это за *Джелъдузъ*? подумалъ я. Чрезъ нѣсколько минутъ, посланные воротились, говоря, что *Джелъдузъ* не идетъ, плачетъ и боится. Абульхаиръ не тронулся однако ни плачемъ, ни страхомъ этого загадочнаго существа. Подите, притащите *Джелъдузъ*, если добромъ не идетъ, повторилъ онъ повелительно и сердито. Я самъ начиналъ принимать живое участіе въ этой траги-комедіи, и, вѣроятно, съ большимъ еще любопытствомъ, чѣмъ всѣ другіе, ждалъ развязки. Мое любопытство вскорѣ удовлетворилось, и самымъ неожиданнымъ для меня образомъ.

Въ чуломейку вошла, или, лучше сказать, введена была дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Ей очень не хотѣлось сдѣлать то, чего отъ нея требовали. Не знаю, боялась ли она чародѣйствъ Абульхаира, или просто стыдилась выйти на показъ передъ цѣлымъ ауломъ, но только лицо ея выражало крайнее смѣшеніе. Это, впрочемъ, нисколько не повредило впечатлѣнію, которое красота ея произвела на меня. Въ-самомъ-дѣлѣ, *Джелъдузъ* могла назваться красавицею. Она была довольно высокаго роста, что очень-рѣдко между Киргизами. Лицо ея, вовсе не плоское, замѣчательно было благороднымъ овальнымъ очертаніемъ, придававшимъ ей необыкновенную привлекательность среди круглолицыхъ ея землячекъ. Наконѣцъ, глаза были чуднаго блеска и черноты. Правда, что загорѣлый цвѣтъ лица, слишкомъ-яркій румянецъ и, увы! густой слой грязи, покрывавшій мою дикарку, могли бы заставить поморщиться какого-нибудь героя Невскаго-Проспекта, но нѣсколько недѣль, проведенныхъ мною въ степи, уже передѣляли многія изъ моихъ понятій на киргизскій ладъ. Впрочемъ, въ ту минуту, когда я въ первый разъ увидѣлъ *Джелъдузъ*, мнѣ было не до оцѣнки красоты ея. Абульхаиръ заставилъ меня вытянуть руку, потомъ подвелъ ко мнѣ *Джелъдузъ* и приказалъ ей перешагнуть чрезъ раненное плечо. Вѣроятно, красавица видѣла уже прежде этотъ способъ леченія, или, можетъ-быть, сама уже лечила кого-нибудь такимъ образомъ, но только, не ожидая дальнѣйшихъ наставленій, начала она сама перешагивать взадъ и впередъ чрезъ плеча,

между-тѣмъ, какъ Абульхайръ считалъ вполголоса число сдѣланныхъ ею шаговъ. Эта комедія продолжалась, я думаю, съ полчаса, и никто изъ зрителей во все это время ни разу не улыбнулся, никто даже не произнесъ ни слова. Наконецъ, Абульхайръ остановилъ Джельдузъ, которая тотчасъ же скрылась изъ чуломейки. Вмѣстѣ съ тѣмъ вынулъ онъ ножомъ пулю изъ раны и этимъ кончился весь процессъ леченія. Когда зрители разошлись, весьма-довольные тѣмъ, что видѣли, то Абульхайръ, по снисходительности своей, объяснилъ мнѣ, что пулю вынимать изъ тѣла весьма-опасно, потому-что вмѣстѣ съ нею входитъ въ человека и нѣкоторый весьма-злой джиннъ. Если вырвать его насильно изъ тѣла, то онъ разгнѣвается и не преминетъ отомстить за себя. Присутствіе же и перешагиваніе черезъ рану непорочной дѣвушки, какова была Джельдузъ, заставляютъ джинна добровольно выйти изъ человека, и тогда пулю можно вынуть безопасно. Я остался совершенно-доколенъ этимъ объясненіемъ.

Какъ ни нелѣпы были всѣ пріемы киргизской медицины, но къ вечеру этого достопамятнаго дня я чувствовалъ себя гораздо-лучше и физически и морально. Оставалась только весьма-естественная послѣ предыдущихъ потрясеній слабость; впрочемъ, мысли мои сдѣлались гораздо-спокойнѣе и я съ какою-то безотчетною бодростію сталъ смотрѣть на будущее. Признаюсь, что и граціозный образъ Джельдузъ много способствовалъ моему выздоровленію. Этотъ образъ безпрестанно мелькалъ у меня передъ глазами и составлялъ рѣзкую и отрадную противоположность съ грубыми и противоящными впечатлѣніями, которыя однѣ производила на меня степь, съ самаго времени вѣзды моего въ ея предѣлы. Абульхайръ, увидѣвъ успѣхъ своего леченія, не считалъ нужнымъ продолжать его. Такимъ-образомъ, я былъ оставленъ совершенно въ покоѣ.

Время тянулось для меня несносно медленно. Я все былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ; караульные не отходили отъ меня ни на шагъ. Конечно, для развлеченія, я могъ бы съ ними разговаривать, но обыкновенно этотъ разговоръ скоро надоедалъ и мнѣ и имъ, потому-что мы не совсѣмъ хорошо понимали другъ друга. Никто въ аулѣ не зналъ ни слова по-русски. Часто приходили ко мнѣ въ чуломейку праздные Киргизы, чтобъ поглядѣть на меня, какъ на пойманнаго звѣрка, но никто не позволялъ себѣ обидѣть меня словомъ или дѣломъ. Я былъ неприкосновенъ для всѣхъ, какъ вещь, составляющая собственность ханскую. Въ-продолженіе трехъ дней, аулъ не трогался съ мѣста. Это доказывало, что казачій отрядъ двигался совершенно по другому направленію и что не опасались съ его стороны нападенія. Наконецъ, скотъ совершенно вытравилъ кормъ въ окрестностяхъ, и должно было перекочевать.

Альджану показалось неудобнымъ и скучнымъ возиться со мною и онъ вздумалъ отдать меня, до возвращенія Кенисары, на сохраненіе египтямъ (Киргизамъ-хлѣбопашцамъ), находившимся въ сосѣдствѣ. Привели старшину этихъ египчей, дряхлаго старичишку, котораго вся одежда состояла изъ нѣсколькихъ лоскутковъ истертой кошмы. Алд-

жанъ повелительно приказалъ ему взять меня на свое сохраненіе, объявивъ притомъ, что, въ случаѣ бѣгства или смерти моей, никто изъ египтянъ не останется въ живыхъ. Старшина бросился въ ноги Альджану, умоляя его переменить свое намѣреніе и представляя, что караулить меня у нихъ нѣкому, что всѣ люди заняты работою въ поляхъ и что, наконецъ, имъ и не справиться со мною, если мнѣ вздумается бѣжать, потому-что ни у кого изъ нихъ нѣтъ никакого оружія. Альджанъ не согласился на его просьбу, а только приказалъ двумъ теленгутамъ своимъ отправиться также къ египтянамъ и тамъ присматривать за мною. Это рѣшеніе еще болѣе увеличило страхъ старшины; онъ началъ умолять Альджана не посылать, по-крайней-мѣрѣ, къ нимъ теленгутовъ своихъ, но Альджану надобно уже толковать о пустякахъ, и онъ, ударивъ старика нагайкою по головѣ, ушелъ къ себѣ въ юрту. Тамъ и кончился этотъ разговоръ, происходившій при входѣ въ мою чуломейку. Расскажу вамъ теперь, что за люди эти египтяне.

Въ такомъ неустроенномъ краѣ, какова Киргизская-Степь, само-собою разумеется, что право собственности очень-мало уважается. Тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, булать можетъ сказать: *все мое*. Два-три баранты, удачно произведенныя сосѣдями, иногда приводятъ какой-нибудь аулъ совершенно въ нищенское положеніе, и несчастные *байгуши* (такъ называются эти Киргизы-нищіе), лишившись лошадей, не имѣютъ даже возможности воспользоваться правомъ возмездія и приобрести насчетъ сосѣдей средства къ избавленію себя отъ голодной смерти. Что тутъ остается дѣлать? Нѣкоторые дѣйствительно погибаютъ съ голода и холода; другіе, болѣе привязанные къ жизни, дѣлаются египтянами, т. е. обрекаютъ себя на величайшія трудности и принимаютъ обрабатывать землю. Можете представить себѣ, каково положеніе этихъ египтянъ посреди кочевого, хищнаго народа. Всякій вооруженный разбойникъ, показавшись на добромъ концѣ передъ ихъ поселеніемъ, заставляетъ трепетать ихъ и за жизнь и за имущество. Всякій проѣзжій теленгутъ требуетъ отъ нихъ для обѣда своего лучшаго барана, а заплатить египтянъ за угощеніе есть вещь неслыханная въ степи. Еще хуже бываетъ для этихъ несчастныхъ хлѣбопашцевъ, когда вблизи ихъ происходятъ баранты. Египтянамъ не позволяютъ оставаться нейтральными: каждая сторона требуетъ отъ нихъ оказанія себѣ всѣхъ возможныхъ услугъ, и каждая сторона безчеловѣчно мститъ имъ за услуги, оказанная противной. Наконецъ, осенью, когда потомъ и кровью политая жатва готова уже вознаграждать дѣлателей за понесенные ими труды, часто какая-нибудь шайка грабителей въ нѣсколько часовъ похищаетъ все, и въ неистовствѣ своемъ истребляетъ даже и то, что не можетъ увести съ собою. Волости, которыя покровительствуютъ египтянамъ, поступаютъ съ ними такъ же, какъ мы съ пчелами: оставляютъ имъ столько, сколько имъ необходимо, чтобы не умереть съ голода зимою, а остальное берутъ себѣ по праву сильнаго. И этотъ родъ умеренности есть простой расчетъ, а не чувство справедливости.

Теперь понятно, почему старшина египтянъ, находившихся вблизи

аула, такъ не хотѣлъ принять меня къ себѣ. Онъ зналъ, что отвѣтственность его передъ разбойниками будетъ велика, а вознагражденія никакого. Еще болѣе ужаснула его мысль имѣть у себя на нѣсколько дней въ гостяхъ двухъ кенисаринскихъ теленгутовъ. Но дѣлать было нечего. Теленгуты посадили меня на коня, сами поѣхали подлѣ, а старикъ, крихтя и охая, поплелся вслѣдъ за нами пѣшкомъ, потому-что у него не было лошади.

Часа черезъ два, мы пріѣхали на мѣсто, занимаемое егинчами. Поле, обработанное ими, засѣяно было просою и походило на огородъ, такъ правильно раздѣлено было оно на небольшіе квадратики. По причинѣ сухости степнаго лѣта, необходимо прибѣгать къ искусственному орошенію полей, а по недостатку гидравлическихъ свѣдѣній, это орошеніе требуетъ чрезвычайныхъ трудовъ. Не смотря на то, терпѣніе егинчей все преодолѣло: каждый квадратикъ поливался одинаковымъ количествомъ воды и можно было ожидать богатаго урожая. Поселеніе егинчей состояло изъ низенькихъ шалашей, сплетенныхъ изъ камыша и расположенныхъ по окружности круга, сажень двадцати въ діаметръ. Егинчи живутъ при своихъ пашняхъ только лѣтомъ, а на зиму расходятся по волостямъ.

Насъ встрѣтили съ ропотомъ неудовольствія, подавляемаго страхомъ, но тутъ же кенисаринскіе теленгуты поподчивали кое-кого, для перваго знакомства, нагайками, и этимъ объяснили, чтобъ егинчи не смѣли считать ихъ за гостей своихъ, а за полныхъ хозяевъ. Все населеніе этого степнаго хутора простиралось человекъ до пятидесяти, большею частію стариковъ, женщинъ и дѣтей. Молодыхъ людей было мало, потому-что, конечно, пока только силы позволяютъ, каждый Киргизъ предпочитаетъ грабежъ тяжелой работѣ. Одежда ихъ напомнила мнѣ картинки, изображающія обитателей Сандвичевыхъ-Острововъ. Дѣти находились въ состояніи наготы, ничѣмъ не украшенной; взрослые прикрывали себя кое-какими лоскутками, но и сложность этихъ лоскутковъ немногамъ превосходила фиговый листочикъ на женскихъ статуяхъ. Прибавьте къ тому лица, на которыхъ ужасно рѣзкими чертами отпечатлѣлось изнуреніе, въ-слѣдствіе тяжелыхъ работъ и недостатка пищи. Наконецъ, всего непріятнѣе было видѣть совершенное отсутствіе нравственной силы, которое уничтожало въ егинчахъ почти всякое человѣческое выраженіе. Все имущество ихъ, сверхъ земледѣльческихъ орудій, состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ овецъ и козъ, которыхъ молокомъ они питались. Пріѣхавшіе со мною теленгуты не согласились, однако, на такое скудное пропитаніе, и каждый день съѣдали неимовѣрное количество баранины; прожорливость ихъ угрожала небольшому стаду егинчей совершеннымъ истребленіемъ. Теленгуты проводили дни въ ѣдѣ, снѣ и ухаживаньи за дочерьми нашихъ хозяевъ, не заботясь нисколько обо мнѣ; но егинчи бдительно стерегли меня, опасаясь ответственности. Я старался вступить съ ними въ разговоръ и выведать что-нибудь о движеніяхъ русскаго отряда, но они были осторожны, и опасаясь разбойниковъ, не отвѣчали ни слова на всѣ мои вопросы. Удобнаго случая къ побѣгу мнѣ также не

представлялось, а мнѣ не хотѣлось бѣжать на авось и неудачною попыткою усугубить бдительность моихъ стражей.

Я провелъ уже дней десять у египтянъ въ смертной скукѣ, какъ въ одно утро явился къ намъ конный Киргизъ съ извѣстіемъ, что Кенисара возвратился и требуетъ меня тотчасъ же къ себѣ.

VIII.

Вѣрьте или не вѣрьте, но вѣсть о возвращеніи Кенисары меня очень обрадовала. Неизвѣстность, въ которой я находился уже столько времени, сдѣлалась для меня несносною, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ какой бы то ни было развязки. Приѣхавшій Киргизъ шепнулъ что-то на ухо находившимся со мною теленгутамъ. Они тотчасъ же освободили меня отъ веревки, подвели мнѣ лошадь и помогли сѣсть на нее. Обращеніе ихъ со мною совершенно перемѣнилось: оставивъ свой прежній повелительный тонъ, они мгновенно превратились въ покорнѣйшихъ слугъ моихъ. Одинъ изъ нихъ, низко кланяясь, просилъ меня замолвить за него и за товарища его словечко у хана и похвалить передъ нимъ ихъ усердіе и услужливость. Я не удостоилъ отвѣтомъ мерзавцевъ, которые совершенно опротивѣли мнѣ своимъ обращеніемъ съ египтянами. Впрочемъ, ихъ просьба была мнѣ очень пріятна, потому-что подавала мнѣ надежду на ласковый пріемъ со стороны Кенисары.

Пока я находился у египтянъ, аулъ сдѣлалъ нѣсколько перекочевокъ, но удался не болѣе, какъ верстъ на десять отъ того мѣста, гдѣ я его оставилъ. Часа черезъ три мы доѣхали до него. Въ наружномъ видѣ его ничего не перемѣнилось; только замѣтилъ я между юртами большое движеніе народа, какъ-будто происходило что-то необыкновенное. Многочисленная толпа отдѣлилась отъ аула; всѣ почти были пѣшіе и шли въ поле. Нѣсколько всадниковъ подъѣхало къ намъ и вступило съ моими спутниками въ разговоръ, который былъ для меня почти совершенно непонятенъ. Всѣ мы направили нашихъ коней наискось, прямо къ толпѣ, которая между-тѣмъ остановилась. Подъѣхавъ къ ней, я увидѣлъ самое необыкновенное зрѣлище.

На землѣ лежалъ связанный Киргизъ, у котораго брита голова и верхняя часть туловища были совершенно обнажены. Смертная блѣдность покрывала лицо его; онъ бормоталъ что-то про себя; думаю, читалъ молитву, потому-что слова его, по-видимому, не относились ни къ кому изъ присутствующихъ. Впрочемъ, онъ лежалъ совершенно неподвижно и въ немъ незамѣтно было ни малѣйшаго признака желанія или надежды освободиться изъ того положенія, въ которомъ онъ находился. Подлѣ него стояло человѣкъ пять теленгутовъ съ ножами въ рукахъ. Они спокойно разговаривали между собою и вертели ножами, любуясь ихъ сверканіемъ на солнцѣ и пробуя ихъ остріе о траву. Вокругъ этихъ людей, которымъ, очевидно, предстояла роль

дѣйствующихъ лицъ въ готовившейся драмѣ, собралась многочисленная толпа зрителей, заботившихся только о томъ, какъ бы удобнѣе все видѣть. Хладнокровное любопытство было единственнымъ чувствомъ, одушевлявшимъ всю эту толпу, въ которой замѣтилъ я много женщинъ и даже дѣтей. Не трудно было догадаться, что всѣ собрались посмотрѣть на смертную казнь — зрѣлище, которымъ Кенисара довольно-часто угощаетъ своихъ приверженцевъ. Какъ ни возмутительно оно для человѣческихъ чувствъ, но я съ жадностью устремилъ на него глаза, находясь подъ вліяніемъ какого-то страшнаго очарованія, отъ котораго никто не можетъ освободиться въ подобныхъ случаяхъ. Все уже было готово для роковой минуты, но палачи долго не приступали къ казни—не знаю, потому ли, что томительное ожиданіе жертвы доставляло имъ наслажденіе, или потому, что имѣли они на то особенное повелѣніе. Наконецъ, одинъ изъ нихъ взялъ связаннаго Киргиза за голову, другіе нагнулись къ нему; потомъ услышалъ я раздрающій душу вопль несчастнаго... Этотъ вопль такъ былъ ужасенъ, что всѣ вздрогнули и даже сами палачи отпрянули отъ своей жертвы, которая представилась нашимъ глазамъ вся окровавленная и въ страшныхъ конвульсивныхъ движеніяхъ, неудерживаемыхъ даже веревкою. По счастью, палачи вскорѣ ободрились; снова окружили они несчастнаго, еще послышались два-три стѣнанія и потомъ все затихло. Я увидѣлъ на мѣстѣ казни изрѣзанный, безобразный трупъ. Народъ въ безмолвіи началъ расходиться; слышны были рыданія нѣсколькихъ женщинъ, можетъ-быть, родственницъ казеннаго. Дѣти кричали, испуганныя кровавымъ зрѣлищемъ, котораго значеніе, вѣроятно, они не совсѣмъ ясно понимали. Я не имѣлъ даже духа спросить у кого-нибудь, въ чемъ состояла вина казеннаго, но одинъ изъ моихъ спутниковъ, не дождавшись вопроса, сказалъ мнѣ, что Киргизъ этотъ былъ караулчи, котораго Кенисара, возвращаясь въ аулъ, нашелъ спящимъ, и приказалъ казнить въ примѣръ другимъ. Вѣроятно, съ намѣреніемъ распорядились такъ, чтобъ я былъ свидѣтелемъ казни и чрезъ то получилъ высокое понятіе о могуществѣ хана. Меня пригласили тотчасъ же ѣхать къ нему. Минуты чрезъ двѣ, лошади наши остановились у входа въ самую большую и богатую юрту. Мы ступили на землю; спутники мои указали мнѣ рукою на висячую дверь, въ которую сами не осмѣлились войти безъ зова. Я очутился лицомъ-къ-лицу съ знаменитымъ разбойникомъ, который такъ давно уже волнуетъ степь.

Кенисара сидѣлъ на огромномъ сундукѣ, прикрытомъ богатымъ бухарскимъ ковромъ. Только-что онъ меня увидѣлъ, какъ всталъ съ сундука, протянулъ мнѣ руку и сказалъ какое-то привѣтствіе. Замѣтивъ, что я, по незнанію языка, затрудняюсь отвѣтомъ, Кенисара приказалъ позвать своего переводчика и, въ ожиданіи его прихода, мы, молча, разсматривали другъ друга. Зная характеръ Киргизовъ, которые, подобно другимъ дикимъ народамъ, выше всего цѣнятъ физическія достоинства, я могъ ожидать, что человѣкъ, обладающій столь большимъ вліяніемъ на своихъ соотечественниковъ, одаренъ богатыр-

скимъ сложениѣмъ. Къ удивленію моему, я нашелъ совсѣмъ противное. Кенисара невысокаго роста и худощавъ; черты лица его запечатлѣны калмыцкимъ характеромъ и напоминаютъ о его происхожденіи. Впрочемъ, узковатые глаза его сверкаютъ умомъ съ примѣсю лукавства, а фizioномія вовсе не обличаетъ жестокости, которую онъ, однако, обнаружилъ во многихъ случаяхъ. Пришелъ переводчикъ, одѣтый по-киргизски и съ бритой головою, но говорившій такъ хорошо по-русски, что я почитаю его бѣглымъ казакомъ, хотя онъ мнѣ и не хотѣлъ въ этомъ признаться.

Кенисара приказалъ ему сказать мнѣ, что онъ очень-радъ случаю со мною познакомиться и считаетъ меня за гостя своего, а не за плѣнника. Станный способъ, подумалъ я, зазывать къ себѣ гостей! Къ этому Кенисара прибавилъ о себѣ, что онъ самый усердный слуга царя русскаго, что его, Кенисары, стараніями степь удерживается въ спокойствіи, и что нѣкоторые злонамѣренные Киргизы поссорили его съ русскимъ правительствомъ, обвинивъ въ разныхъ небылицахъ. Какъ ни забавны были всѣ эти увертки закоснѣлаго мятежника, но для меня не имѣли онѣ достоинства новизны. Я уже прежде зналъ, что Кенисара, послѣ cadaго претерпѣннаго пораженія, прибѣгаетъ къ подобнымъ отговоркамъ. Обыкновенно вступаетъ онъ въ переписку съ степнымъ начальствомъ, запирается на-чисто во всемъ происшедшемъ, взводитъ вину свою на другихъ, изъявляетъ готовность покориться, а между-тѣмъ дѣятельно готовится къ какому-нибудь новому хищническому предпріятію. Впрочемъ, я счелъ совершенно-излишнимъ высказать Кенисарѣ свое мнѣніе, и молча выслушалъ длинную рѣчь его.

Теленгуты подали намъ чаю и поднось съ сухими бухарскими фруктами. Кенисара очень-усердно меня подчивалъ и въ заключеніе объявилъ мнѣ, что онъ не замедлитъ возвратить меня на линію, когда только представится къ тому благопріятный случай. Я принялъ-было эти слова за правду и просилъ его отправить меня немедленно, ругаясь за возвращеніе къ нему лошадей и проводниковъ, но онъ не согласился на это, говоря, что не смѣетъ подвергать меня опасностямъ путешествія по степи, потому-что, если случится со мною что-нибудь въ дорогѣ, то на него падетъ вся отвѣтственность. Нечего было дѣлать. Мнѣ оставалось показать видъ, что я вѣрю данному обѣщанію. Сверхъ-того, великодушный хозяинъ мой объявилъ мнѣ, что днемъ я могу ходить куда хочу по аулу; что связывать меня будутъ только на ночь и то въ уваженіе стариннаго степнаго обычая, отъ котораго отступить онъ не можетъ; что, для прислуги, ко мнѣ представлены будутъ два теленгута, которые не должны смѣть заниматься чѣмъ-нибудь постороннимъ и не должны отходить отъ меня ни на шагъ.

Всѣ эти гостепріимныя распоряженія внушили мнѣ довольно-выгодное понятіе о степной дипломатіи, но мало подавали надежды на скорое освобожденіе. Впрочемъ, мы разстались съ Кенисарою друзьями. Для меня поставили щегольскую чулмейку и принесли въ нее обѣдъ, котораго стало бы на десять человѣкъ. Я почти не прикоснулъ-

ся къ нему. Теленгуты удивились моей умѣренности и сами принялись такъ усердно за лакомыя блюда, что отъ нихъ чрезъ нѣсколько минутъ не осталось даже чѣмъ накормить цыпленка.

Я воспользовался великодушно дарованною мнѣ свободою для того, чтобъ послѣ обѣда прогуляться по аулу. Теленгуты слѣдовали за мною, не постигая, какъ можно безъ всякаго дѣла ходить взадъ и впередъ. Прогулка пѣшкомъ есть удовольствіе, совершенно-непонятное для цѣлаго Востока и тѣмъ менѣе еще для Киргизовъ, которые всѣ народъ конный по превосходству. На каждомъ шагу представлялся мнѣ соблазнъ къ побѣгу. По аулу бродило много лошадей; стоило только подметить между ними самую бойкую, вскочить на нее и — поминай какъ звали. Но мнѣ неизвѣстно было, куда ушелъ отрядъ, а ближайшій казачій пикетъ находился верстахъ въ 400 отъ мѣста, занимаемаго ауломъ; слѣдовательно, мало было вѣроятности добратъ до него по-живу и по-здорову. Какъ ни старался я вывѣдать что-нибудь объ отрядѣ, но Киргизы имѣли уже, вѣроятно, на этотъ счетъ приказанія отъ Кенисары и неизмѣнное *ничего не знаю* было отвѣтомъ на всѣ мои вопросы. Только одинъ изъ теленгутовъ, въ порывѣ хвастовства, рассказалъ мнѣ, что онъ подкрадывался очень-близко къ отрядному лагерю и высмотрѣлъ въ немъ все. Въ удостовѣреніе истинности своего разказа, замѣтилъ онъ мнѣ, что пушекъ у казаковъ шесть и что онъ самъ счелъ ихъ. Я догадался, что онъ видѣлъ орудія снятыми съ передковъ, и принялъ передки и зарядные ящики также за орудія. Число казаковъ, по его мнѣнію, простиралось тысячу до двухъ. Такъ-какъ ему извѣстно было, что я знаю настоящее число, то, конечно, онъ не имѣлъ намѣренія обманывать меня и говорилъ такъ, какъ думалъ. Справедлива пословица: *у страха глаза велики*. Киргизы никакъ не хотятъ вѣрить малочисленности нашихъ отрядовъ и въ воображеніи своемъ всегда превращаютъ въ тысячи сотни, съ которыми мы ходимъ въ степь.

Прогуливаясь по аулу, я никого почти не встрѣчалъ между юртами. Киргизы всѣ спали, утомленные жаромъ и въ-особенности обѣдомъ, для сваренія котораго, дѣйствительно, нужно обладать богатырскимъ желудкомъ. Кое-гдѣ сидѣли женщины, одѣтыя всѣ единообразно въ платья грязнаго краснаго цвѣта. Одни только волосы ихъ, тщательно расплетенные на множество косичекъ и украшенные бисеромъ и стеклярусомъ, показывали нѣкоторыя притязанія на щегольство. Женщины эти были заняты работою или нянчились съ нагими ребятишками, которые отъ грязи и разныхъ кожныхъ болѣзней почти не имѣли человѣческаго вида. Въ одномъ углу аула встрѣтилъ я старинную милую знакомку мою, Джелдузъ. Румянецъ вспыхнулъ на лицѣ ея, когда она меня увидѣла; потомъ, чтобъ скрыть свое смущеніе, она засмѣялась простодушнымъ дѣтскимъ смѣхомъ, покраснѣла еще болѣе и спряталась внутри юрты. Я послушался, наконецъ, убѣжденій лѣнивыхъ теленгутовъ моихъ и, къ величайшему ихъ удовольствію, возвратился къ себѣ въ чуломейку.

Вечеромъ, когда я наединѣ предавался грустнымъ размышленіямъ

и въ сотый разъ передѣлывалъ въ воображеніи планъ своего побѣга, пришелъ ко мнѣ Киргизъ отъ имени Кунанжанъ, супруги султана Досалы, и попросилъ у меня нѣсколько волосъ моихъ. Я не имѣлъ чести быть знакомымъ съ г-жею Кунанжанъ, и никакъ не смѣлъ надѣяться, чтобъ она просила ихъ на память; для чего же были они ей нужны? Весьма-естественно было подумать, что слова посланнаго заключаютъ въ себѣ какой-нибудь неизвѣстный мнѣ киргизскій идиотизмъ или омонимъ, но нѣтъ! Киргизъ, видя, что я его не понимаю, для большей ясности прикоснулся къ волосамъ моимъ и знаками просилъ у меня позволенія ихъ отрѣзать. Послѣ долгихъ переговоровъ я понялъ, наконецъ, что незнакомая мнѣ дама находится въ крайнемъ предѣлѣ того самого положенія, которое Англичане называютъ *весьма-интереснымъ*, и что ей нужны волосы мои, какъ талисманъ, для отогнанія злыхъ духовъ въ наступавшую критическую минуту. Впрочемъ, не думайте, чтобъ почему-нибудь я одинъ былъ одаренъ этимъ дивнымъ качествомъ. Волоса всѣхъ христіанъ безъ исключенія, по мнѣнію Киргизовъ, имѣютъ то же свойство. Вѣроятно, вы объ этомъ никогда и не догадывались. Посланный, взявъ волосы мои, предложилъ мнѣ лично присутствовать при разрѣшеніи г-жи Кунанжанъ и я, какъ вы можете тому повѣрить, охотно на это согласился.

Мы пришли къ юртѣ, которая была биткомъ набита народомъ; многіе даже стояли вокругъ нея, не имѣя возможности войти внутрь. Меня пропустили впередъ, какъ обладателя таинственного талисмана. Я увидѣлъ лежавшую на землѣ молодую женщину, которой лицо покрыто было смертною блѣдностію. Она лежала въ забытіи и прерывистое, тяжелое дыханіе показывало, какія страданія перенесла она. Минутное спокойствіе, которымъ она наслаждалась, безпрестанно нарушалось приближеніемъ къ ней присутствующихъ. Каждый изъ нихъ подходилъ къ блѣдной Кунанжанъ и слегка ударялъ ее нѣсколько разъ плетью по животу, приговаривая: *выходи!* Мнѣ предложили послѣдовать общему примѣру, и я сдѣлалъ то же, что и другіе, отъ души желая облегченія страждущей. Впрочемъ, все шло чинно и безъ замѣшательства, пока не возобновились муки родильницы. Только-что раздался пронзительный вопль ея, какъ мужъ, султанъ Досалы, съ изступленнымъ ожесточеніемъ бросился прямо къ ней, ударилъ ее по щекѣ, замахнулся нѣсколько разъ ножомъ на ея грудь, сопровождая все это ужасными проклятіями и ругательствами. Не-уже-ли, думалъ я, Киргизы требуютъ отъ женъ своихъ такого сверхестественнаго мужества въ перенесеніи физической боли, что не позволяютъ имъ, даже и въ этомъ положеніи, облегчить себя стѣнаніями? Кто-то изъ зрителей, болѣе равнодушный къ происходившему, чѣмъ другіе, объяснилъ мнѣ, что вся эта брань, угрозы и удары обращены вовсе не противъ Кунанжанъ, а противъ злаго духа, *Албасты*, который мучитъ ее и котораго должно прогнать страхомъ. Такъ-какъ всѣ неистовства султана Досалы недостаточны были для прогнанія *Албасты*, и блѣдная Кунанжанъ продолжала стонать и метаться, то въ юрту вдругъ вбѣжали съ дикимъ ревомъ два Киргиза, одѣтые въ самые фантасти-

чeskіе костюмы, въ какія-то древнія кольчуги и шлемы. Въ рукахъ ихъ сверкали обнаженные сабли. Они устремились прямо на Кунанжанъ съ такою яростію, что я едва не бросился впередъ, чтобъ остановить ихъ, забывъ, что все это было не болѣе, какъ нелѣпная комедія. Отъ избытка ли страданій или отъ испуга, но только Кунанжанъ впала въ родъ обморока. Тотчасъ же всѣ мужчины кинулись опрометью вонъ изъ юрты, проворно вскочили на лошадей, пасшихся вблизи и понеслись стремглавъ прямо къ ручью, который протекалъ въ верстѣ разстоянія отъ аула. Я выбѣжалъ вмѣстѣ съ другими, но для меня не нашлось лошади, и я долженъ былъ смотрѣть издали на то, что происходило.

Киргизы неслись во весь опоръ съ визгомъ и гиканьемъ. Я замѣтилъ, что всѣ они сидѣли на лошадяхъ, наклонившись въ сторону, и хлестали нагайками по землѣ. Подлѣ меня стояло нѣсколько людей, которые такъ же, какъ и я, не нашли себѣ лошадей, и я просилъ одного изъ нихъ объяснить мнѣ причину этой скачки. «Албасты», отвѣтилъ онъ мнѣ: «похитилъ теперь внутренности изъ тѣла Кунанжанъ, и спѣшитъ утопить ихъ въ ручьи и всѣ поскакали, чтобъ не допустить его, т. е. Албасты, до этого утопленія и прогнать назадъ въ юрту. Едва успѣлъ я выслушать это объясненіе, какъ всадники возвратились уже назадъ съ прежнимъ визгомъ и стегая по прежнему немилосердно землю. Вся ватага ринулась снова къ Кунанжанъ, но я предоставилъ этимъ акушерамъ-самоучкамъ распоряжаться далѣе, какъ они сами знаютъ, и возвратился назадъ къ себѣ въ чуломейку. Долго не могъ я успокоить своихъ нервъ, разстроенныхъ тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ.

Черезъ часъ пришли сказать мнѣ, что Кунанжанъ благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго называли *Мултукъ*—ружье, потому что первый предметъ, на который взглянула она, послѣ разрѣшенія своего, было ружье. Киргизы имѣютъ весьма-странный обычай, заимствованный ими отъ Калмыковъ, давать новорожденному имя по названію того предмета, который первый замѣтила родильница тотчасъ же послѣ разрѣшенія своего. По этому, перекличка отряда, составленного изъ Киргизовъ, напоминаетъ старинную игру въ фанты, называемую *дамскимъ туалетомъ*, въ которой каждый изъ играющихъ принимаетъ на себя названіе какой-нибудь вещицы, составляющей домашній скарбъ. Я встрѣчалъ даже Киргизовъ, которые назывались сабакою, турсукомъ (*oultre*), нагайкою, и пр., и пр. Вы видите, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Киргизы очень неразборчивы и вѣрятъ, какъ кажется, той великой истинѣ, что не имя можетъ прославить человека, а человекъ имя.

Нѣсколько дней спустя послѣ разрѣшенія Кунанжанъ, мнѣ привелось быть свидѣтелемъ другаго суетѣрнаго киргизскаго фарса, въ которомъ главную дѣйствующую роль разыгрывалъ старинный знакомецъ мой-Абульхайръ. На одномъ изъ приваловъ водилось очень много змѣй, и какой-то Киргизъ, ходившій въ поле за хворостомъ, былъ ужаленъ въ ногу. Ему удалось поймать ту самую змѣю, которая его ужалила,

что необходимо нужно для излеченія, онъ и, держа змѣю на арканѣ, явился передъ Абульхайромъ, съ просьбою о подаиіи помощи. На то время, Абульхайръ сидѣлъ у меня въ юртѣ и я могъ видѣть весь процессъ его леченія. Сначала кликнулъ онъ двухъ помощниковъ своихъ, приказалъ имъ перевязать ужаленному Киргизу ремнемъ ногу нѣскольکو выше раны, и потомъ высасывать изъ этой раны кровь. Между-тѣмъ, самъ Абульхайръ, у входа въ юрту, возился съ змѣею, которую стегалъ слегка хлыстикомъ, бормоча сквозь зубы какія-то заклинанія. По мнѣнію Киргизовъ, въ это время и у хакима и у змѣи сходныя мысли. Хакимъ старается отгадать имя змѣи, а змѣя имя человека, ужаленнаго ею. Если змѣѣ удастся первой отгадать имя человека, то уже ничто не можетъ спасти его отъ смерти; но обыкновенно случается, что хакимъ первый отгадываетъ имя змѣи и тогда она тотчасъ же умираетъ, а человекъ въ скоромъ времени выздоравливаетъ. Абульхайръ съ полчаса, я думаю, не оставлялъ змѣи; по-временамъ потиралъ онъ себѣ рукою лобъ, какъ человекъ, котораго умственныя способности находятся въ сильномъ напряженіи. Все вниманіе больного было устремлено на хакима; онъ и взглядомъ не хотѣлъ поблагодарить двухъ Киргизовъ, которые, между-тѣмъ, съ самоотверженіемъ высасывали изъ раны кровь, а вмѣстѣ съ нею и самый ядъ. Наконецъ, Абульхайръ произнесъ торжественно какое-то слово, котораго я теперь не упомяну и которымъ, по его мнѣнію, называлась змѣя. Вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ онъ ее намъ уже совершенно мертвою. Должно признаться, что онъ убилъ ее такъ ловко, что никто изъ насъ не могъ примѣтить, какъ онъ это сдѣлалъ. Послѣ того, Абульхайръ приказалъ принести турсукъ съ кобылымъ молокомъ, велѣлъ больному опустить въ него ногу и завязалъ турсукъ крѣпко-на-крѣпко арканчикомъ, немного выше ужаленнаго мѣста. Чтобы придать этому предписанію болѣе чудесный видъ, Абульхайръ поставилъ по бокамъ больного двухъ желтошерстныхъ козловъ, а вокругъ провелъ семь разъ бѣлаго барана съ черною головою. Барана потомъ закололи; мясо Абульхайръ взялъ себѣ, вмѣсто платы за леченіе, а голову отдалъ больному и приказалъ ему ее сварить и съѣсть. На другой день больной былъ уже совершенно-здоровъ.

При этомъ случаѣ, одинъ изъ теленгутовъ разсказалъ мнѣ анекдотъ, который напомнилъ мнѣ множество сходныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною отъ простаго народа въ Сибири. «Былъ», сказалъ мнѣ этотъ теленгутъ: «у отца моего работникъ, трудолюбивый, вѣрный, смышленный, такъ, что нельзя было имъ довольно нахвалиться. Вдругъ произошла съ нимъ странная перемѣна. Сдѣлался онъ такимъ обжорою, что каждый день за обѣдомъ сдѣлалъ за десятерыхъ, и послѣ того обѣда, по-прежнему, мучился такимъ волчьимъ голодомъ, какъ-бы три дня куска не было у него во рту. Проходитъ лѣто и зима, прожорство работника все болѣе и болѣе увеличивалось, а между-тѣмъ онъ самъ блѣднѣлъ, чахнулъ, весь изсыхалъ. Отцу моему не жаль было кормить любимаго работника, но жаль было видѣть, какъ онъ примѣтно близился къ смерти. Разъ вздумалось старику разспросить его

о томъ, что чувствуетъ онъ, когда остается нѣкоторое время безъ пищи. Чувствую, сказалъ работникъ, нестерпимое мученье, и какъ-будто что-то внутри меня шевелится. Долго думалъ старикъ, какъ помочь горю; наконецъ, взявъ изъ стада чернаго какъ смоль и безъ отмытинъ барана, закололъ его и, выбравъ изъ него все сало, отдалъ съѣсть работнику. Только-что послѣдній съѣлъ все сало, какъ началъ клонить его непреодолимый сонъ, и онъ вскорѣ уступилъ его вліянію. Сонъ былъ очень-безпокойный; больной метался въ страшныхъ грезахъ. Между-тѣмъ, отецъ мой, сидя возлѣ, не спускалъ съ него глазъ и вдругъ увидѣлъ, что изъ раскрытаго рта высунулась змѣиная головка. Осторожно схватилъ ее отецъ мой двумя палочками, дернулъ къ себѣ и вытащилъ черную змѣю, слишкомъ въ аршинъ длиною. Работникъ тотчасъ же проснулся и сказалъ, что чувствуетъ неизъяснимое облегченіе во всемъ тѣлѣ. Нѣсколько времени послѣ того продолжалась еще его слабость, но недѣли чрезъ двѣ былъ уже онъ совершенно здоровъ.»

За исключеніемъ подобныхъ дивертиссмановъ, которые повторялись не слишкомъ-часто, время шло для меня чрезвычайно скучно. Правда, что я отъ восхода до заката солнца былъ совершенно свободенъ и могъ ходить куда хочу по аулу, но проклятые теленгуты рѣдко отходили отъ меня, а это уничтожало все удовольствіе прогулки. Наблюдать киргизскіе нравы мнѣ было довольно трудно, потому-что каждый вопросъ, который я только дѣлалъ, возбуждалъ подозрѣнія на-счетъ моихъ намѣреній: мнѣ или вовсе не давали отвѣта, или старались вводить въ заблужденіе, говоря неправду. Въ аулѣ все было спокойно. Дѣлали небольшія перекочевки на нѣсколько верстъ и потомъ опять стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ дня по три и по четыре. Кенисара со мною былъ ласковъ по-прежнему. Каждый день призывалъ онъ меня къ себѣ и вступалъ со мною въ длинные разговоры. Обыкновеннымъ предметомъ этихъ разговоровъ были оправданія во всѣхъ прежнихъ произведенныхъ имъ разбояхъ и увѣренія въ совершенной преданности русскому правительству. Положеніе Кенисары было въ то время не совсѣмъ отчаянное, и онъ не хотѣлъ отпустить меня, приберегая это доброе дѣло на черный день, т. е. онъ намѣревался только въ случаѣ крайности отпустить меня, надѣясь этимъ мнимымъ великодушіемъ расположить въ свою пользу начальство и заставить его забыть на время прошедшее: уловка, которую не разъ уже приводилъ онъ въ исполненіе. Разгадавъ этотъ планъ, я, конечно, могъ быть увѣренъ, что хорошее обхожденіе Кенисары со мною не переменится, но съ ужасомъ думалъ, что, быть-можетъ, придется мнѣ провести въ плѣну нѣсколько лѣтъ, лучшихъ лѣтъ жизни. Такимъ образомъ, первоначальная мысль о побѣгѣ не выходила ни на минуту изъ головы моей. До-сихъ-поръ, приставленные ко мнѣ теленгуты все еще сторожили меня бдительно, но я надѣялся, что мнѣ удастся со-временемъ усыпить ихъ осторожность. Каждый вечеръ позволялъ я имъ безпрекослосно связывать меня; часто говаривалъ, что надѣюсь скоро быть отпущеннымъ домой Кенисарою и никогда не подавалъ имъ

ни малѣйшаго намека на то, что мысль о побѣгѣ вертится у меня въ головѣ. Къ неописанному удовольствію, замѣтилъ я, что дѣйствительно ихъ осторожность начинала мало-по-малу ослабѣвать. Обыкновенно съ вечера я притворялся спящимъ: теленгуты осматривали меня внимательно и, убѣдясь въ томъ, что я дѣйствительно сплю, уходили ночевать куда-то по сосѣдству; сначала одинъ только, а потомъ уже и оба въ одно и то же время. Я рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для побѣга. Правда, что они оставляли меня связаннымъ, но отъ веревки освободиться не слишкомъ мудрено: стоило только добыть ножъ.

Единственнымъ развлеченіемъ въ грустной моей степной жизни было для меня присутствіе моей милой Джельдузъ. Конечно, чувство, которое я питалъ къ ней, нисколько не походило на любовь. Я не постигаю возможности любви безъ возможности обмѣна чувствъ и мыслей между любящимися, а всѣ мои понятія такъ разнорѣчили съ понятіями киргизки Джельдузъ, что между нами ничего не могло быть общаго. Но тѣмъ не менѣе одинъ уже взглядъ на нее вливалъ мнѣ въ душу неизъяснимую отраду. Ея простодушіе, ея дѣтская веселость, даже ея незатѣйливое кокетство разгоняли мои черныя мысли. Она подметила время, когда я обыкновенно прогуливался; выходила всегда подъ какимъ-нибудь предлогомъ ко мнѣ на дорогу и устраивала это такъ искусно, что большею частию встрѣчи наши происходили безъ докучныхъ свидѣтелей. Я не могъ удерживаться отъ удовольствія насказать ей каждый разъ столько нѣжностей, сколько позволяло мнѣ малое знаніе киргизскаго языка. Эти признанія нисколько не сердили моей красавицы. Сначала слушала она ихъ краснѣя и молча, потомъ съ каждымъ днемъ смѣлость ея болѣе и болѣе увеличивалась, и мало-по-малу мои страстные монологи начали удостоиваться отвѣтовъ. Сношенія мои съ Джельдузъ не подвигались однако далѣе этой черты. Я думалъ скоро разстаться съ нею навѣки, и боялся оставить ей по себѣ на память горькое, безплодное раскаяніе, которое могло бы смутить свѣтлую юность ея. Въ этомъ заключалось все то, что меня удерживало, потому-что, должно признаться, степные нравы до чрезвычайности благопріятствуютъ похождениямъ въ родѣ тѣхъ, которые описаны въ романахъ Пиго-ле-Брѣна и Поль-де-Кока. Киргизы, по самому образу жизни своей, не могутъ держать женщинъ взаперти, какъ Турки или Персіане, а женщина-мухаммеданка ничѣмъ другимъ не можетъ быть предохранена отъ искушенія, какъ только тройнымъ рядомъ замковъ и неусыпную стражею евнуховъ. Поэтому, нѣтъ страны, которая могла бы доставить дон-Хуану такое огромное число жертвъ, какъ Киргизская-Степь. Говорятъ, что въ старину цѣломудріе строго сохранялось въ степи и за нарушеніе его опредѣлены были страшныя наказанія. Мнѣ рассказывали, что Аблай-Ханъ приказывалъ вѣшать любовниковъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, на шею верблюда, котораго заставляли потомъ вскочить съ земли и гоняли по степи, пока смерть не прекратитъ страданія несчастныхъ. Теперь, эти варварскіе обычаи сохранились только въ памяти стариковъ, и нарушеніе цѣломудрія не находитъ себѣ кары ни въ степныхъ законахъ, ни да-

же въ общественномъ мнѣніи. Правда, что кое-гдѣ опредѣлены еще нѣкоторыя наказанія оболъстителямъ невинности, но эти наказанія совершенно-шутовскія и, какъ кажется, приводятся въ исполненіе болѣе для забавы, чѣмъ для назиданія присутствующихъ. Я видѣлъ разъ, какъ одного молодаго человѣка, уличеннаго въ этомъ преступленіи, посадили на клячу лицомъ къ хвосту, и возили съ громкимъ хохотомъ и криками по аулу. Виновный самъ смѣялся съ другими и не сомнѣвался, вѣроятно, въ томъ, что скоро и ему удастся отплатить своимъ мучителямъ тѣмъ же и также прокатить ихъ на клячѣ лицомъ къ хвосту.

Въ началѣ сентября, погода сдѣлалась уже совершенно-осеннею. Мелкій дождь шелъ почти-безпрерывно; вѣтеръ наводилъ тоску своими завываніями; глинистая почва размокла и наши верблюды, эти *корабли пустыни*, какъ называлъ ихъ Бюффонъ, едва-едва могли пробираться по безпредѣльному морю грязи. Безчисленное множество гусей, журавлей и другихъ перелетныхъ птицъ затемняли собою небо, спѣша изъ Сибири *въ теплый край, за синее море*. Ауль, въ которомъ я находился, покочевалъ по направленію къ Улуту, чтобъ провести тамъ зиму и укрыться въ гостепріимныхъ ущельяхъ его отъ свирѣпыхъ бурановъ. Но до Улуту оставалось еще верстъ 250, и чтобъ не утомить верблюдовъ и лошадей, нельзя было переходить въ день болѣе какъ верстъ по десяти. Прибывъ на ночлегъ, женщины спѣшили поставить намъ юрты, чуломейки и коши, а потомъ все народонаселеніе аула пряталось въ этихъ подвижныхъ жилищахъ отъ непогоды. Счастливъ былъ тотъ, кто успѣвалъ запасти себѣ довольно хвороста и камыша, чтобъ потомъ цѣлый день грѣться и сушиться у огонька! И теперь еще нерѣдко вздыхаю я по томъ времени, когда сиживалъ я, бывало, по нѣскольку часовъ сряду въ безмолвномъ обществѣ моихъ теленгутовъ, машинально подкладывая камышъ въ рѣзво-трескучій пламень и уносясь воображеніемъ въ другой, давно уже покинутый мною край. Шумъ дождя, хлеставшаго о кошмы, стонъ вѣтра, рыскавшаго по степной пустынѣ, составляли плѣнительный отголосокъ моихъ грустныхъ воспоминаній.

Въ одинъ вечеръ, когда погода была еще хуже обыкновеннаго, послышался не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи громкій крикъ. Мы выбѣжали изъ чуломейки, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло, и присоединились къ огромной толпѣ, которая собралась возлѣ одной изъ юртъ. Многіе держали въ рукахъ пылающія хворостины, трепещущій свѣтъ которыхъ позволялъ видѣть намъ все происходившее. Посреди толпы лежалъ на землѣ совершенно-раздѣтый человѣкъ. Можно было принять его за мертваго, если бъ не были замѣтны судорожныя движенія, пробѣгавшія по тѣлу его, когда пинки и тычки, которыми щедро награждали его всѣ стоявшіе вблизи, причиняли ему уже слишкомъ-чувствительную боль. Посреди всеобщаго говора, я могъ только понять, что это былъ лазутчикъ, который забрался внутрь самаго аула и котораго случайно замѣтили два проходившіе Киргиза. Зная уже, по многимъ опытамъ, трусость этого народа, я не могъ не подивиться чуд-

ной отвагѣ пойманнаго лазутчика. Въ-самомъ-дѣлѣ, закрасться ночью въ чужой аулъ затѣмъ, чтобъ подсмотрѣть его расположеніе и подслушать, о чемъ толкуютъ въ юртахъ—есть дѣло въ высшей степени опасное—гораздо-опаснѣе, чѣмъ отправиться мѣрить глубину рва непріятельской крѣпости. Тѣмъ не менѣе, въ каждомъ аулѣ найдете вы нѣсколько охотниковъ на такой отчаянный подвигъ — и что еще страннѣе, въ другихъ обстоятельствахъ десятокъ этихъ же удалцовъ пустится бѣжать при встрѣчѣ съ двумя исправно-вооруженными казаками. Какъ согласить эти странныя противоположности въ людской храбрости? Пользуясь темнотою ночи, лазутчикъ обыкновенно отправляется одинъ-одинѣхонекъ на свое предпріятіе, оставляетъ лошадь свою верстахъ въ двухъ отъ аула, подпалзываетъ къ нему, какъ змѣя, высматриваетъ и подслушиваетъ, что ему нужно, и къ разсвѣту скачетъ уже къ своимъ сообщникамъ съ вѣстями. При этомъ соблюдаетъ лазутчикъ ту предосторожность, что, приближаясь къ аулу, скидываетъ съ себя совершенно всю одежду. Киргизы всегда такъ сильно бываютъ прокопчены дымомъ, что собаки ихъ чуютъ приближеніе человека только по этому дымному запаху и остаются въ покоѣ, когда приближающійся сниметъ съ себя свою прокопченную одежду.

Пойманный лазутчикъ былъ мужчина лѣтъ сорока, высокаго роста и крѣпкаго сложенія. Не видя никакой возможности освободиться отъ настигшей его бѣды, онъ спокойно ожидалъ рѣшенія своей участи. Это было вовсе не хвастливое мужество, не то мужество, которое составляетъ сѣверо-американскаго дикаря, среди ужасныхъ истязаній, пѣть свою военную пѣснь—это было скорѣе отчаяніе волка, который, какъ мнѣ случалось видѣть, медленно умираетъ подъ ударами тупыхъ пашекъ. Но для несчастнаго лазутчика прежде смерти готовилась еще пытка. Аульнымъ старшинамъ нужно было узнать, откуда онъ и какой родъ замышляетъ на нихъ нападеніе? Плѣнникъ на всѣ вопросы не отвѣчалъ ни слова. Принесли нагаекъ. Долго продолжалось истязаніе; по-временамъ, слышался тяжелый вздохъ страдальца; иногда произносилъ онъ слово: *аллахъ*, и только. Нѣсколько разъ Киргизы прерывали пытку и уговаривали плѣнника рассказать имъ всю правду, но ни нагайками, ни ласкою не могли добиться отъ него никакого отвѣта. Принесли какіе-то деревянные клинья, какіе-то волосяные арканы... Я не имѣлъ духа смотрѣть на то, что готовилось, и ушелъ къ себѣ въ чуломейку. Теленгуты мои были очень-недовольны, что я отвлекъ ихъ отъ занимательнаго зрѣлища. Цѣлую ночь не могъ я заснуть; по временамъ долетали до меня вопли несчастной жертвы...

На разсвѣтъ не слышать уже было никакого стога, но въ аулѣ происходила сильная суматоха. Я вышелъ посмотреть, что дѣлается. Обезображенный трупъ лазутчика валялся въ грязи... Киргизы сбдлали лошадей. Какъ-то догадались они, что лазутчикъ былъ изъ чумекеевскаго рода, кочевавшаго не слишкомъ въ дальнемъ разстояніи. Рѣшено было немедленно отправиться на баранту, пока непріятель не провѣдалъ еще о случившемся. Сборы не были продолжительны; чрезъ часъ, человекъ триста всадниковъ о-дву-конь отправились въ походъ,

подъ личнымъ предводительствомъ Кенисары. Оставшимся въ аулѣ приказано было по-прежнему кочевать по направленію къ Улуту.

На другой день послѣ отъѣзда нашихъ барантовщиковъ, передъ наступленіемъ вечера, я занятъ былъ, по обыкновенію, нѣжнымъ разговоромъ съ Джельдузъ, какъ вдругъ она поблѣднѣла какъ полотно, и указала мнѣ пальцемъ на нѣсколько всадниковъ, подъѣзжавшихъ къ аулу. Всадниковъ было всего трое—они были разряжены въ пухъ и, какъ кажется, подъѣзжали къ аулу съ самыми миролюбивыми намѣреніями. Я не могъ понять причину страха Джельдузъ, но не успѣлъ и спросить ее, потому-что она проворно скрылась въ своей юртѣ, куда мнѣ неприлично было за нею послѣдовать. Между-тѣмъ, нѣсколько мужчинъ изъ нашего аула также замѣтили приближеніе всадниковъ и радушно ихъ привѣтствовали. Я спросилъ одного изъ теленгутовъ моихъ, зачѣмъ пріѣхали эти незнакомцы и кто они такіе? «Одинъ изъ нихъ», отвѣтилъ мнѣ теленгутъ: «женихъ Джельдузъ, а прочіе его дружки. Калымъ не весь еще выплаченъ, и потому свадьбу дѣлать нельзя, а между-тѣмъ дѣвка уже подросла, и женихъ пріѣхалъ такъ только, потѣшиться съ нею.» Этотъ отвѣтъ произвелъ во мнѣ невыразимо-болѣзненное чувство, котораго никакъ не ожидалъ я прежде. Склонность моя къ Джельдузъ показалась мнѣ въ эту минуту несравненно-опаснѣе для моего спокойствія, чѣмъ я ее почиталъ досихъ-поръ. Испугъ бѣдной дѣвушки при видѣ жениха доказывалъ мнѣ, что она не рада его пріѣзду и что любовь не облегчитъ для нея тяжелыхъ оковъ, налагаемыхъ гимнеемъ на Азіатку.

Киргизы женятся тремя различными способами. Или достаются имъ жены по наслѣдству, или похищаютъ они ихъ, или, наконецъ, берутъ ихъ съ согласія родителей. Послѣ смерти мужа, вдова обязана выйти за брата покойника или за дядю его, если нѣтъ брата, или наконецъ за другаго ближайшаго родственника его по боковой линіи. Эти супружества бывають иногда не слишкомъ-привлекательны для наслѣдниковъ, но тѣмъ не менѣе обычай этотъ издревле ведется въ степи. Другой родъ браковъ, основанныхъ на похищеніи, самый обыкновенный. При каждой барантѣ въ числѣ верблюдовъ, лошадей и барановъ, стараются захватить и нѣсколько красавицъ. Дѣля добычу, дѣлятъ между собою и этихъ красавицъ, которыя потомъ дѣлаются законными женами побѣдителей. Наконецъ, когда родители согласны, то мальчикъ и дѣвочка обручаются другъ другу большею-частью еще въ колыбели, но настоящій бракъ не заключается до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ выплаченъ весь условленный калымъ. Въ ожиданіи этого благополучія, позволяется жениху пріѣзжать гостить къ невѣстѣ и даже незадолго до брака, во время пріѣзда своего, можетъ онъ вступать во всѣ права супружества. Такъ-какъ большая часть калыма бываетъ уже тогда уплачена, то, по степнымъ понятіямъ, нельзя опасаться, чтобы предполагаемый бракъ былъ расторгнутъ.

Женихъ бѣдной Джельдузъ не бывалъ уже у нея въ гостяхъ два года и, по-видимому, пріѣхалъ къ ней въ этотъ разъ съ рѣшительными намѣреніями. Я видѣлъ, какъ поставили въ сторонѣ щегольскую

юрту, какъ ввели въ нее плачущую Джельдузъ и какъ толпа старухъ сѣла у входа въ эту завѣтную юрту. Чрезъ нѣсколько времени, появился женихъ, стеной дикарь въ полномъ значеніи этого слова, и прямо пошелъ къ юртѣ. Старухи бросились на него съ ужаснымъ крикомъ, били его, чѣмъ попало, кидали въ него комами грязи. Женихъ спохватился, воротился къ своимъ товарищамъ, взялъ у нихъ множество бездѣлушекъ и опять пошелъ къ старухамъ, предлагая имъ все это въ подарокъ. Старухи приняли подарки, но снова кинулись съ бранью и кулаками на жениха, когда онъ подошелъ къ юртѣ. Нѣсколько разъ повторялось то же самое; наконецъ, проклятыя вѣдьмы удовлетворились сдѣланными имъ подарками или, можетъ-быть, догадались, что у жениха ничего уже болѣе не осталось. Онъ впустили его въ юрту къ Джельдузъ а сами разошлись по своимъ жилищамъ. Все успокоилось.

Пытка, которую я видѣлъ наканунѣ и любезничанье пріѣзжаго жениха произвели во мнѣ такое отвращеніе къ киргизской жизни, что мысль объ освобожденіи изъ плѣна задушила во мнѣ всѣ прочія чувства. Я подумалъ, что когда-нибудь совѣсть строго упрекнетъ меня въ преступномъ малодушіи, съ которымъ я откладываю день-за-днемъ свой побѣгъ. Въ первомъ пылу чувствъ, волновавшихъ меня, я рѣшился бѣжать въ ту же самую ночь. Это намѣреніе было не совсѣмъ опрометчиво. Тучи облекали небо и можно было ожидать весьма-темной ночи; теленгуты мои, пользуясь отсутствіемъ Кенисары, еще болѣе пренебрегали своею обязанностію, и я не сомнѣвался въ томъ, что они не будутъ ночевать у меня въ чуломейкѣ... Наконецъ, я такъ давно на досугъ обдумывалъ планъ побѣга, что умственно приготовился уже ко всѣмъ возможнымъ случаямъ. Пока не совсѣмъ еще стемнѣло, я ходилъ по аулу, стараясь опредѣлить сколь возможно точнѣе направленіе вѣтра относительно четырехъ странъ свѣта. Прежде уже замѣтилъ я, что вѣтеръ дулъ постоянно все въ одну и ту же сторону. Это обстоятельство позволяло мнѣ надѣяться, что я не собою съ надлежащаго направленія. Ауль находился въ то время на рѣкѣ Каргалъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ озера Чубаръ-Тенисъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ припоминалъ я себѣ всѣ географическія подробности карты, которую я часто разсматривалъ, находясь въ отрядѣ. Ближайшіе къ Каргалъ пункты, постоянно занятые русскими отрядами, были укрѣпленія: Джаркаин - Агачское и Актауское. Каждое изъ нихъ, какъ казалось мнѣ, находилось верстахъ въ 500 отъ Каргалы, первое—на сѣверѣ, а второе, на востокѣ. Я предпочелъ бѣжать, въ Актау, потому-что дорога туда казалась мнѣ опредѣлительнѣе—зная, что верстахъ во 150 долженъ я увидѣть влѣво отъ себя знакомыя мнѣ горы Улутаускія, далѣе попасть на который-нибудь изъ Кенгирей; слѣдуя по его теченію, выбратъя непременно на Сары-Су и наконецъ, направляясь вверхъ по теченію Сары-Су, достигнуть сары-суйскаго цикета, находящагося верстахъ въ 60 отъ Актау. Путь этотъ представлялъ мнѣ и тѣ выгоды, что я могъ надѣяться избѣгнуть на немъ всякой непріятной встрѣчи. Никто не кочуетъ въ сентябрѣ мѣ-

сящѣ на безплодныхъ берегахъ Сары-Су, а для двухъ коней кормъ найти вездѣ можно. Въ шесть дней не трудно доѣхать до Актау. Чрезъ шесть дней быть въ полной безопасности! Эта мысль приводила меня въ такой восторгъ, что я едва могъ принудить себя подумать о предстоящихъ мнѣ на пути трудностяхъ и опасностяхъ.

Между юртами, какъ и всегда, бродило много лошадей, которыя держутся вблизи на всякій случай. Мнѣ оставалось только выбрать изъ нихъ двухъ понадежѣе. За нѣсколько дней до того, была у Киргизовъ *байна*, т. е. скачка, и я замѣтилъ двухъ лошадей, которыя обогнали всѣхъ прочихъ. На мое счастье, онѣ не взяты были на баранту, и я отыскалъ ихъ привязанными подлѣ юрты жены Кенисары. Объ оружіи я и не думалъ — и къ чему было мнѣ брать его съ собою? При встрѣчѣ съ цѣлою шайкою, не отдѣлаться отъ нея какимъ-нибудь тупымъ копьемъ или полуизломаннымъ ружьемъ. Успѣхъ зависѣлъ не отъ рукъ моихъ, а отъ лошадиныхъ копытъ.

Когда уже совершенно стемнѣло, я воротился въ свою чуломейку. Теленгуты принесли мнѣ на ужинъ баранины и принялись за нее вмѣстѣ со мною. Я разговаривалъ съ ними, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже смѣялся ихъ глупымъ шуткамъ на-счетъ моей страсти къ Джельдузъ. Съ ловкостію, которой позавидовалъ бы, я думаю, любой лондонскій мошенникъ, утащилъ я у одного изъ теленгутовъ ножъ и швырнулъ его въ самый темный уголъ чуломейки. Чрезъ нѣсколько времени, теленгутъ хватился ножа своего, но я успѣлъ развлечь его вниманіе какою-то шуткою, и ножъ-избавитель остался въ углу чуломейки. По окончаніи ужина, мы поговорили еще нѣсколько времени, потомъ теленгуты связали меня, по обыкновенію, и мы, всѣ трое легли спать.

Я скоро притворился спящимъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда теленгуты мои уберутся прочь. Долго не могъ я дожидаться этого благополучія. Наконецъ, ушелъ одинъ изъ теленгутовъ; черезъ четверть часа, поднялся другой, подошелъ ко мнѣ, прислушивался нѣсколько времени, сію ли я, и потомъ вышелъ также изъ чуломейки. Не теряя ни минуты времени, я поползъ въ тотъ уголъ, куда кинуть былъ ножъ. Долго искалъ я его всѣмъ тѣломъ по-напрасну; нѣсколько разъ, съ радостію хваталъ камышки и кусочки тростника, принимая ихъ за него, наконецъ, ножикъ отыскавъ, и я воротился на свое мѣсто. Тотчасъ же принялся я за работу. Съ величайшимъ трудомъ удалось мнѣ перерѣзать въ одномъ мѣстѣ веревку; остальное легко уже было сдѣлать, какъ вдругъ одинъ изъ теленгутовъ возвратился назадъ въ чуломейку. Это непредвидимое обстоятельство поразило меня, какъ громовымъ ударомъ. Было такъ темно, что, конечно, теленгутъ ничего не могъ замѣтить, но бѣжать при немъ сдѣлалось очень трудно. Нельзя было раскрыть чуломейки безъ того, чтобъ холодный вѣтеръ не разбудилъ его, потому-что онъ спалъ при самомъ входѣ. Съ другой стороны, если отложить побѣгъ, то утромъ теленгуты замѣтятъ, что веревка перерѣзана и это обличитъ имъ мое намѣреніе. Между невѣрнымъ успѣхомъ

и вѣрною неудачею колебаться было нечего, и я рѣшился продолжать начатое.

Только-что теленгутъ улегся и захрапѣлъ, какъ я нѣсколькими ударами ножа освободилъ себя отъ веревки. На томъ мѣстѣ, гдѣ я спалъ, взбѣлъ я кошму грудю, чтобъ теленгуты и на разсвѣтъ не могли замѣтить моего побѣга, и подумали, что я запрятался подъ кошму отъ холода. Въ углу захватилъ я подмѣченный мною уже прежде мѣшокъ съ крутомъ, который долженъ былъ составлять всю мою папутную пищу. Оставалось сдѣлать самое трудное и опасное: выбраться изъ чулмейки. Я началъ мое движеніе такъ тихо, такъ осторожно, какъ только могъ, и вдругъ кинулся назадъ, какъ бы наступивъ на змью: въ темнотѣ задѣлъ я за спящаго теленгута... Онъ перевернулся съ одного бока на другой, пробормоталъ что-то и снова захрапѣлъ. Черезъ минуту я рѣшился на новую попытку. Счастливо перебравшись черезъ теленгута, я прилегъ къ землѣ, выждалъ то мгновеніе, когда вѣтеръ нѣсколько поупалъ, поднялъ кошму такъ мало, какъ только могъ, и благополучно выползъ изъ чулмейки.

Нечего было терять времени. Бѣгомъ пустился я къ тому мѣсту, гдѣ были привязаны лошади. Онѣ были запутаны какимъ то мудренымъ калмыцкимъ узломъ, котораго и днемъ я никакъ не сумѣлъ бы развязать, но взятый ножъ позволялъ мнѣ поступить по-александровски. Какая-то собака подошла ко мнѣ, но не залаяла, а только, глядя на меня, принялась вѣть, какъ-бы передъ покойникомъ. Я не вѣрю никакимъ примѣтамъ, и еще радъ былъ этому пронзительному вою, за которымъ Киргизы, еслибъ и не спали, то ничего не могли бы слышать. Тихонько повелъ я лошадей въ поле и бросилъ прощальный взглядъ на ту юрту, гдѣ ночевала Джельдузъ.. Отойдя отъ аула сажень на пятьдесятъ я вскочилъ на одну изъ лошадей, взялъ другую въ поводъ и, сообразясь съ направлениемъ вѣтра, пустился на востокъ.

Лошади мои понеслись съ такою быстротою, что дыханіе захватило у меня въ груди. Вѣтеръ, дувшій мнѣ прямо въ спину, какъ-бы преслѣдовалъ меня и его бѣшенныя завыванія, похожія на визгъ и гиканье разбойниковъ, подгоняли коней моихъ лучше всякой нагайки. Я любобоялся свирѣпостію бури, какъ въ другое время любовался бы тихимъ закатомъ солнца; борьба стихій такъ хорошо соотвѣствовала волненію чувствъ моихъ. Сердце билось сильно, какъ-будто хотѣло вырваться изъ груди, но не отъ страха билось оно. Я ощущалъ незыблемый восторгъ; жадно вдыхалъ я въ себя воздухъ, онъ казался мнѣ раствореннымъ свободою. Не ранѣе какъ чрезъ полчаса пріудержалъ я лошадей своихъ, когда уже, я думаю, верстъ пятнадцать отдѣляли меня отъ аула. Остальную часть ночи проѣхалъ я крупною рысью, пересаживаясь по временамъ съ одной лошади на другую. Къ утру, погода нѣсколько прояснилась и показалась заря. Такимъ-образомъ, я могъ повѣрить принятое мною направленіе и убѣдился въ справедливости всѣхъ своихъ догадокъ. Дорого я далъ бы, еслибъ какъ-нибудь могъ отгадать, сколько верстъ я проѣхалъ. Но вокругъ меня не было никакихъ отличительныхъ предметовъ, да если бы и были, то я по

нимъ ничего не могъ бы узнать, потому-что весь край былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ.

Я не чувствовалъ никакого утомленія, хотя скакалъ цѣлую ночь. Должно было однако остановиться, что бы дать отдохнуть лошадямъ. Я воображалъ, что теперь уже, безъ сомнѣнія, въ аулъ замѣтили мой побѣгъ и вѣроятно, тотчасъ же пустились въ погоню. Впрочемъ, я находился, по-крайней-мѣрѣ, верстахъ въ пятидесяти впереди моихъ преслѣдователей и могъ считать себя отъ нихъ въ нѣкоторой безопасности. Мѣсто, выбранное мною для привала, было со всѣхъ сторонъ закрыто возвышенностями. По краямъ небольшого плёса росла густая трава, которой было очень достаточно для моихъ коней. Опасаясь однако запалить ихъ, я долго водилъ ихъ взадъ и впередъ, не смотря на то, что меня сильно началъ клонить сонъ, только что ступилъ я на землю. Наконецъ, когда кони мои достаточно простыли, я ихъ пустилъ на траву, а самъ заснулъ какъ убитый.

Не знаю, долго ли спалъ я, потому-что небо было покрыто тучами, когда я проснулся, и нельзя было узнать времени по солнцу. Чувствуя сильный голодъ, вынулъ я круту изъ мешка, но къ-несчастью, я не позаботился взять съ собою чашки, а крутъ нельзя иначе ѣсть, какъ разведенный въ водѣ. Нужда однако всему научить: вблизи отыскалъ я огромные листья какой-то травы, которые послужили мнѣ вмѣсто посуды. Еще не успѣлъ я кончить скромнаго своего завтрака, какъ увидѣлъ на краю горизонта нѣсколько всадниковъ. Хотя мѣсто, гдѣ я находился, и было совершенно закрыто, такъ что всадники не иначе могли меня замѣтить, какъ подъѣхавъ ко мнѣ на самое близкое разстояніе, но нельзя было полагать, чтобъ они не стали осматривать этотъ плёсъ, и я счелъ за лучшее тотчасъ же вызвать ихъ на преслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что лошади мои наѣлись и отдохнули. Только-что выѣхалъ я изъ оврага, какъ всадники пустили за мною лошадей своихъ во всю прыть, но я тотчасъ же замѣтилъ, что лошади ихъ были уже очень утомлены огромнымъ переѣздомъ. Разстояніе между ними и мною все по немногу увеличивалось, но не ранѣе, какъ часа черезъ два я потерялъ ихъ изъ виду. Лошади ихъ совершенно выбились изъ силъ и они вынуждены были остановиться. Я вознесъ благодарную молитву къ небу, которое явно мнѣ покровительствовало: если бы эти всадники подъѣхали ко мнѣ получасомъ ранѣе, то нашли бы меня спящимъ, и тогда я снова попался бы въ плѣнъ, изъ котораго, можетъ-быть, одна только смерть меня со временемъ освободила.

Къ вечеру, погода совершенно разъяснилась. Вѣтеръ затихъ и солнце село безъ облаковъ. Я отыскалъ полярную звезду, и обернувшись къ ней лѣвымъ плечомъ, ѣхалъ всю ночь безостановочно. Около полуночи возшелъ мѣсяцъ. Съ живѣйшимъ любопытствомъ поглядывалъ я влѣво, надѣясь увидѣть Улутаускія-Горы. Горизонтъ съ этой стороны былъ неровно очерченъ, но нельзя было отгадать, горы ли то, или облака. Къ разсвѣту, я убѣдился, что Улутау точно влѣво отъ меня. Вдали узналъ я знакомыя мнѣ вершины и даже гору, гдѣ находится могила едигеева, близъ которой провелъ я нѣсколько дней, мѣсяца два тому

назадъ. Часа черезъ три, выѣхалъ я на небольшой ручей, имѣвшій теченіе прямо на востокъ и который считъ я за одинъ изъ Кенгирей. На слѣдующій день, достигъ я другаго, болѣе значительнаго ручья, который, судя по всемъ примѣтамъ, былъ Сары-Су. Этотъ ручей долженъ былъ мнѣ служить ариадниною нитью въ странствіи моемъ по безплодной пустынѣ.

Я никого не встрѣчалъ на пути своемъ, но едва-ли что-нибудь другое, кромѣ желанія вырваться изъ плѣна, могло вдохнуть въ меня довольно силъ, чтобы перенести всѣ трудности путешествія. Я не обращалъ никакого вниманія на усталость и только заботился о сбереженіи лошадей. Скудость пищи, къ которой я не привыкъ; невозможность переменить одежду, которую дождь безпрестанно промачивалъ насквозь; наконецъ, тяжелое ощущеніе, наводимое на человѣка продолжительнымъ одиночествомъ, все это имѣло сильное вліяніе на мое здоровье. Иногда чувствовалъ я, что мысли мои затмѣваются; какіе-то странные, фантастическіе образы носились предо мною даже среди бѣлаго дня... Я не могъ ни минуты заснуть спокойно. Часто представлялось мнѣ, что кто-то крадется, чтобы схватить меня, или что лошади мои освободились отъ путъ своихъ и несутся вдаль по степи. Въ минуты болѣе спокойныя, я старался разгадать, сколько верстъ остается мнѣ еще проѣхать. Известно, какъ обманчивы понятія о скорости и времени. Иногда казалось мнѣ, что я ѣду слишкомъ-тихо, что большая часть времени проходитъ у меня въ отдыхъ, иногда же увлекался я совершенно-противоположнымъ мнѣніемъ.

Въ одно утро ѣхалъ я, погруженный въ мрачныя свои размышленія, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою конну сѣна. Нѣтъ! я не въ состояннн выразить вамъ восторга, произведеннаго во мнѣ этимъ признакомъ соседства казаковъ. Лошади мои тоже почувли близость конца дальней дороги и повеселись во весь оворъ. Въ скоромъ времени показался пикетъ. Легкій дымокъ вился изъ трубы; вокругъ пикета бродили лошади. Устремивъ глаза на давно-невиданное, привлекательное зрѣлище, я стрѣлою влетѣлъ въ самую середину табуна, какъ вдругъ услышалъ громовой голосъ: *ахъ ты, орда безпутная!* и вслѣдъ за тѣмъ пуля свиснула у меня надъ самою головой. Два казака, съ шашками на голо, неслись прямо на меня. Едва, едва успѣлъ я соскочить на землю и прокричать имъ: *стойте, земляки!* Казаки сочли меня за отчаяннаго батыря, который кинулся въ средину табуна, чтобъ угнать его. Во мнѣ, дѣйствительно, не было ничего православнаго. Старый стеганный халатъ и красный малахай дѣлали меня совершенно-похожимъ на Киргиза, а загорьлое, запыленное и обросшее бородою лицо ни какъ не позволяло догадаться, что мнѣ когда-нибудь прежде случалось бывать подъ кровлею. Съ нѣсколькихъ словъ все объяснилось. Казаки приняли меня какъ роднаго; угощали чѣмъ Богъ послалъ, и въ тотъ же день, согласно желанію моему, препроводили меня въ Актау.

Черезъ мѣсяцъ былъ я уже въ Петропавловскъ...